

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Дагаева Кира Игоревна

**Образ СССР в американской прессе на финальном этапе холодной войны
(1985-1991)**

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Б.Ф. Славин

Москва — 2025

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основы изучения медиаобраза в инокультуре.....	22
1.1. Медиаобраз и его роль в формировании картины мира.....	22
1.2. Реализация в медиа социальных и этнических стереотипов.....	33
1.3. Имагологические подходы к изучению стереотипного образа страны в инокультуре.....	46
Глава 2. Анализ особенностей образа СССР в американской прессе.....	57
2.1. Формирование образа Советской России под влиянием холодной войны.....	57
2.2. Характеристика ключевых образов СССР в «Time» и «Commentary».....	69
2.3. Динамика изменения образов ключевых политических фигур: М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина.....	90
Глава 3. Социальные изменения в Советской России в интерпретации американских СМИ.....	114
3.1. Гласность и перестройка в зеркале американских СМИ.....	114
3.2. Интерпретация Августовского путча в американских СМИ.....	132
Заключение.....	152
Список литературы.....	163
Приложения.....	207
Приложение 1. Актуальность медиаисследований. Анализ публикационной активности отечественных авторов.....	207
Приложение 2. Развитие отечественной имагологии.....	209
Приложение 3. Краткая характеристика изучаемых журналов.....	216
Приложение 4. Публикации «Commentary» и «Time» по рубрикам.....	223

Приложение 5. Обложки журнала «Time».....	225
Приложение 6. Обложки и публикации «Time», посвященные Августовскому путчу.....	234
Приложение 7. Обложки журнала «Commentary».....	235
Приложение 8. Рабочая программа дисциплины «Имагология: особенности формирования образа России в зарубежных СМИ».....	244

Введение

Актуальность исследования.

Современная геополитическая обстановка характеризуется высоким уровнем напряженности, ростом количества политических и военных конфликтов. Несмотря на то, что биполярная картина мира давно изменилась, Россия и США по-прежнему представляют собой ключевых игроков на международной арене. Официально холодная война была закончена в 1990 году, когда была достигнута «принципиальная договоренность о прекращении противостояния Запада и Востока» [138, С. 28], однако ее наследие до сих пор оказывает влияние на различные сферы жизни не только наших стран, но и всего мира. Риторика холодной войны вновь стала актуальна в начале 2000-х годов. Политико-экономическое противостояние, которое, как считалось, завершилось с подписанием «Парижской хартии для новой Европы» в 1990 году, обрело новое дыхание. В научном и публицистическом дискурсе появился «осовремененный» термин – «Холодная война 2.0» [142], указывающий не только на возобновление соперничества между мировыми сверхдержавами, но и предлагающий историческое обоснование и социальное закрепление нового явления на уровне ассоциаций и социальных стереотипов.

Основными темами в контексте наследия холодной войны, вновь актуализированными в средствах массовой информации, можно назвать рост авторитаризма, угрозу распространения ядерного оружия [232, С. 371-372] и «нарушение ядерного табу» [239, С. 433]. Однако, главной проблемой, равно как и в период конфронтации, являлось состояние «мира, который не есть мир» [228]. Как отмечают исследователи, геополитическое противостояние не завершилось принятием мира де-факто, но приобрело все черты соперничества, при котором

«понятия войны и мира стали размыты и переплетены друг с другом» [100, С. 95]. Особенно актуальной эта проблема представляется в данный момент – в рамках СВО, в условиях «островизации» [98] международных отношений, ограничении международных контактов и фактическом закрытии границ, почти полным прекращением академической и профессиональной мобильности.

Фокус данного исследования сосредоточен на особенностях репрезентации Советской России, ее жителей и политиков в американской прессе на завершающем этапе холодной войны. Понимание специфики формирования образа нашей страны за рубежом, выявления механизмов по его позитивизации.

Вопросы репрезентации образов стран и народов в инокультуре волновали ученых уже достаточно давно, не только в рамках исторических и политологических исследований, но и в области филологии. В начале 1960-х годов во Франции в рамках компаративистики, сравнительного литературоведения, было выделено самостоятельное направление – имагология, которое тщательно изучало проблематику образов стран в инокультуре (П. Журда, М. Кадо, Ж.М. Каррэ, и др.), в отечественном литературоведении этот вопрос тщательно изучали Н.П. Михальская, В.П. Трыков, А.Р. Ощепков и др. Постепенно, начиная с 2015-х годов, отечественные и зарубежные исследователи обратились не только к собственно-литературным, но и медийным источникам, позволяющим более глубоко, полно и точно определить специфику формирования образов государств и их жителей в инокультуре. Большое количество материалов, различные точки зрения, широкий круг авторов, разносторонняя трактовка социально значимых событий, – все эти аспекты делают медиа ценнейшим источником имагологических данных, позволяют более полно и объективно представлять динамику образов страны в инокультуре, а главное – выявлять причины их изменения. Таким образом, данное исследование представляет собой синергию классических филологических исследовательских традиций и современных новаторских подходов по изучению медиа.

В условиях глобализации и мгновенного распространения новостей, средства массовой информации играют ключевую роль в формировании

общественного мнения. В связи с чем важное значение приобретают различные аспекты формирования имиджа России на международной арене. Медиаобразы, которыми наполнены СМИ, функционируют на основе целого ряда мифов, клише, социальных и этнических стереотипов. Следует отметить, что информация, транслируемая через средства массовой информации, представляет собой особый тип реальности. Она отражает объективные факты действительности, которые представлены отправными точками для создания журналистских материалов. И в то же время, на нее влияет целый ряд факторов: специфика повестки дня, ожидания целевой аудитории, личные воззрения авторов, тематическая и политическая ориентация средства массовой информации и т. д. В результате медиаобразы, входящие в состав журналистских текстов, представляют собой не столько реальную действительность, сколько ее отражение, имеющее, зачастую, лишь формальные точки соприкосновения с объективной реальностью.

Исследование образа СССР в американской прессе позволит лучше понять, как средства массовой информации влияют на общественное мнение и как создают, транслируют и фиксируют различные этностереотипы и мифы. В условиях общей геополитической нестабильности, когда международные отношения становятся все более и более сложными, понимание таких процессов может способствовать снижению уровня напряженности в рамках межкультурного диалога между Россией и остальным миром. Выявление этнокультурных стереотипов, связанных с нашей страной, а также особенности их реализации в медиа, позволит наметить пути для их коррекции и преодоления, что, в свою очередь, может способствовать улучшению международных отношений. Таким образом, данное исследование имеет не только академическую ценность, но и важное практическое значение для налаживания конструктивного диалога между Россией и Западом.

Объект исследования – медиаобраз СССР в американских журналах «Time» и «Commentary» на последнем этапе холодной войны.

Предмет исследования – изменение медиаобраза СССР в американских общественно-политических журналах, особенности его формирования и причины

динамики, а также специфика репрезентации нашей страны в журналах «Time» и «Commentary» в последние годы холодной войны (1985-1991гг), подходы американской прессы к освещению резонансных событий в СССР.

Источники данной работы условно делятся на три группы:

1. Материалы американской прессы, представленные журналами «Commentary» и «Time» и составляющими эмпирическую базу исследования.

2. Труды по имагологии, включающие в себя образы России в различные исторические периоды и позволяющие сформулировать базовые стереотипы, связанные с восприятием нашей страны за рубежом. Среди них следует отметить исследования П. Журда [205], М. Кадо [165], Ш. Корбе [170], А. Лортолари [217], Г.Л. Лозинского [218], Н.П. Михальской [88], А.Р. Ощепкова [92, 93], В.П. Трыкова [133, 134], в которых проводилась систематизация и описание различных образов России в зарубежной литературе и прессе.

3. Работы американских и отечественных исследователей, затрагивающих проблему формирования образа России непосредственно в США. Труды таких американских ученых как Т.А. Бейли [161], Дж.Л. Гэддиса [190, 191, 192], и П. Госсера [196], Дж. Фиска [186], Д.С. Фоглесонга [188] — позволяют выявить, как был реализован образ нашей страны в Соединенных Штатах Америки и как он функционировал внутри американской культуры. Работы таких отечественных исследователей как В.И. Журавлёва [47, 48], З.А. Ужегова [137], М.С. Ковригина и Е.А. Котеленец [5, 63, 69], позволяют проследить за изменениями образа России в американских медиа в диахроническом контексте и встроить результаты данного исследования в уже существующую парадигму.

Эмпирическая база исследования представлена двумя американскими журналами различной политической направленности. «Commentary» — ежемесячный консервативный журнал, издаётся с 1945г., тираж 600 тыс. экз. Основные темы: проблемы демократии и демократических свобод в мире, противостояние тоталитарным идеологиям, вопросы американской и западной безопасности, судьба еврейского народа. В исследуемый период в этом издании публиковались такие выдающиеся философы, социологи, политологи и

общественные деятели как Х. Арендт, Д. Бэлл, А. Кодевилла, А. Паддингтон, А. Щаранский и др. «**Time**» - первый новостной еженедельник США либеральной направленности, издается с 1923 г., Формат журнала предусматривал несколько десятков статей, в сжатой форме резюмирующих наиболее важные темы недели в области внутренней и внешней политики, бизнеса, образования, науки, медицины, права, религии, спорта, книгоиздания и искусства.

Выбор изданий обосновывается двумя ключевыми аспектами. С одной стороны, данные журналы сопоставимы по тиражам и охвату аудитории в указанный период, а также сопоставимы по частоте выхода материалов, по степени интереса к проблемам Советского Союза. За исследуемый период в «**Time**» было опубликовано 463 статьи, посвященных СССР, в «**Commentary**» – 596. С другой стороны, данные издания представляют диаметрально противоположные точки зрения на события, происходившие в Советском Союзе. Для консервативного «**Commentary**» характерна резкая критика тоталитарных систем, в первую очередь коммунистических, повышенный интерес к проблеме прав человека и пристальное внимание к положению диссидентов, при этом представляя развернутые аналитические материалы по рассматриваемым вопросам. В то же время либеральный «**Time**» представляет более нейтральную оценку событий, стремится к освещению «горячих» новостей, зачастую кардинально изменяет позицию редакции по различным вопросам (что особенно ярко прослеживается в материалах, посвященных Августовскому путчу и аварии на ЧАЭС). Сопоставительный анализ изданий, освещающих события в СССР с кардинально противоположных точек зрения, позволяет не только четко выявить противоречия в медийной картине мира США, определить основные аспекты, оказывающие влияние на образ Советского Союза в североамериканских медиа, а также проанализировать этносоциальные стереотипы, связанные с нашей страной, причины их появления и изменения, а также влияние на американскую медийную картину мира.

Хронологические рамки исследования охватывают период с января 1985 года по декабрь 1991 года. Нижняя граница хронологических рамок определяется

назначением М. С. Горбачёва на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Верхняя граница хронологических рамок исследования определяется декларацией о прекращении существования СССР. Незначительное расширение хронологических рамок обусловлено необходимостью учитывать контекст публикаций, вышедших в печать незадолго до данных событий.

Степень научной разработанности проблемы. Данное исследование имеет междисциплинарный характер и выполнено на стыке таких дисциплин как журналистика, филология, история, политология, социология и философия. В силу специфики предмета исследования, теоретико-методологическая основа исследования представлена в виде семи блоков, включающих общепhilosophское направление, различные аспекты теории и практики журналистики, концептуальные основы медиаобразов, стереотипов, имагологии, а также работ, посвященных российско-американским отношениям и образам России в США.

Важное значение для понимания *общепhilosophской концепции* формирования картины мира оказали труды Платона [99], А. Шопенгауэра [152], М.М. Бахтина [11], Ю.М. Лотмана [77]. Работы П. Бурдьё [18], Э. Дюркгейма [45], Э. Нозель-Нойман [90] расширяют данную проблематику в рамках социокультурного аспекта. Специфику целостного восприятия событий в этом процессе анализируют труды М. Хайдегера [144], О. Шпенглера [153], К. Ясперса [158], и др.

Теоретической базой данной диссертации являются *различные аспекты теории и практики журналистики*, в рамках которых рассматривается специфика формирования общественного мнения. Роль стереотипов в журналистике и их влияние на общественное мнение была впервые рассмотрена в исследовании У. Липпманна [215] и развита в трудах М. МакЛухан [222], М. Данези [174], М. Маккомбса и Д.Л. Шоу [221; 29]. Существенный вклад в понимание приёмов языкового манипулирования в СМИ внесли труды А.А. Даниловой (Любимовой) [35-39; 78], Я.В. Солдаткиной [118-121], К.В.Марчан (Тулуповой) [84; 85; 135; 136]. Также важное значение для

понимания исторического контекста и роли личности политиков в исторических процессах, отражаемых в СМИ, имеют труды Б.Ф. Славина [26; 115; 116].

Изучение особенностей создания и изменения образа государства и его жителей в средствах массовой информации невозможно без рассмотрения **концептуальных основ медиаобразов**, представленных в трудах Ю.В. Белоусовой [12], Е.Н. Богдан [15; 16], С.Е. Ковалевой [62], Т.В. Сезонова [113].

В рамках исследования образов страны и ее жителей в инокультуре ключевым понятием является **стереотип**. основополагающее значение для данного исследования имеют работы таких ученых, как У. Джеймс [202], С. Каплан [206], И.С. Кон [66], У.Г. Олпорт [159], в чьих трудах были сформулированы и подробно описаны «предрассудки», существующие в обществе, а также их роль в восприятии действительности. В трудах Б. Андерсона [160] и Л. Вульфа [248] подробно рассматривается, как формируются в общественном сознании образ иностранца и других стран.

Поскольку данное диссертационное исследование направлено на анализ особенностей восприятия стран и их жителей в инокультуре, важную роль в формировании теоретико-методологического базиса играет **имагология** – научное направление, ориентированное на изучение образов «чужого» в культуре. Её основные положения были изложены в трудах французских компаративистов П. Журда [205], М. Кадо [165], Ж.М. Каррэ [166], Ш. Корбэ [170], Ф.М. Гийяра [197], Х. Дизеринка [178; 179 180], Ж. Леерсена [208-212], в которых описывается и обосновывается методологически аппарат исследований в данной области, определяется круг проблем и вопросов, характерных для имагологической проблематики. Значительный вклад в развитие теории имагологии в отечественном поле внесли труды О.Ю.Полякова и О.А. Поляковой [101; 102], В.В. Барабаша и Е.А. Котеленец [7], В.П. Трыкова [93; 133; 134] и А.Р. Ощепкова [92; 93].

Особенности образов России в США в различные исторические периоды рассматривались в трудах В.И. Журавлёвой [47; 48], З.А. Ужеговой [137],

В.Ю.Крашенниковой [72], М.С. Ковригиной [5; 63; 69], С.И. Шампаровой [151]. Эти работы представляют особую важность для данного исследования, поскольку в качестве эмпирического материала в них выступает американская пресса. Синтез данных исследований позволяет сформулировать комплексную картину по изучаемому вопросу.

В силу специфики объекта исследования, эмпирический материал следует рассматривать, учитывая *специфику российско-американских отношений*, в том числе и в контексте холодной войны. Особый интерес представляет подход американских исследователей. Среди авторов, разрабатывавших данную проблему, следует выделить Т.А. Бейли [161], П.Госсера [196], Дж.Л. Гэддиса [190; 191; 192], Дж. Фиска [186], Д.С. Фоглесонга [188].

Однако, следует учитывать, что указанные работы не могут быть в чистом виде применены для решения проблемы исследования, посвященного специфике формирования образа нашей страны, ее жителей и политических лидеров в американской прессе в последние годы существования Советского Союза, ввиду ее комплексности и междисциплинарности. Анализ указанных трудов выявил, что в отечественной и зарубежной историографии недостаточно изучена специфика формирования образа СССР в инокультуре в эпоху перестройки, образы Б.Н. Ельцина и других политических деятелей эпохи изучены недостаточно, отсутствуют исследования о репрезентации Августовского путча в зарубежных средствах массовой информации.

Обозначенные аспекты определили тему данного исследования – «Образ Советской России в американской прессе на финальном этапе холодной войны (1981-1991)».

Цель исследования – изучить особенности формирования и изменения образа СССР в американской прессе на последнем этапе холодной войны, определить фокус интереса американских журналистов, а также определить ключевые стереотипы, связанные с СССР в указанный период.

Исходя из цели исследования, **решаются следующие задачи:**

- 1) Проанализировать существующие в российском и зарубежном научном дискурсе подходы к изучению образов стран в инокультуре;
- 2) Определить возможность и перспективность исследования медиаобраза страны, ее населения и политических лидеров с точки зрения имагологического подхода;
- 3) Изучить специфику формирования образов нашей страны в американской прессе, выявить ключевые медиаобразы и их изменение в диахроническом аспекте;
- 4) Провести эмпирическое исследование образа СССР в американских общественно-политических журналах «Time» и «Commentary», изучить основные медиаобразы и их динамику на последних этапах холодной войны;
- 5) Исследовать ключевые причины, влияющие на улучшение и ухудшение образа СССР в американских медиа.

Методы исследования. В качестве общенаучных методов в диссертации применялись количественно-статистический анализ, сравнительный анализ, типологический анализ, описание. Общефилологический метод исследования представлен контекстологическим анализом. В качестве частного метода филологического исследования был задействован интертекстуальный анализ.

Метод количественно-статистического анализа позволил определить хронологию пиков интереса американских журналистов к событиям в СССР, а также сформировать список ключевых слов, определяющих дальнейшее направление исследования в лексико-семантическом плане.

Сравнительный метод, базирующийся на аналогии, позволил выявить общее и отличное в подходах к интерпретации событий и персоналий Советской России в американских общественно-политических журналах.

Интертекстуальный метод позволил выявить этносоциальные стереотипы в публикациях американских журналистов, касающихся образов СССР, ее жителей и ключевых политических фигур, а также определение их статуса и систематизации.

Контент-анализ эмпирического материала строился на индуктивной модели, что позволило, основываясь на ключевых характеристиках частотной лексики, а также на ее лексико-прагматическом анализе, выявить основные направления интерпретации образов СССР в американской прессе, проследить их динамику.

Гипотеза исследования основывается на результатах филологического и имагологического анализа медиаобраза СССР в инокультуре и утверждает, что этнокультурные стереотипы, реализуемые через каналы медиа, не несут в себе однозначно позитивных или негативных коннотаций. Стереотипы в американской прессе, связанные с нашей страной, представляли собой определенные клише-формы (военная сила, суровые правители, слабый угнетенный народ, красивые женщины и т. д.), однако, позитивная и негативная интерпретация данных образов зависит от внешних факторов (информационных поводов) – они могут выступать как аргументами негативного, «демонического» имиджа, так и позитивных изменений.

Новизна исследования:

1. Выявлены ключевые темы, на которые направлен фокус интереса американских журналистов при освещении событий в СССР в период перестройки.
2. Выявлены ключевые стереотипы, связанные с СССР в эпоху перестройки («темный народ», «закрытое государство», двуличие правителей, идеи мессианства и т. д.) и проанализированы причины их актуализации в контексте информационных поводов.
3. Выявлены стилистические особенности исследуемых журналов, влияющие на формирование образа СССР в США. Определена тенденция «Time» к сторителлингу, цитированию персонажей «с мест событий», опора на новостную повестку, склонность к смене позиции при трактовке событий. Отмечена тенденция «Commentary» к выпуску объемных аналитических материалов, в которых ключевую роль имеет авторитет их

авторов, сопряженная со значительной задержкой при реакции на социально значимые события в СССР.

4. Определена специфика формирования образа СССР в период перестройки и революционной неопределенности. Выявлено, что одни и те же стереотипы (темный народ, автократия, закрытое государство и др.) используются не только в качестве негативных аргументов, но и в качестве иллюстраций позитивного изменения социального строя СССР, становления Советской России на «путь исправления».

5. Сформулированы основополагающие аспекты репрезентации советских политических актантов в американском медийном дискурсе. Отмечено стремление к трактовке действий советских политиков с позиции ответственности перед международным сообществом, тенденции к повышенной эмоциональности при характеристиках политических деятелей.

6. Выявлена динамика образа М.С. Горбачёва: «перспективный лидер» и «молодой политик» на начальных этапах, «жесткий политик» и «отец перестройки» – на пике политической карьеры, «человек без государства» – в ходе распада СССР.

7. Выявлена динамика образа Б.Н. Ельцина от «человека из молодой команды Горбачёва» и «хитреца», «одиночки» на первых этапах, до «популиста» и «главного противника Горбачёва».

Теоретическая значимость работы. В рамках данной работы разработана и апробирована концепция интеркультурного анализа медийных текстов на основании количественно-статистического анализа отдельных лексических единиц. Данный подход позволил сформулировать основные точки фокуса интереса американских журналистов при освещении событий в СССР. Разработан комплекс приемов дискурс-анализа медийных текстов для выявления репрезентации специфических черт медиаобраза страны и ее жителей в инокультуре.

Практическая значимость работы. В данном исследовании собраны и систематизированы подходы по изучению особенностей формирования образа СССР за рубежом, в частности – в американской прессе. Данные, полученные на основе анализа журналов «Commentary» и «Time», представляющих различные общественно-политические позиции, могут применяться для формирования стратегий по улучшению имиджа нашей страны за рубежом посредством использования медиаканалов. Результаты работы могут применяться в рамках подготовки специалистов высшего профессионального образования по специальностям «Журналистика» и «Международная журналистика», а также программ повышения квалификации, направленных на изучение межкультурной коммуникации в медиа, особенностей межкультурной коммуникации, специфике функционирования этностереотипов в СМИ.

Положения, выносимые на защиту:

1) В изучении образов стран в инокультуре в отечественном и зарубежном научном дискурсе преобладают три ключевых подхода: исторический, социологический и филологический. Однако, на данный момент приобретает популярность комплексный, компаративный (имагологический) подход, включающий в себя основные инструменты и методы исторического, филологического и социологического подхода.

2) Имагология позволяет исследовать медиаобразы стран в инокультурах комплексно, учитывая исторический и литературный генезис таких образов, а также позволяя выявлять динамику этносоциальных стереотипов под влиянием политической обстановки, специфику их реализации в медиа.

3) Американские стереотипы о России имеют устойчивую структуру и переносятся с одного исторического периода на другой (Царская Россия, СССР), однако они не имеют однозначно позитивной или негативной коннотации и ключевое влияние на формирование образа страны за рубежом оказывают новостные информационные поводы. Среди ключевых образов, транслируемых в США, следует выделить следующие: идея «*братских народов*» (общность исторического развития России и США, обусловленная обширной географией и

мультикультурностью населения), концепция *русского* (в последствии – советского) человека как «*тёмного*», *ведомого и слабого*, *демонизация власти* (государство – тоталитарный угнетатель), *романтизирование революции*, *мессианские идеи* (моральный долг американцев – направить русский народ на истинный, демократический, путь развития).

4) Ключевые образы, связанные с СССР, представленные в американской прессе на последнем этапе холодной войны, имеют исторические корни. Прослеживается смешение концепций царизма и образа М.С. Горбачёва, Революции 1917 года и Августовского путча, перенос стереотипов об «угнетённом народе» (образы диссидентов, проблемы Прибалтийских республик). В период революционной неопределенности актуализируются стереотипы о «братском народе» и идеи о возвращении на исторически верный, демократический, путь развития. В результате в американском сознании функционирует образ «Советской России», который не корректно отражает актуальную действительность и приводит к непониманию происходящих процессов и ложным выводам.

5) Недостаточная осведомленность американской прессы о сути реализуемых в СССР реформ приводила к недоверию к изменениям в Советском Союзе в одних случаях (политика гласности, еврейский вопрос, проблемы диссидентов) и к завышенным ожиданиям (перестройка, экономические реформы, Августовский путч), которые приводили в дальнейшем к разочарованию. Оба этих аспекта негативно влияли на имидж Советской России в США. Наибольший эффект в улучшении имиджа Советской России в США сыграла политика открытости и гласности. В то же время отказ в предоставлении информации и закрытость при обсуждении проблемных вопросов (например, авария на Чернобыльской АЭС, политика по отношению к диссидентам на первых этапах, даже отсутствие определенных локаций на картах) приводили к росту негативных мифов, домыслов и актуализировали стереотипы о закрытом агрессивном тоталитарном государстве.

Достоверность результатов проведенных исследований обеспечивается корректным использованием теории формирования образов России за рубежом, а также удовлетворительными результатами сопоставления полученных в работе данных с результатами предшествующих исследований.

Научная специальность, которой соответствует диссертация. Данное диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности 5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)» и соотносится со следующими пунктами паспорта научной специальности: П.1 – освещены теоретические аспекты средств массовой информации, в частности – природа и роль американских СМИ; определенное внимание уделяется П. 10 – визуальным средствам репрезентации СССР на страницах американской прессы, в частности – анализу образов Советского Союза на обложках «Time» и «Commentary». Проблемное ядро исследования сфокусировано на П.2 – истории средств массовой информации (американских общественно-политических журналов «Time» и «Commentary») в контексте общественного развития; П.3. – анализе тематики и проблематики конкретных средств массовой информации, а также их роли в репрезентации социальных и политических процессов; П.4 – освещаются творческие процессы в медиа, тщательно исследуются языковые особенности и стилистика исследуемых изданий; акцент работы сделан на П. 8 – семиотике журналистского текста, анализе языка американских печатных средств массовой информации. Филологический аспект исследования обусловлен методологией исследования. Работа выполнена с применением контекстологического анализа (общефилологический метод), интертекстуального анализа, контент-анализа, лексического и семантического анализа. Также филологический аспект исследования обусловлен самим эмпирическим материалом – в рамках работы исследуются корпусы текстов американских общественно-политических журналов «Time» и «Commentary».

Апробация работы. Теоретические положения диссертационного исследования были изложены в рамках 21 научной конференции. *Международные конференции:* «Медиа-2023: теория и практика», «Медиа в

современном мире. Молодые исследователи», «Механизмы культуры: скрытое и очевидное», «Медиа-2024: теория и практика», «Ломоносов-2024», «Медиа в современном мире. Молодые исследователи», «Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности», «Россия и мир в исторической ретроспективе», «Аксиологические аспекты современных филологических исследований», *Всероссийские конференции: «Мир культуры глазами молодых исследователей»*, «Гуманитарные технологии в современном мире», «Международные отношения в условиях развития цивилизаций», «Коммуникационный вектор — 2023», «Отношения и ценности: Первичное отделение движения Первых для развития детского коллектива», «Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы», «Журналистика XXI века: взгляд молодых ученых», «Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики», «Журналистика и география», «Гусевские чтения – 2024», «Имагология холодной войны: «свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США».

Публикации. По результатам диссертации опубликовано 22 работы, в том числе 5 статей в ведущих рецензируемых научных изданиях, входящих в список ВАК РФ (из них 1 также включена в международные базы Scopus и Web of Science).

Статьи в журналах из списка ВАК:

1. Дагаева, К. И. Особенности образа СССР на страницах американской прессы в последние годы существования Советского Союза / К. И. Дагаева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 147-160. (Scopus, Web of Science)

2. Дагаева, К. И. Сравнительный анализ образа Б. Н. Ельцина в американской прессе / К. И. Дагаева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 156-165.

3. Дагаева, К. И. Роль стереотипов в интерпретации образа России в инокультуре: от травелогов до современных медиа / К. И. Дагаева // Наука и Школа. – 2024. – № 4. – С. 57-63.

4. Дагаева, К.И. Имагология как область гуманитарного знания: от компаративистики к новейшим исследованиям / К. И. Дагаева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: филология. Журналистика. - 2024 № 4. - С. 96-101

5. Дагаева, К.И. Имагология как новый метод исследования медиаобразов стран в инокультуре // Наука и Школа. - 2025. № 3. - С. 18-26

Статьи в научных сборниках, индексируемых в РИНЦ:

6. Дагаева, К. И. Имагологический подход к анализу динамики образа России в последние годы холодной войны // Коммуникационный вектор - 2023: сборник статей Всероссийского симпозиума. – Москва: Блок-Принт, 2023. – С. 12-18;

7. Дагаева, К.И. Образ России в американской прессе в период распада СССР // Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы XI Международной научно-практической конференции. - Калининград: Полиграфычъ, 2023. - С. 204-205;

8. Дагаева, К. И. Закат холодной войны: образ России в журнале Time в 1990-1991 годы // Медиа-2023: теория и практика: 2023 - год педагога и наставника: материалы III международной научно-практической конференции. – Москва: МПГУ, 2023. – С. 227-230;

9. Дагаева, К. И. Корпусные исследования и Big-Data аналитика в имагологическом исследовании Холодной войны // Медиа в современном мире. Молодые исследователи: материалы 22-й международной конференции. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2023. —С. 7-9;

10. Дагаева, К.И. О перспективности имагологических исследований: журналистский аспект // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции. – Москва: РУДН, 2023. – С. 306-309;

11. Дагаева, К. И. Распад СССР в отображении американской прессы: имагологический аспект // Мир культуры глазами молодых исследователей: Сборник тезисов XLVIII научно-практической конференции. – Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2023. – С. 71-74;

12. Дагаева, К. И. Отношения и ценности: значение имагологических исследований для межкультурного диалога // Сборник статей по итогам круглого стола «Отношения и ценности: первичное отделение движения первых для развития детского коллектива. – Москва: МПГУ, 2023. – С. 9-12;

13. Дагаева, К. И. Имагологический анализ образа России в американской прессе в период революционной неопределенности (1990-1991) // Материалы XXX международной научной конференции. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2024. – С. 189-194;

14. Дагаева, К. И. Роль имагологии в формировании межкультурных компетенций в контексте журналистского образования // Наука. Культура. Искусство: Актуальные проблемы теории и практики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции.– Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2024. – С. 19-22;

15. Дагаева, К. И. Имидж политика в условиях нестабильности: образ Б.Н. Ельцина в последние годы существования СССР // Медиа-2024: теория и практика: Материалы IV международной научно-практической конференции. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2024. – С. 34-38;

16. Дагаева, К. И. Личность в истории: образ Б.Н. Ельцина в американской прессе, начальный этап // Гусевские чтения - 2024. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики : Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – Москва: Издательство "Канцлер", 2024. – С. 216-221;

17. Дагаева, К. И. Образ России за рубежом от травелогов до современных медиа // Журналистика и география: Сборник материалов III Всероссийской

научно-практической конференции с международным участием. – Воронеж: Издательский дом «Кварта», 2024. – С. 30-33;

18. Дагаева, К. И. Имагология и медиаобразование: интеграция подходов для развития профессиональных компетенций // Журналистика XXI века: взгляд молодых ученых. Год педагога и наставника: Материалы I научной конференции. – Москва: МПГУ, 2024. – С. 314-318;

19. Дагаева, К. И. Образ России в журнале Time в период распада СССР: имагологический анализ // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург: УРФУ, 2024. – С. 96-98;

20. Дагаева, К.И. Аксиологические доминанты американской прессы в материалах, посвященных СССР (1990-1991 гг.) // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. – Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2024. – С. 18-20;

21. Дагаева, К.И. Динамика образов политических лидеров в зарубежной прессе в условиях неопределённости: имагологический аспект // Медиа в современном мире.. — СПб.: С. -Петерб. гос. ун-т, 2024. – С.473-475;

22. Дагаева, К.И. Новая революция: интерпретация Августовского путча в американской прессе // Имагология Холодной войны: «Свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США : сборник научных статей / под ред. О. В. Рябова. — Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. - С. 179-184.

Объем и структура работы определяются целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, 8 приложений. Список источников и литературы включает 436 наименований. Общий объем диссертации составляет 275 страниц, включая 24 рисунка, 1 таблицу.

Глава 1. Теоретические основы изучения медиаобраза в инокультуре

1.1. Медиаобраз и его роль в формировании картины мира

Одна из ключевых характеристик современного общества – развитие и конвергенция различных типов коммуникаций. Быстрый рост и активное расширение информационного поля оказывают существенное влияние на развитие социума [22, С. 91]. Факты, преподнесенные под определенным углом, их трактовка и подбор, составляют один из основных инструментов формирования общественного мнения. М. Маклюэн сравнивал средства массовой информации с рычагом, способным перевернуть мир [79, С. 81]. Проникновение средств коммуникации в повседневную жизнь ведет к превращению каждого его аспекта в своего рода информационный стимул, а процессы взаимодействия людей в коммуникацию в медийном поле, что, в свою очередь, трансформирует мировосприятие. М. Маклюэн, анализируя коммуникативные каналы и их влияние на жизнь человека, называет эти процессы *«расширением нашей нервной системы»* [79, С. 113]. Одна из основных задач средств массовой информации – трансляция *«представлений»* о жизни общества [148, С. 250], интерпретация и оценивание фактов действительности, что, в конечном итоге, приводит к формированию медиаобразов, которые формируют *«определенный идеологический фон»* [42, С. 213]. При этом необходимо разделять такие понятия как «информация» (комплекс фактов о явлении действительности) и «журналистская» или «массовая» информация. Как отмечает отечественный исследователь Е.П. Прохоров, информацию, как таковую, можно разделить на три основных категории: личностная, массовая и специальная [107, С. 40].

Личностная информация составляет персональные впечатления, ощущения и знания, приобретаемые человеком в процессе его персонального развития. Профессиональная тесно связана с родом его деятельности и рабочими задачами. Журналистскую или массовую информацию, в свою очередь, можно определить, как комплекс социально значимых сообщений о различных событиях, определяющих полноту и объективность *«информационной картины дня»* [113, С. 20].

Журналистские тексты в любых их проявлениях ориентированы на определенную социальную группу, соответствуют ее нуждам и интересам. В рамках данного вектора информация должна не только затрагивать определенный круг проблем, интересующих ее аудиторию, но и консолидировать ее позицию.

Текст, транслируемый через медиа, можно сравнить с камнем, брошенным в озеро. Объективный факт действительности, облеченный в слова, становится частью социальной практики, порождает изменения в социальной жизни, круги на поверхности «озера», которые, в свою очередь, формируют отношение к этому факту, превращая процесс получения и осмысления информации в сложный, во многом циклический, процесс [106, С. 7]. Таким образом, журналистский текст изменяет общественное мнение и способствует созданию новых форм социальной практики [106, С. 8].

Следует учитывать, что при передаче информации в обществе происходит ее искажение, как намеренное, так и случайное. На это влияет как специфика медиаканалов, так и индивидуальные особенности реципиентов, сопряженные с различными коммуникационными условиями [68, С. 45]. Процесс взаимодействия аудитории с различными сообщениями включает в себя два этапа: выделение актуальных и важных для аудитории сведений и их последующая *«переработка»*, которая впоследствии ведет к *«перестройке сознания и поведения»* [107, С. 45].

Ключевым аспектом для успешного перехода потенциальной информации в активную, принятую, следует считать ее декодируемость – доступность для восприятия аудиторией, а также способность передать именно тот смысл, который в нее закладывал автор [107, С. 47]. Для этого журналист должен

ориентироваться на культурный, образовательный и эмоциональный опыт своей аудитории – предлагать информацию доступным языком, используя общепринятые для выбранной группы образы, символы и стереотипы. Автору следует учитывать не только культурный код, но и социальную позицию выбранной группы, дабы предлагать наиболее релевантный контент [107, С. 48].

Ключевое влияние на восприятие действительности оказывает мировоззрение. Одним из первых вопросом восприятия реальности задавался Платон, разработавший учение об «*эйдосах*» — видениях, отражающих смысл и форму вещей [99, С. 286]. Идея о том, что любой объект представляет собой, в первую очередь, «отражение» объекта, получила широкое распространение в философских учениях, направленных на определение такого понятия как «*картина мира*» [158, С. 29; . 144, С. 49]. О. Шпенглер писал, что мир – это «*осуществление духовной стихии*» [153, С. 119]. А. Шопенгауэр отмечал: «*мир есть моё представление*» [152, С. 43]. Основываясь на представленных концепциях, можно прийти к выводу, что идеи картины мира и ее формирования имеют первостепенное онтологическое значение. Образы или «*отражения объектов*» формируются через призму субъективной картины мира человека, а значит, несут в себе черты личности интерпретатора и его ценностные установки [67, С. 42].

Журналистика и медиа оказывают существенное влияние на массовое сознание, затрагивают каждый из его компонентов: мировоззрение, мирозерцание, исторического сознания и общественного мнения [107, С. 67]. Мировоззрение включает в себя культурные коды, стереотипы, аксиологические и нормативные доминанты. Именно эта часть общественного сознания базисно определяет «*своих*» и «*чужих*» представителей социума. Мирозерцание включает в себя художественные и эмоциональные аспекты категоризации окружающего мира [107, С. 69]. Историческое сознание, базируясь на мировоззренческих и мирозерцательных элементах, и, подчиненное политическим и идеологическим задачам, представляет собой репрезентацию исторических процессов, места в них представителей определенного социума или

этнoса, а также вопросы взаимодействия между различными группами людей в диахроническом аспекте. Мироззрение и мирозерцание представляют собой фундамент массового сознания, историческое сознание способствует объединению людей на основании национальных или этнических признаков и «направлено в прошлое» [107, С. 69]. В то же время общественное мнение представляет собой актуальную позицию по значимым для общности вопросам [107, С. 70]. Однако, необходимо учитывать, что общественное мнение, несмотря на достаточно тенденциозный характер и обращенность на «настоящее», оказывает существенное влияние на мироззрение и мирозерцание, что, в свою очередь, может вносить изменения на историческое сознание общества.

Одним из ключевых понятий в исследованиях средств массовой коммуникации является медиаобраз – специфическая форма «существования массового сознания в медиакоммуникации» [16, С. 124-125]. Термин «медиаобраз» вошел в употребление в отечественных гуманитарных науках в начале 2000-х годов. Он рассматривался в контексте социологической проблематики [145, С. 69] и при попытках анализа ключевых процессов в «глобальной медиареальности», которую также сравнивали с «параллельным миром» [24, С. 244]. Одной из точек приложения новой проблематики стало направление медиаобразования [126; 139-140]. Следует отметить, что проблемы медиаобраза в гуманитарных науках приобретают все большую популярность и востребованность (см. Приложение 1).

Исследователи отмечают диффузность семантики данного термина [43, С. 142]. Одни медиаобраз как «материализацию авторского замысла в конкретной аудиовизуальной, пространственно-временной форме медийного повествования» [140, С. 31]. Другие называют его «репрезентированным в медиатекстах фрагментом информационной картины мира» [80, С.136], «виртуальной моделью» [80, С. 135], которая обладает определенной устойчивостью и постоянно развивается [80, С. 135-137]. Медиаобраз также называют «опосредованными медиа впечатлениями и суждениями» [174, С.124], «особым образом реальности», который формируется и транслируется

посредством средств массовой информации [16, С. 124], а также *«совокупностью эмоциональных и рациональных представлений»*, которые основываются на информации, получаемой из медиаисточников [83, С.95]. В глобальном смысле медиаобразы называют *«частью коллективного сознания»* [41, С. 34], его *«форма существования <...> в медиакоммуникации»* [22, С. 91], а также *«образ социального мира»* [146, С. 13], отраженный в журналистском тексте [15, С. 98]. Зачастую медиаобраз называют *«второй реальностью»* или *«зеркалом»* общества [12, С. 10]. Одна из ключевых характеристик медиаобраза – его обязательная трансляция через средства коммуникации [222, С. 31] с последующей интеграцией в различные сферы общественного сознания [43, С. 138]. Для всех представленных определений характерна синергия трех ключевых параметров медиаобраза: он отражает действительность, транслируется через медиа и оказывает влияние на общественное сознание. Таким образом, согласно теории М. Вебера, происходит воздействие средств массовой информации на ценности, представления и убеждения [20, С. 512].

Рассматривая феномен медиаобраза, следует учитывать его двойственность, которая обуславливается спецификой канала передачи. Как отмечает Ю.Н. Драчева, это одновременно и *«образ, конструируемый в медиaprостранстве»*, и *«образ, воспринимаемый через медиасферу»* [43, С. 138]. В первом случае медиаобраз представляет собой отражение объективной реальности, реакцию средств массовой информации, в результате которой формируется некий *«публицистический образ»* [43, С. 138] или имидж [51, С. 121], который некоторые исследователи также определяют как *«социообраз»* – совокупность эмоциональных и рациональных представлений, приобретаемых в процессе социальной деятельности [4, С. 87]. Основным аспектом анализа данного феномена – процесс создания и трансляции медийного сообщения. При этом результатом функционирования такого медиаобраза (или, вернее сказать, образа в медиа) становится непосредственно медиатекст. Во втором случае фокус исследовательского интереса смещается в сторону медиакритики и философии. Феномен рассматривается с точки зрения

«потребления» сконструированных образов, на процессы их интерпретации, влияния на аксиологическую сферу, а также на социокультурное «становление» общества [62, С. 13-14]. Отмечается, что такой «медиаобраз» оказывает непосредственное влияние на декодирование и формирование стереотипов, и источником таких «образов через медиа» становится медиатекст [41, С. 34].

Важную роль в процессе трансляции журналистских текстов через каналы медиа-коммуникации имеет аксиологическое измерение. Любое сообщение, которое транслируется через средства массовой информации, организовано в соответствии с определенным «ценностным кодом» [53, С. 10] – системой представлений, взглядов, установок и норм, характерных для определенной культуры и социальной группы. Соотнесение с определенными «нормами» и культурными доминантами позволяет успешно решать коммуникационные задачи в публичной сфере, которая представляет собой своего рода «арену ценностного обмена» [143, С. 7] в рамках общественного диалога. Ю. Хабермас определял задачи СМИ в этом процессе как «регулятора общественной жизни» [143, С. 8]. При этом журналистские тексты имеют повышенную значимость для «получателя». Этот эффект достигается за счет высокого доверия к журналистике как к социальному институту, и также интенсивным освещением определенных «проблемных зон» [53, С. 10]. При этом, именно работники средств массовой информации определяют те или иные темы как важные и актуальные, несмотря на то, что окончательное «решение» и выявление аксиологических доминант остается в зоне контроля потребителей медиаконтента [31, С. 196].

Важное значение для данного исследования имеют особенности становления повестки дня в медиа, изложенные в трудах М. МакКомбс и Д. Л. Шоу [221]. Согласно социологическим исследованиям, осмысление медийных сообщений и их элементов реализуется как сетевая структура, каждый «узел» которой неизбежно связан и взаимодействует с другими «узлами» [206, С. 65]. При этом, новости, предложенные в рамках одного выпуска (журнала или теле-радио новостей) воспринимаются как связанные между собой, даже если это не соответствует реальности [171, С. 15]. Так, например,

упоминание теракта 11 сентября 2001 года и войны в Ираке создает у потребителей медиа контента четкую связь, согласно которой одно событие является следствием второго [171, С. 15-17]. Аналогично можно трактовать упоминания России в американской прессе и феномен холодной войны. Поскольку на протяжении 45 лет (с 1947 по 1991 гг.) американские СМИ функционировали в рамках данной риторики, ассоциативная связь была прочно закреплена и, предположительно, переносится на любые современные журналистские тексты.

Необходимо отметить, что концепция сетевой модели установки повестки дня М. МакКомбса, Д. Л. Шоу и А. Лэнг пересекается с теорией семиологического пространства М. Ю. Лотмана, согласно которой, каждый человек *«погружен в пространство языка»* [77, С. 100], которое *«заполнено свободно передвигающимися обломками различных структур, которые, однако, устойчиво хранят в себе память о целом и, попадая в чужие пространства, могут вдруг бурно реставрироваться»* [77, С. 101]. Иначе говоря, человек окружен идеями, которые имеют тенденцию не только к динамике и перемещению между реципиентами, но и обладают способностью *«трансформировать пространство»*, при этом также поддаваясь изменениям под влиянием различных факторов [77, С. 102]. Эти процессы представляют собой бесконечное динамичное взаимодействие, причем незамкнутость системы ведет к ее неисчерпаемому разнообразию и постоянному переосмыслению культурных артефактов. При этом сами тексты, будь то литературные или медийные, представляют собой точку пересечения идей автора и аудитории [77, С. 103]. При этом крайне важной является идея, что при повторном обращении к журналистским (медийным) текстам *«меняется не то, что передается, а тот, кто принимает»* [77, С. 133]. Таким образом, новое знание, встроенное в картину реальности потребителя информации, меняет его картину мира, формирует своего рода новую реальность. В результате происходит также *«удвоение смысла»* [77, 134; 53, С. 11] — транслируемые факты и ценности способствуют пробуждению новых смыслов [53, С. 11].

В какой-то мере эти процессы представляется возможным сопоставить с активным использованием стереотипов в общественном сознании. В качестве контекстуальных синонимов или «понятийных прототипов» [43, С. 142] медиаобраза исследователи называют стереотипы, журналистскую картину мира и публицистические образы [43, С. 142-143]. Иерархию и взаимосвязь данных явлений можно представить в качестве пирамиды, где основанием и наиболее широким, проникающим в различные сферы, явлением, выступает стереотип, а самым узким, практикоориентированным, понятием – публицистический образ. Понятие публицистический образ используют для обозначения *«искусственно созданной идентичности в публичной сфере»* [43, С. 143].

Следует учитывать, что журналистская картина мира существенно отличается от картины мира как таковой и представляет собой особый тип социокультурной реальности [81, С. 4-6; 123, С.27]. Несмотря на то, что образы, которые конструируют и транслируют журналисты, это лишь часть общей системы мировоззрения [107, С. 40], они оказывают существенное влияние на восприятие мира аудиторией и создают *«особое коммуникативное пространство»*, образ реальности, основанный на рефлексии и выраженный в виде знака-текста [81, С. 78]. Такой тип картины мира представляет собой один из способов *«производства и воспроизводства культуры»* и *«форму управления и самоуправления самой социальной системы»* [81, С. 50].

Журналистская картина мира динамична. Она активно взаимодействует со средой, оказывая влияние как на аудиторию, так и на автора производимых материалов. Одновременно с этим сама аудитория и автор оказывают влияние на процессы формирования такой *«социокультурной реальности»* [81, С. 3]. Результат этого взаимного влияния может быть достаточно нелинейным и сложно прогнозируемым [103, С. 78-81; 107, С. 44], поскольку реализуется как *«непредсказуемая смена ментальных состояний»* [81, С. 50], отличающаяся от стройных математических формул, и имеющая большое количество переменных, оказывающих воздействие на финальный результат.

Говоря о журналистской картине мира, следует учитывать, что пространству массовой коммуникации характерно «опубличивание» [81, С. 59] личных контактов, в рамках которого действия отдельных людей, их высказывания и действия, становятся общественно значимыми. Любое событие становится отражением общественной воли и настроений, интерпретируется с точки зрения норм права и морали общества-реципиента. Оно становится инструментом для конструирования и само-конструирования идентичности социальной группы в целом и отдельных ее представителей в частности [81, С. 59-60].

Еще одна важная особенность журналистской картины мира состоит в том, что она базируется не на фактах, а на представлении об этих фактах. Из чего вытекают две принципиально важные особенности данного явления: схематизация реальности и создание на ее основе симулякра, виртуального пространства [81, С. 143]. Проходя два интерпретационных каскада, в начале трансформируясь в рамках понятийной и мировоззренческой системы журналиста, а затем интегрируясь в картину мира аудитории, объективный факт становится «тенью тени» [27, С. 29] в рамках «знаково-символической реальности» [29, С. 30-31]. Согласно концепции Ж. Бодрийяра, разработавшего идею симулякра, современное человечество находится в мире, «в котором становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» [17, С. 110].

Ж. Бодрийяр называет медиа «гигантским процессом симуляции» [17, С. 111], движущей силой которой является актуализация любого события путем связи его с индивидом: «Это касается вас» [17, С. 111]. И основная проблема, которая ведет к потере смысла, – состоит в том, что аудитории предлагают потенциально приемлемый, желаемый, контент, который соответствует ее ожиданиям [17, С. 110-111]. Наиболее точно эту готовность воспринимать «уже известную» информацию определил британский журналист, писатель и специалист по связям с общественностью Т. Д. Прагчетт: «Народу нравится, когда вы говорите ему то, что он уже знает. <...> народ думает, что

хочет новостей, но на самом деле он жаждет старостей» [104, С. 112]. Таким образом, журналистский текст функционирует в замкнутом цикле социальной коммуникации, базирующейся на *«силе мифа»* [17, С. 112]. Реальные люди и их действия трансформируются в знаки, в «текст» и *«симулякры культуры»* [17, С. 110] и, в результате накопления, эти «знаки» начинают участвовать в процессе воспроизводства нового типа «реальности» – виртуальной [81, С. 162]. Причем, такие явления, сформированные в рамках журналистской картины мира, хоть и не являются реальными в полной мере, но оказывают влияние на социум. Причем, как отмечает Д.В. Мансурова, такие образы, тени и отражения не менее важны для человека, нежели реальные вещи [82, С. 120]. *«Особое коммуникативное пространство»* [82, С. 78], сформированное в рамках журналистских практик, реализует феномен *«со-бытия»* [82, С. 78] – *«одновременности восприятия»* [82, С. 78]. События, произошедшие на разных концах земного шара и в различные промежутки времени, *«объединяются»* одним новостным выпуском или печатным изданием. В результате, в сознании аудитории они оказываются связанными между собой и представляют собой некую общую сущность в рамках виртуального пространственного и временного континуума [82, С. 70; 171, С. 15; 222]. Пространство лишается локализации и географических координат, время становится условно, реальность трансформируется в *«смысловую среду»* [82, С. 71], *«субъективно освоенную человеком»* [82, С. 70].

Несмотря на то, что само журналистское мышление фактично и отталкивается, в первую очередь, от явлений действительности – информационных поводов, в процессе передачи информации происходит ее трансформация в образ: схему, модель и отражение, наполненные контекстом, стереотипами и мифами. Аудитория, опираясь на аксиологические базисы социума, строит сетевую модель повестки дня, которая, в свою очередь, подталкивает журналистов к транслированию наиболее релевантной и резонансной информации. Таким образом происходит обновление и закрепление социальных мифов и стереотипов различной направленности.

1.2. Реализация в медиа социальных и этнических стереотипов

Формирование картины мира в различных ее проявлениях, равно как и процессы восприятия действительности, представляют собой сложный многоступенчатый процесс. Одну из ключевых ролей в нем играют стереотипы – шаблоны действий или поведения, которые применяются автоматически, неосознанно [25]. Специалисты в области этнопсихологии и культурологии отмечают, что для стереотипа, *«специфического фрагмента картины мира»* [71, С. 178], характерны устойчивость, инвариативность, обусловленность национально-культурной спецификой [71, С. 178].

Термин «стереотип» впервые использовал У. Джеймс в 1918 году в масштабном исследовании *«Основы психологии»* [202]. Исследуя проблему *«всеобщих понятий»* [202, С. 470] и *«классов вещей»* [202, С. 476], он отмечал, что «плавающие прилагательные» (например, «белый») невозможно назвать ни универсальным явлением, ни частным, если оно оторвано от контекста. Это своего рода подвешенная в воздухе идея, которая обретает свой смысл и наполнение исключительно в контексте, например, при соотнесении его с категорией «снег». И соединение этих двух категорий приводит к появлению новой «концепции», которая приводит к формированию некоего «образа», со *«смутным сознанием, окружающим этот образ»* [202, С. 476]. Мышление, задействующее стереотипы, У. Джеймс называл *«средством познания универсалий»* [202, С. 476], *«актом чистого интеллекта»* [202, С. 475], который является *«незаменимым средством всякого мышления»* [202, С. 476]. Рассуждая о феномене стереотипа, он приводит две точки зрения на данное явление.

Основоположником исследований стереотипов в социальном ключе считается американский журналист, автор концепции общественного мнения, У. Липпман [240, С. 277]. Он отмечал, что стереотипы имеют важное значение

для различных аспектов межличностной коммуникации – «*экономят мысленную энергию*» [76, С. 141], позволяют минимизировать усилия для анализа и категоризации любых явлений и событий, как новых, так и уже известных, позволяют встроить их в понятийную и аксиологическую систему [76, С. 142]. Феномен стереотипа, по мнению американского исследователя, заключается в том, что «*нам рассказывают о мире еще до того, как мы его видим. Мы воображаем большинство вещей до того, как переживаем их*» [76, С. 90]. Это значит, что человек составляет свое мнение о факте или событии до того, как непосредственно столкнется с ним. Это позволяет нам говорить о замкнутой системе «*стереотип-факт-стереотип*» в контексте медиа. Можно сказать, что картина мира индивидуума, культура во всей ее полноте, включая литературу и медиа, представляет собой сложную структуру, пронизанную стереотипами, которые представляют собой одновременно понятийный костяк и мерило интерпретации событий и фактов объективной реальности. Поэтому задачей ученого является анализ, интерпретация и поиск смысла, скрытого в действиях, обрядах, высказываниях человека, а не одно лишь фиксирование и описание фактов.

Важный вклад в становление теории стереотипов внес американский ученый Г.У. Олпорт, предложивший уникальный подход для измерения поведенческого компонента в формировании и распространении предубеждений. Он был убежден, что стереотипы неизбежны [159, С. 20] и выполняют функцию «*рационализации поведения в культурном контексте*» [159, С. 195] и отмечал, что они зачастую субъективны и не соответствуют действительности [159, С. 196].

Многие исследователи отмечают, что стереотипы выполняют защитную функцию в когнитивных процессах, позволяют избежать «*перегрузки сознания*» [86, С. 13] и «*информационного хаоса*» [86, С. 15]. Стереотип или устойчивый и неизменный шаблон восприятия [25, С. 712], своего рода «*предзнание*» [21, С. 68] или «*ожидание*» свойств явлений [66, С. 189-190], которое способствует быстрому восприятию [63, С. 16]. Они являются выражением убеждений и аксиологических рамок, принятых в определенном

обществе, и принимают форму суждений [230, С. 286]. Такие «*образы в нашей голове*» [230, С. 285] всегда имеют вербальное выражение, поддаются описанию, приписывают (или отрицают) наличие определенных ценностных характеристик объекту или их группе [230, С. 285-286]. Важная особенность стереотипа состоит в том, что он, в обязательном порядке, имеет определенную негативную или позитивную эмоциональную окраску и участвует в процессах, регулирующих восприятие и поведение представителей определенной социальной группы [2, С. 349]. Они обладают первостепенным социологическим и психологическим значением: защищают ценности социума, к которому принадлежит индивид, а также определяют и сохраняют социальные нормы общества [90, С. 53]. Такой «*возможный*» или «*допустимый*» мир [240, С. 282], знакомый и понятный, позволяет человеку чувствовать себя частью общности, принадлежности. Такое положение вещей несет в себе ощущение безопасности и предсказуемости, поскольку все вокруг «*занимает свои известные места*» [240, С. 280] и совершает «*ожидаемые действия*» [240, С. 282].

Непосредственное использование стереотипов при восприятии объектов действительности называется стереотипизация. Ученые отмечают, что это процесс формирования ожиданий, основан на стандартизированных, обобщенных, суждениях, в ходе которых сложное и уникальное явление упрощается до простого образа или формулы, которая так или иначе характеризует определенный класс, группу, явлений [66, С. 189-190]. При стереотипизации происходит соотнесение объектов действительности, фактов и различных форм поведения с уже известными явлениями. Зачастую эта характеристика «*известности*» [25, С. 712] представляет собой субъективный конструкт. При этом всему классу объектов или явлений приписываются сходные характеристики, отрицается возможность различий между отдельными элементами такой группы [25, С. 714].

Использование стереотипов в процессе мышления можно отнести к бессознательному, автоматическому, аспекту поведения [25, С. 219; 63, С. 18; 66, С. 3-5]. В ходе стереотипизации человек

прибегает к некоему «*коллективному опыту*» [66, С. 3], который позволяет урегулировать отношение к факту или событию. К тому же стереотипы являются одним из маркеров социализации, показателем, что нормы и установки, характерные для определенного общества, представляющие собой установленные формы поведения, успешно освоены, а индивид успешно интегрирован в сообщество [25, С. 720]. Причем, стереотипизация выполняет важнейшие функции по поддержанию идентификации группы, а также является аксиологическим эталоном, служит оправданием негативных установок и суждений по отношению к другим социальным группам [25, С. 720]. Исследователи отмечают, что все процессы, связанные со стереотипизацией, происходят на семантическом уровне и связаны с различными «*формами фиксации опыта*» [25, С. 315] – словами, формулами, схемами и т. д., а значит, представляют собой неотделимую часть любого медиатекста.

Ключевые аспекты стереотипизации объектов в общественном сознании – упрощение, обобщение и категоризация [240, С. 283]. В начале человек, сталкиваясь с каким-либо явлением действительности, получая инпут, исключает детали, которые могут повлечь за собой информационную перегрузку. В результате явление становится достаточно упрощенным, схематичным. После чего происходит процесс обобщения – выявление общих признаков и качеств. В качестве одной из форм обобщения исследователи называют непосредственно вербализацию, присвоение феноменам значений, опознавательных знаков, которые, в конечном итоге, представляют собой текст. В ходе этого процесса могут как выявляться скрытые связи и существенные свойства предметов или явлений, так и формироваться классификационные схемы [25, С. 817]. Финальный процесс стереотипизации – категоризация. Он позволяет соотнести единичное явление действительности с определенным классом подобных объектов. Именно на этом этапе уникальному объекту или явлению присваиваются характеристики, особенности и ценностные категории, характерные для всего класса. Причем, результаты категоризации и стереотипизации могут отличаться от индивида к индивиду, поскольку на них оказывают влияние особенности

мировоззрения [25, С. 315]. Необходимо учитывать, что категоризация – это динамический процесс [229, С. 292]. На него могут влиять самые разнообразные факторы: инпут, изменение информационной повестки дня, социальный контекст, изменение картины мира через медиа и т. д. Причем, именно социальный контекст во всем его многообразии определяет границы тех или иных категорий, их актуальность и содержание [229, С. 290-292].

Феномен категоризации реализуется в когнитивных процессах в трех основных формах: формирование класса, сравнение, акцентирование сходств и различий [183, С. 19]. В рамках формирования класса происходит соотнесение явления с уже существующей «базой знаний», определяется, к какой группе явлений отнести новый объект, к какой «карточке каталога» библиотеки под названием «мозг» приписать полученные знания. Этот процесс можно сравнить с сортировкой белья для стирки. Ряд параметров, например, цвет, размер, тип ткани, определяет, к какой группе будет распределен предмет и как он будет «обрабатываться» в дальнейшем. При сравнении на первый план выходят различные аксиологические рамки, характерные для того или иного социума. Причем, в рамках этого процесса «свое» по умолчанию расценивается как «хорошее» и чем сильнее отличие «чужого», тем сильнее его негативная окраска в восприятии реципиента. Это также может быть частью акцентирования сходств и различий. Поскольку основная задача стереотипа в когнитивных процессах – непосредственное ускорение распознавания объектов действительности и их соотнесение, встраивание, в уже существующую картину мира.

В рамках процессов категоризации также выделяют два направления: индуктивный и дедуктивный. При дедуктивной категоризации для соотнесения с классом «используется» известная характеристика, причем она распространяется на все элементы явления, без детального рассмотрения отдельных элементов [233, С. 32]. Так, например, в качестве дедуктивной категоризации можно рассмотреть пример «все русские мрачные» или «все русские коммунисты». Получив в качестве инпута характеристику «русский», индивид

распространяет на всю национальную группу ряд стереотипных представлений и «предзнаний» об объекте.

В случае индуктивных процессов объект или явление причисляется к определенному классу на основании некоторых характеристик. Причем, в случаях выявления несоответствия или несовместимости с выбранным классом остальных характеристик объекта, они игнорируются [233, С. 32]. Например, обладая знаниями о том, что человек имеет фотографию с медведем и пьет водку, индивид категоризирует «объект» как «русский», игнорируя тот факт, что под такое шаблонное описание может подходить, например, канадец или финн.

Рассматривая основные функции стереотипа, можно выделить две основных группы – когнитивную и социальную. В рамках когнитивной функции стереотип упрощает и ускоряет процессы мышления [10, С. 21; 25, С. 113; 66, С. 3; 86, С. 15; 159, С. 192]. Многие исследователи отмечали, что стереотипы представляют собой продукт социальной среды [157, С. 90; 127, С. 86]. Социальный аспект функционирования стереотипов можно подразделить на регуляторный, аксиологический и идентификационный. Регуляторный определяет нормы, характерные для определенной социальной группы [25, С. 113]. Благодаря этому компоненту реализуется дихтомическая категория «свой-чужой». Аксиологический компонент формирует базовую бинарную реакцию на события «хорошо-плохо». Идентификационный позволяет индивиду соотнести себя с определенной группой, почувствовать защищенность и принадлежность путем разделения характерных для группы ценностей, норм и установок. Стереотипы могут вызывать широкий спектр эмоциональных реакций, проявлять как положительные, так и отрицательные ассоциации, отражать реальные аспекты или быть ложным. Его основная задача – не в отражении действительности, а в трансляции социальных установок группы по отношению к определенному феномену [66, С. 3-5].

В рамках проблемы восприятия «чужой» культуры следует учитывать этнические или национальные стереотипы. Основное различие в данных

терминах, в контексте социальных и медиа исследований, – в степени их политизированности. Ряд исследователей определяет «этнос» как объединение биологических и культурных качеств, присущих группе людей, а «нация» – объединение, в основе которого лежат политические ценности людей, которые проживают на одной территории [160].

Для этнических и национальных стереотипов характерна устойчивость, схематичность и упрощенность, эмоциональная насыщенность [28, 25;128], поскольку они представляют собой один из вариантов реализации межгруппового общения. Содержание таких стереотипов состоит из двух частей: устойчивого ядра и динамичных суждений. Ядро включает в себя комплекс представлений о внешности, характере, ценностях представителей того или иного народа, а также об особенностях их образа жизни, историческом прошлом и т. д. Изменчивые суждения могут относиться к их коммуникативным и моральным качествам [25, С. 613]. Помимо оценочных характеристик стереотипы могут содержать указания на особенности коммуникации с представителями иного народа или даже на инструкции к действию. Например, директивные указания «*Спасай Россию, бей жидов*» [95, С. 663] или «С медведем дружись, а за топор держись» [128, С.130]. Важно учитывать, что стереотипы данного типа распространяются на всех представителей этнической группы или нации [128].

Этнические и национальные стереотипы оказывают важное влияние на процессы межкультурной коммуникации [125]. Они могут приводить к росту политической напряженности, установлению коммуникативных барьеров [89, С. 986], эскалации национальных конфликтов [23, С. 24]. Этнические и национальные стереотипы являются продуктом межгрупповой коммуникации и отражают опыт взаимоотношений народов. Причем, самые яркие стереотипы проявляются в области межэтнических и межнациональных контактов, таких, как торговля или сельское хозяйство [25, С. 817]. Зачастую этнические стереотипы формируются как результат значимых геополитических событий: войн, массовых миграций населения, политических и экономических кризисов [59, С. 298]. Несомненно, Вторая Мировая война и последовавший за

ней «передел» мира стали толчком для формирования и развития новых этнических и национальных стереотипов.

Важно учитывать, что такие представления о народах распространяются на всех представителей нации или этноса и служат своего рода «*стержнем культуры*» [130, С. 80]. Причем стереотипы эти зачастую не осознаются, но позволяют безошибочно отделить «своих» от «чужих».

Этнические и национальные стереотипы по своей направленности бывают двух видов. Суждения, направленные на описание «своего» сообщества, называют автостереотипами, а оценки «чужого» – гетеростереотипами [74, С. 42; 89, С. 979; 122, С. 15]. Ряд исследователей отмечает, что автостереотипы преимущественно позитивны, детализированы и затрагивают широкий спектр событий общественной и социальной жизни [89, С. 979]. В то время как гетеростереотипы имеют как позитивную, так и негативную окраску и характеризуют, в первую очередь, те аспекты социальных взаимоотношений, которые реализовывались в ходе взаимодействий наций и этносов в историческом контексте [59, С. 298; 110, С. С. 15; 122, С. 34].

При анализе образов, сформированных под влиянием гетеростереотипов необходимо учитывать, что в дихотомии «свой-чужой» представитель иного этноса или нации рассматривается с позиции «*врага*» [66, С. 200]. В зависимости от политической повестки дня этот образ может смягчаться до «*иного*» [44, С. 168; 60, С. 73]. Однако, в случае политического, экономического или военного конфликта представитель другой нации или этноса сразу же приобретал характеристики врага. Причем ключевым аспектом данного образа была утрата «человеческих» черт [7, С. 31-38]. Такого «врага» определяли максимально негативно, а характерной особенностью репрезентации становилась его «*принадлежность злу*» [154, С. 102-103]. Образ врага архетипичен, универсален и свойственен для самых различных культур. Он включает в себя следующие категории: «*чужак*» (отличается по внешности, вероисповеданию, нормам поведения и т. д.), «*агрессор*», «*безликая опасность*», «*варвар*», «*захватчик*» и «*преступник*», «*воплощения зла и смерти*» [23, С. 25-26]. При этом

индивидуальные черты носителей такого архетипичного стереотипа стираются, обезличиваются.

Во многом представления об иных этнических и социальных группах мифологичны. Чем больше физическое расстояние между представителями различных наций, этносов или социальных групп, тем больше стереотипов используется при осмыслении бытия подобного «иноного» [61, С. 84]. При столкновении же с реальностью стереотипы, в начале, выполняют свою барьерную, идентификационную, функцию, а в последствии утрачивают свою яркость и актуальность. Голландский компаративист и историк культуры Д. Леерссен подчеркивал, что этнические и национальные стереотипы представляют собой *«дискурсивные объекты»* [209, С. 16]. Опираясь на аристотелевскую «Поэтику» и противопоставление понятий «истинности» и «правдоподобия», он отмечает, что авторы в медиа вынуждены *«подчинять свои повествования предрассудкам аудитории»* [209, С. 19]. При этом следует учитывать, что и сами дискурсивные процессы имеют определенные алгоритмы и следуют определенным фиксированным шаблонам, определяемых культурным кодом, ключевыми моделями нарративов и исторических мифов [162, С. 2].

По данным исследователей в современной журналистике, коммуникативистике и социальных науках прослеживается рост интереса к анализу образов наций в различных типах дискурса [198; 227; 245]. Следует учитывать, что СМИ и медиа способны не только передавать национальные, социальные и этнические образы, но и принимать активное участие в их создании и трансформации [240, С. 284]. Одним из ключевых аспектов данного феномена является географическая удаленность аудитории от описываемой группы или общности. Как отмечает М. Фиеле, средства массовой информации выступают в качестве *«вторичных инстанций социализации»* [240, С. 284] и *«создают образы и отношения, которые невозможно получить посредством непосредственного опыта»* [240, С. 284]. В некоторой мере эти процессы описывали в своих исследованиях Б. Андерсон и Л. Вулф, говоря о *«воображаемых сообществах»* [160] и *«ментальной географии»* [248, С. 18]. По мнению ряда

ученых, именно средства массовой информации сыграли «центральную роль» в вопросах распространения национальных стереотипов, сопутствующих национальной культуре разных стран и характерным для них ценностям [195, С. 356]. Несмотря на то, что предшественником данного явления была литература, посвященная «хождениям» – путешествиям в иные страны, которую также называют «травелогом» [33], несомненную массовость оно приобрело все же на современном, медийном, этапе. Также медийный дискурс представляет ценность для исследования национальных образов, поскольку для журналистики и медиа характерно достаточно выраженное и одностороннее представление фактов при освещении событий, что способствует их стереотипизации [175, С. 215]. Важное значение имеет также эффект повторения [175, С. 215-216], при котором аудитории напоминают некоторый контекст событий, что также способствует формированию и закреплению стереотипов. К тому же, одним из характерных аспектов медийных практик можно считать использование дихотомических категорий [175, С. 215] «свой-чужой», «хороший-плохой» и т. д., что также является элементами стереотипизации, в частности, обобщения, акцентирования сходств и различий. Необходимо учитывать, что использование стереотипов в медийных текстах существенно усиливает эффект их воздействия на аудиторию [155, С. 201-202]. В результате некорректной интерпретации журналистами объективных фактов реальности, воздействия различных культурных кодов, социальных, национальных и этнических стереотипов, мифов и «*иллюзорных представлений*» [156, С. 15] возникает риск создания искаженной картины мира. Однако, как отмечают исследователи, не все «иллюзии», «мифы» и стереотипы, формируемые и распространяемые через каналы средств массовой информации и медиа, носят целенаправленный характер. Существенная их часть носит «*стихийный характер*» и может считаться неизбежной [156, С. 15]. Постоянное повторение определенных образов, их эмоциональная привязка к событиям [175, С. 215], способствуют не только «трансформации» информационного пространства индивида [77, С. 102], но и оказывают влияние на

его картину мира, способствуют формированию прочных связей и «узлов» в сетевой модели повестки дня [206]. Не только подбор фактов, но и их лексическая репрезентация имеют существенное значение для закрепления стереотипов. Один из ведущих лингвистов в области прагматики и коммуникативистики, М.Б. Бергельсон, выделяет две группы выражения стереотипов в медийном дискурсе: семантические и стилистические. Причем, семантические приемы вводят, *«реализуют»*, стереотип или даже создают его в дискурсе [13, С. 32]. К М.Б. Бергельсон относит к таким средствам метафоры, иностранные слова и заимствования, оценочную лексику, обыгрывание идиом и оксюмороны [13, С. 32-33]. В то же время стилистические приемы делают стереотип более ярким и запоминающимся. Для того, чтобы добиться максимально эффективного действия стереотипа в дискурсе прибегают к иронии и *«эффекту обманутых ожиданий»* [12, С. 32], формируют сюжет таким образом, чтобы начало противоречило его концу. Также типичным считается стилистический од, в рамках которого определенная проблема «своего» социума вскрывается через комментарии «чужого», а также подбор ситуаций, которые представляют стереотип косвенно, не называя его. Также большое значение имеют сюжетные и лексические повторы, противопоставление и прецедентные фразы [13, С. 32-35].

Проблема создания и закрепления стереотипов в англоязычных средствах массовой информации также была подробно рассмотрена в исследованиях А.А. Даниловой [35-39; 78]. В качестве лексических приемов по *«языковому воздействию на сознание»* [36, С. 44] она выделяет лексико-семантическую вариативность, в первую очередь синонимию, позволяющую заменить основное значение определяемого объекта. Важную роль также играют эфемизмы, использование ассоциаций, упрощение, введение исторических параллелей, овеществление, использование скрытого смысла в устойчивых выражениях и размытие основного значения, метафоры и штампы, приведение экспертного мнения. В качестве основных приемов по реализации стереотипов на синтаксическом уровне А.А. Данилова выделяет такие приемы как повтор,

параллельные конструкции и градацию. Также она отмечает риторические приемы, свойственные для «манипулятивных текстов» [78, С. 54]: подмена аргумента и перенос смыслового акцента [78]. На уровне предложения основными «инструментами», способствующими введению и актуализации стереотипов, представлению «универсальной истины» [37, С. 126] являются изъявительное наклонение, настоящее время (present simple), отсутствие модальности [37, С. 125-127]. В результате подобных манипуляций в средствах массовой информации и медиа происходит то, что М. Маклюэн называл изменением «чувственных пропорций или образов восприятия» [79, С. 21], причем процесс этот носит последовательный характер и реализуется «без сопротивления» [79, С. 22]. Таким образом, реальные факты действительности оказываются вытеснены искаженными образами. Стереотипы приобретают характер несущей конструкции для моделирования повестки дня, притягивая к себе все новые информационные поводы и расширяя искажения на всю картину мира индивида.

Использование стереотипов в медиа чаще всего связывают с манипулированием общественным мнением, пропагандой и информационной войной. Однако, одним из важнейших вопросов в данном контексте следует считать отправную точку, стимул для создания сообщения определенной тональности. Было ли злонамеренное использование стереотипа, ведущее к созданию негативного образа описываемого объекта. Или же ключевую роль сыграли особенности человеческого мышления, в рамках которого любое явление проходит через «сито» стереотипизации и категоризации. Была ли у журналиста реально обозначенная цель для использования определенных стереотипов или он пользовался ими неосознанно, являя собой продукт определенной социальной системы, определенного общества и определенной культуры. Во многом ошибочное использование стереотипов в медиа, их укрепление в общественном сознании, представляют собой «профессиональные риски» журналистов и связаны со спецификой его деятельности [105, С. 121]. Одной из ключевых проблем можно считать тот факт, что образ, созданный под влиянием

стереотипов, укрепляет и развивает искажения в реальной картине мира, а также может привести к «*мистификации массовых представлений*» [105, С. 10] которые крайне тяжело поддаются корректировке и устранению.

1.3. Имагологические подходы к изучению стереотипного образа страны в инокультуре

Проблемы процессов коммуникации в полиэтническом и многонациональном контексте, особенности восприятия образа «чужого», интересовали исследователей самых различных направлений. Данная проблематика рассматривалась в рамках философии, социологии, психологии, истории. Однако, полноценное направление, фокусирующееся на анализе репрезентаций «чужого» в различного рода литературных источниках, было сформировано только в начале 40х годов прошлого века. Оно получило название «имагология» от лат. *imago* – образ [52, С. 10; 102, С. 25]. Пожалуй, одним из наиболее полных определений имагологии, отражающих ее цели и задачи, можно считать трактовку Д. Леерссена, которая определяет данное научное направление как «*критический анализ культурных стереотипов*» [212, С. 267], направленный на изучение «*межкультурных отношений*» [212, С. 266] в литературе, культуре, истории, медиа, и затрагивающий специфику «*взаимного восприятия, образов и представлений о себе*» представителей различных народов [212, С. 267].

Как отмечают исследователи, имагология на протяжении длительного времени представляла «одно из наиболее сложных и многообещающих» культурологических направлений [211, С. 2]. Несмотря на то, что имагологические подходы, в частности, влияние литературы и медиа на общественное сознание, могут быть плодотворно использованы в социологии, ее основная сфера – гуманитарные науки. Ключевая имагологическая задача состоит в том, чтобы понимать логику и набор культурных конвенций [209, С. 19]. Фокус внимания имагологов направлен на взгляды, стереотипы [176, С. 70], предрассудки и мифы [223, С. 3], связанные с различными аспектами «чужого

национального характера» [211, С. 2]. Основные проблемы для изучения – как эти элементы социального сознания влияют на общественную риторику, дискурсивные репрезентации, литературу и медиа, формирование «*национальных персонажей*» [211, С. 2], и как влияет на восприятие пространственных категорий (регион, город, континент) [181, С. 3; 248, С. 11]. Объект имагологического анализа – медийный и литературный дискурс, исторические данные и пропаганда, различные культурологические и социальные явления. Предметом являются документальные свидетельства указанных процессов и явлений. Ведущие зарубежные исследователи отмечают: «*имагологический анализ помещает действующие клише национального характера в аналитический треугольник текстовой риторики, исторического контекста и культурного интертекста*» [208, С. 57].

Первоначально имагология развивалась в русле французской компаративистики, сравнительного литературоведения. Основной задачей данного направления является поиск и выявление литературных аналогий, а также взаимовлияние национальных литератур. В качестве первых работ, исследующих проблему восприятия России в зарубежной литературе, ведущий отечественный имаголог А.Р. Ощепков называет труды А. Мансюи [219] и Г.Е. Лозинского [218], однако, следует учитывать, что это были именно предпосылки к формированию имагологического направления, произведения, в которых предпринимается попытка анализа образа нашей страны в инокультуре [92].

Собственно-имагологический анализ, его зарождение, связывают с тремя французскими исследователями: П. Журда [167], Ж.М. Карре [166] и М.Ф. Гийяром [197]. П. Журда в 1938 году опубликовал монографию «*Экзотизм во французской литературе со времен Шатобриана. Романтизм*» [205; 92, С. 5]. В ней он изложил краткий обзор репрезентаций Европы (Англии, Германии, Италии, Испании), «*Северных стран*», Германии, Греции и «*Ислама*», а также России во французской литературе [205, С. 208]. Причем, как отмечает сам автор, изложение это было тезисным и максимально кратким [205, С. 25], призванным пролить некоторый свет на неизученное поле и получить общее представление об

этой теме [167, С. 452]. П. Журда предпринимает попытку выделить основные устойчивые и повторяющиеся образы указанных стран. России в этом обзоре отведено последнее место, а сам анализ достаточно краток [205, С. 187-198]. Автор называет Россию «*менее изведанной, чем Китай или Япония*»¹ [205, С. 187]. В материалах, отобранных французским исследователем, прослеживаются первые стереотипы о нашей стране. Россия – «*империей царей*» [205, С. 187], «*потрясает меланхоличной монотонностью пейзажей: бесконечными полями без дорог*» [205, С. 188-189]. Политический режим – террор [205, С. 193], «*пустая*» «*набожность*» [205, С. 190], отсутствие среднего класса [205, С. 194], «*примитивные вкусы*» [205, С. 194-195], население – «*жертвы режима*» [205, С. 195]. Многие из этих образов-стереотипов в последствии встречаются на страницах европейской и американской литературы, посвященной России, и переходят в медиа, продолжая закрепляться в общественном сознании [5,].

Одним из первых фундаментальных исследований, посвященных образу «чужой» страны в литературе, считается труд Ж.М. Карре «Французские писатели и немецкий мираж 1800-1940» [166]. Рассматривая проблему формирования национального образа в инокультуре, автор отмечал, что читатели так или иначе являются «*пленниками предрассудков, повседневности и миража*» [166, С. 8]. Что во многом пересекается с концепциями У. Липпманна [76] и Э. Ноэль-Нойман [90] о стереотипах и общественном мнении и предваряет дальнейшие исследования, связанные с национальными стереотипами в общественном сознании.

Однако, основа имагологии, ее теоретическое обоснование, была заложена Ф.М. Гийяром в 1951 году в монографии «Сравнительное литературоведение» [197]. Этот труд можно рассматривать как тщательную и очень подробную инструкцию для исследователей компаративистов. Ф.М. Гийяр подробно рассматривает историю появления сравнительного литературоведения, предлагает структурированный обзор материалов и методов данного направления,

¹здесь и далее перевод с французского мой

подробно останавливается на жанрах и темах, а также на взаимном влиянии различных литератур друг на друга. Автор предлагает обратить пристальное внимание на национальные стереотипы и национальные образы, а также на процессы, которые управляют *«великими мифами о других народах и нациях»* [197, С. 111] в сознании индивида и общества, а также искать *«как вырабатываются личные и общественные взаимоотношения под влиянием основных национальных мифов»* [197, С. 110-119].

Говоря о французских компаративистах следует отметить труды А. Лортолари [217], М. Кадо [165], и Ш. Корбе [170] в которых достаточно подробно рассматривается образ России во французской литературе. Однако, данные работы ценны, в первую очередь, в качестве коллекции образов и стереотипов, связанных с нашей страной. Так, труд А. Лортолари представляет анализ тревелогов – путевых записок французских дипломатов и путешественников [217]. В работе М. Кадо, помимо тревелогов, внимание уделяется жизни русских эмигрантов и их участию в культурных событиях Франции. Причем исследование реализовано в междисциплинарной парадигме – культурологические и социальные проблемы международных контактов рассматриваются на литературном и историческом материале [165]. Одним из первых анализ образа иностранца в публицистике предпринял Ш. Корбе. В своем труде *«В эру националистов»* французское общественное мнение обращено на неизвестного *«русского»* он представил аналитический обзор всех публикаций во французской прессе, в которых упоминались Россия или русские [170].

Несмотря на перспективность, новый подход был раскритикован американским компаративистом Р. Веллеком [243, С. 164; 244, С5]. По его мнению, изучение *«миражей»*, образов стран и ее жителей в инокультуре, не является задачей литературы [243, С. 164]. Р. Веллек активно критиковал концепцию сравнительного литературоведения как такового, отмечая, что идеи, предложенные Ж.М. Карре и Ф.М. Гийяром – это *«изучение общественного мнения»* [243, С. 165]. Американский компаративист настаивал на том, что любое произведение – это *«неделимое целое»* [243, С. 167], отрицая значимость

источников и внешнего влияния. Идеи Р. Веллека выглядят логичными в контексте *«прогресса литературоведения в методологическом плане»* [243, С. 169]. Однако, современное развитие медиа наглядно демонстрирует взаимопроникновение идей и концепций во всех сферах жизни. Примеры стремительной медиаконвергенции [203] наглядно демонстрируют наивность и утопичность критики Р. Веллека и его стремления отделить литературный текст от *«истории и общественного мнения»*, *«представлений о национальном характере»* и *«общей истории культуры»* [243, С. 165]. Как отмечают исследователи, критика Р. Веллека нанесла серьезный удар по имагологии и привела к ее длительной стагнации [70, С. 62-63].

Возрождению интереса к компаративистике способствовали труды бельгийского литературоведа, основателя Аахенской школы, Х. Дизеринка. Считается, что именно он ввел в оборот сам термин «имагология», выделив его из работ, посвященных этнопсихологии [101, С. 123]. В своей статье «К проблеме «образов» и «миражей» и их исследования в рамках сравнительного литературоведения», опубликованной в 1966г, он обращает внимание на необходимость междисциплинарного подхода и значимости анализа социокультурного контекста [179]. В особенности – «миражей» - образов стран и народов, искаженных под влиянием стереотипов. Позднее, разрабатывая данную проблематику, Х. Дизеринк отмечал, что образы или *«имаготипические структуры»* [180, С. 17] – это не воспроизведение объективной реальности в тексте, а идеи – *«фикции»* или *«миражи»* [180, С. 15], отраженные и трансформированные в ходе исторического развития в рамках определенных сообществ. Причем, эти образы и их значение могут существенно отличаться от первоначальных концепций [180, С. 19]. Активно выступая против позиции Р. Веллека, Х. Дизеринк утверждал, что одна из ключевых задач имагологии заключается непосредственно в изучении того, как литература, заложенные в ней образы стран и наций, влияет на общественное мнение [179, С. 118]. В конечном счете, по мнению исследователя, этот подход будет иметь важнейший вклад в европейские гуманитарные науки [178, С. 6].

Современные имагологические исследования имеют достаточно разноплановый характер. Ведущим специалистом в рамках изучения теоретических аспектов считается голландский компаративист Дж. Леерссен. Он рассматривает национальность как дискурсивный социальный конструкт, обладающий динамическими характеристиками и опирающийся на исторический контекст, тематический интертекст и текстовую риторику [210]. По мнению Дж. Леерссена репрезентация этносов и наций в общественном сознании и различных текстах не может быть исторической константой. Несмотря на устойчивость стереотипов о «других» в культурной практике, встречаются кардинальные изменения подобных репрезентаций. И, по мнению ученого, одна из ключевых задач имагологии – *«составить карту этих колебаний»* в диахроническом аспекте и *«определить переломные моменты перехода от одного регистра к другому»* [209, С. 18]. Дж. Леерссен также активно способствует развитию имагологической науки. Он создал и поддерживает электронный сайт «Imagologica» [200], включающий в себя каталог из 3 500 произведений, посвященных репрезентации образов стран и их жителей в инокультуре.

Говоря о современных имагологических исследованиях за рубежом, следует также отметить нидерландское издательство Brill, выпускающее журнал «Studia Imagologica», основанный Х. Дизеринком в 1992 году [235]. Каждый выпуск журнала придерживается определенной тематики, связанной с проблемами имагологии. В последние годы ключевыми вопросами, освещаемыми в «Studia Imagologica», стали проблемы взаимосвязи литературы и пропаганды [224], стереотипы в американском кинематографе [237], национальные стереотипы, политика идентичности и национальные кризисы [223]. Существенное внимание было уделено *«новым перспективам в имагологии»* [225]. В рамках обсуждения традиционных имагологических концепций ведущие зарубежные исследователи обратили внимание на перспективность имагологии в рамках междисциплинарных подходов [181, С. 1-46]. В частности, предлагалось рассматривать национальные образы в пересечении с понятиями пола, расы,

возраста, этнической и национальной принадлежности [240, С. 277-296; 241, С. 112-127], расширить и переосмыслить теоретические рамки исследований [176, С. 70-92; 208, С. 49-69], а также обратить внимание на новые перспективные источники – медиа [175, С. 215; 189, С. 200; 195, С. 356], музыке [199, С. 404; 242, С. 385-402], визуальных нарративах [168, С. 349-369]. Таким образом, можно прийти к выводу, что с момента формирования европейская имагология существенно трансформировалась и прошла путь от раздела компаративистики до самостоятельного междисциплинарного направления, охватывающего широкий круг вопросов, рассматриваемых на различном эмпирическом материале.

В отечественных исследованиях пристальный интерес к образу «чужого» прослеживается задолго до введения в научный оборот термина имагология. Основа для изучения данной тематики была заложена в трудах Н.А. Ерофеева [46] и Н.П. Михальской [88]. Первые собственно-имагологические исследования появились в России в начале 2000-х годов (подробнее см. Приложение 2).

На начальных этапах развития имагологии в России, особое внимание уделялось проблемам пропаганды и информационных войн [114], специфике этнокультурных стереотипов и их роли в этноконфессиональных конфликтах [149]. Позднее, начиная с 2007 года, интерес исследователей привлекают проблемы интерпретации рекламных сообщений в различных культурах и этносах [54; 131; 132].

Одной из сложностей в теории имагологии можно обозначить расплывчатость терминологического аппарата, которая кроется в многозначности используемых терминов [64, С. 56-57; 87, С. 187; 94, С. 80-89]. Так, например, французское слово «image» включает в себя значения «образ», «имидж», «картина», «изображение» и «представление», в английском языке, помимо указанных, добавляются еще значения «репутация» и «иллюстрация» [129, С. 130].

Также ряд споров среди отечественных исследователей рождает вопрос о месте имагологии в гуманитарной области. Основной вопрос, который волнует

исследователей – как образы «другого», создаваемые и транслируемые посредством художественной литературы, средств массовой информации и различных видов искусства, входят в общественное сознание, трансформируются в «имидж-стереотипы», определяющие взаимоотношения между народами [134, С. 122]. При этом важно учитывать, что имагология не учитывает, как соотносится выявленный образ с реальностью. Основная ее задача – выявление источников этих образов, трансляция и переход на уровень стереотипов [134, С. 123].

Исследования в области имагологии проводятся с точки зрения трех основных концептов: рассматриваются образы государств и ее жителей в инокультуре; динамика образов изучается в рамках дихотомии свой-чужой; анализируются стереотипы, особенности их формирования и изменения. Эти три точки «интереса» в европейской имагологии считаются принципиальными и основополагающими. В то же время отечественные исследователи зачастую игнорируют один или несколько из указанных концептов. Только в 3% научных статей и тезисов конференций встречаются все три указанных понятия. В 35% случаев авторы не пишут ни об образах, ни о стереотипах, ни о бинарной оппозиции «свой-чужой», но позиционируют свои исследования в качестве имагологических, указывают данный термин в ключевых словах и прибегают к нему в разделах методологии и постановки проблемы. В 56% научных работ не используется принципиальный для данного направления термин «образ», а в 87% случаев авторы не обращаются к проблеме стереотипов.

Еще одной «болевым точкой» в данной области можно назвать тот факт, что ряд отечественных исследователей стремится подменить термином «имагология» анализ каких-либо образов, игнорируя тот факт, что они должны формироваться и функционировать в инокультуре, то есть относиться или к иностранным источникам, или к этническим. Первое исследование, в котором автор, анализировал образы русских внутри нашей страны, называя подход имагологическим, вышло в свет в 2004 году [65], однако массовость данная проблема приобрела, начиная с 2019 года. В общей сложности 8% исследований различных образов и имиджей ошибочно относят к имагологии. Чаще всего такая

проблема встречается в работах по истории и литературе, что, впрочем, можно объяснить высоким уровнем интереса к имагологии непосредственно в данных областях.

В зарубежных трудах по имагологии проблеме терминологии уделяется меньше внимания. Ряд ученых отмечает, что данное направление пересекается с исследованиями имиджа [176, С. 70; 185, С. 34; 187, С. 2; 230, С. 21; 236, С. 186]. Однако, в отличие от отечественных исследований, проблема употребления термина «*imagologie*», характерного для французских, немецких и голландских работ, состоит не в смешении концептов «образ» и «имидж», а в непосредственной подмене предмета исследования. В англоязычной области этот термин отсылает к области визуальных образов. В таком контексте приоритетным становится изучение изображений: фильмов, карикатур, фотографий и т. д. [181, С. 7-8].

В то же время основные причины, по которым зарубежные исследователи критикуют имагологию, заключаются в следующем. Во-первых, ее ориентация, в первую очередь, на литературу, что связано с историческим аспектом развития имагологии [177, С. 11-16]. Во-вторых, ее евроцентричность [163, С. 356]. По мнению ученых, проблема коренится в том, что имагологией занимаются в основном европейские ученые, которые стремятся распознать и преодолеть предрассудки, сосредоточенные на «*литературных изображениях европейских наций и народов в художественной литературе европейского происхождения*» [181, С. 20]. С одной стороны, проблема действительно имеет место быть – среди ведущих имагологов проблемы ориентализма, с не-европейской точки зрения, затрагивал только Э.В. Саид [111]. С другой стороны, это привело к тому, что некоторые ученые начали связывать свои исследования со смежными областями, такими, как проблемы этносов и миграции, академической мобильности или постколониализма [181, С. 7].

Однако, ключевой проблемой имагологии на данный момент, как в России, так и за рубежом, является даже не слабость терминологического аппарата, а уровень ее институционализации. Так, по мнению одних ученых, она

представляет собой ответвление сравнительного литературоведения [92; 93, С. 147; 133, С. 70-75; 134, С. 121], другие выделяют ее как один из разделов исторической науки [47; 52]. Ряд европейских исследователей отмечает, что проблема национальных образов и их динамика в общественной жизни, литературе и медиа может потенциально стать самостоятельной дисциплиной [175, С. 205]. Зачастую имагологию определяют как *«рабочий метод»* [209, С. 19], однако он не указан ни в одном методическом справочнике [175, С. 205]. Как отмечает Л. Доорслаер, ее *«подход соответствует классическим особенностям применения метода»* [175, С. 205], однако никогда не ставится на один уровень с анализом дискурса или сбором корпуса [175, С. 205-207]. Несмотря на то, что современные имагологические исследования объединяют в себе эти два метода. Таким образом, имагология представляет собой скорее «призму», через который анализируется тот или иной материал, является критерием отбора релевантного материала [175, С. 206].

Как уже отмечалось ранее, современные европейские исследователи отмечают, что междисциплинарное сотрудничество в имагологии может «придать новый импульс» классическим исследованиям [181, С. 10]. Одно из таких перспективных направлений – исследование процессов формирования образов государств и их жителей в медиа. Отмечается, что журналистские источники имеют потенциальную имагологическую значимость [175, С. 206; 189], поскольку средства массовой информации играют ключевую роль в распространении национальной культуры и ценностей [195, С. 356], способствуют закреплению этнических стереотипов, доводя процессы их применения до автоматизма [175, С. 215]. Это достигается путем многократного повторения, а также постоянным обращением к дихотомическим категориям. Необходимость упрощения информации и ориентация на широкую аудиторию – это основные причины «черно-белой репрезентации», которая сложно поддается корректировке [175, С. 215]. Как отмечают ученые, медиаисследования и коммуникативистика стоят на стыке целого ряда наук, включая социологию,

лингвистику, политические науки, историю и психологию. Каждое из этих направлений, так или иначе, рассматривает проблемы предрассудков, стереотипов и образов в общественном сознании. Таким образом, имагология позволяет объединить все указанные междисциплинарные подходы и научные направления и предлагает рассматривать средства массовой информации в качестве *«конструкторов и проводников стереотипов и образов»* [240, С. 277]. Имагологический подход к анализу современных и архивных медиаисточников представляет собой перспективное направление. Компаративный метод позволяет выявить и сформулировать ключевые тенденции по формированию и динамике национальных и этнических стереотипов в общественном сознании, а также привносит существенный вклад в понимание особенностей трансляции медиаобразов стран в инокультуре.

Глава 2. Анализ особенностей образа СССР в американской прессе

2.1. Формирование образа Советской России под влиянием холодной войны

Говоря об образе России в американской прессе, невозможно обойтись без обращения к проблеме холодной войны. Политическое, технологическое и информационное противостояние, длившееся почти полвека, наложило свой отпечаток на все сферы жизни, определило специфику коммуникации и функционирования медиа. Считается, что впервые такое определение международному противостоянию дал Дж. Оруэлл в статье «Ты и атомная бомба» [228]. В своей работе он рассуждал о новом мироустройстве, о том, что ждет человечество в эпоху ядерного оружия. Британский писатель и журналист искал ответ на вопрос, каким же будет *«тот тип мировоззрения, тип убеждений <...> в государстве, которое было одновременно непобедимым и находящимся в постоянном состоянии «холодной войны» со своими соседями»* [228]. Раскрывая идею «холодной войны», он, по сути, одним из первых сформулировал и озвучил то, что сейчас называют «политикой сдерживания», в основу которой заложено *«молчаливое соглашение никогда не использовать атомную бомбу»* [228], что *«положит конец крупномасштабным войнам ценой продления на неопределенный срок “мира, который не является миром”»* [228].

Феномен холодной войны заключается, в первую очередь, в том, что глобальное идеологическое, военное и экономическое противостояние на международной арене не является войной в прямом смысле слова [147, С. 130].

Столкновения происходят не на реальных полях сражений, решающий фактор в них – не численное превосходство или мощь вооружения. Можно сказать, что холодная война стала первым глобальным противостоянием, определяющимся силой и влиянием медиа. Поскольку оружием в ней стало именно общественное мнение. В отечественных исследованиях политическую конфронтацию между США и СССР, а также ее отражение в средствах массовой информации, определяли целым спектром терминов: «идеологическая борьба» [1, С. 6], «пропаганда» [3, С. 12; 19, С. 3; 55, С. 4] «психологическая война» [56, С. 3; 9, С. 4] «духовное подавление» [14, С. 12].

Достаточно длительное время отечественные исследователи возлагали всю полноту ответственности за «развязывание глобального конфликта» на Соединенные Штаты Америки [73; 108; 112]. Сам термин «холодная война», как отмечают отечественные исследователи, имеет крайнюю пропагандистскую нагрузку [103, С. 131]. Это словосочетание давно используется в масс-медиа в качестве стереотипа, вызывающего у аудитории ассоциации максимально ожесточенного информационного противостояния [50]. Следует отметить, что пропаганда, как инструмент формирования общественного мнения определенной полярности, смежная с концепцией манипулирования, имеет долгую историю и корнями уходит в религиозную и миссионерскую деятельность. Считается, что его первые употребления относятся к XVI веку и связаны с монашеским орденом «*Propaganda fide*» [184, С. 182]. Позднее, слово «propaganda» стали переводить с латыни как «то, что должно распространяться» [141, С. 155]. Таким образом, уже на первом этапе своего развития, функции и задачи пропаганды были четко определены – распространять определенную точку зрения на конкретные события и явления, формирование идентичности, разграничение «своих» и «чужих», защита социума. В какой-то мере можно выдвинуть предположение, что пропаганда представляла собой практическую реализацию функций, заложенных в стереотипах. До Первой Мировой войны пропаганда была связана исключительно с миссионерской деятельностью и обозначала «средства», которыми приверженец той или иной веры «убеждал необращенных» принять её.

Однако, как отмечает американский исследователь У. Ирвин, после 1917 года это слово стало обозначать *«откровенную ложь»* [201, С. 3]. Первую Мировую войну можно считать поворотным моментом в использовании пропаганды. Именно в этот период окончательно оформилось ее политическое значение [6, С. 9-10]. Пропаганду стали использовать не только как инструмент для *«углубленного разъяснения каких-либо идей, учений, знаний, среди широких масс населения»* [117, С. 638], но и как *«идеологическое воздействие»* [117, С. 638]. В задачах появились *«подрыв боевого духа врага»* и *«убеждение мира в значимости своих действий»* [234, С. 85]. Этот период стал ключевым для формирования понятийной базы *«информационной войны»* или *«информационного противостояния»* [63, С.23]. Механики и инструменты которого были закреплены в последствии в ходе Второй Мировой войны [63, С. 24-26] и в последствии начали успешно применяться в условиях поствоенного биполярного мира. Необходимость защищать и продвигать собственные интересы наложилась на эхо войн, полностью изменивших всё мироустройство, усугубилась страхом перед возможным агрессором и трансформировалась в крайне негативное явление. Пропаганду определяют как *«манипулирование общественным сознанием»* [91, С. 271], *«внушение идей»* [124, С. 366], *«манипуляция поведением»* [58, С. 212], связанные с *«проталкиванием целей»* [40, С. 186] в *«агрессивной, наступательной»* [57, С. 38] манере. Таким образом, не только в обывательской, но и в исследовательской среде термин «пропаганда» обрел негативную коннотацию. Он воспринимается не как механизм продвижения, но как оружие в информационной войне.

Информационные войны, в свою очередь, представляют собой комплекс мер по реализации национальной политики и влиянию не только на общество в целом, но и на *«лиц, принимающих решения»* [49, С. 14]. Если пропаганда может реализовываться в «мирных» целях, например, для продвижения здорового образа жизни или информирования населения о правилах поведения в чрезвычайных ситуациях, то информационная война направлена на то, чтобы получить

превосходство над конкретным противником и реализуется в конфликтных ситуациях посредством каналов масс-медиа.

Одна из характерных особенностей данного явления – ее «спутанность» и неявность. В отличие от войны «обыкновенной» информационная война более непредсказуема – направление воздействия и инструментарий невозможно предугадать, она не приводит к видимым разрушениям. Информационная война «невидима», а значит, не дает толчка к реализации защитных механизмов, не вызывает чувства опасности и не позволяет среагировать на нее как на внешнюю агрессию [103, С. 78-81]. Также характерная особенность информационной войны состоит в том, что человек представляет собой не только и не столько адресата, сколько канал для трансляции сообщений [103, С. 120].

Как отмечают отечественные и зарубежные исследователи, трансляция сообщений одного типа (и содержания) через разные источники позволяет уменьшить число противоречивых сообщений, повысить уровень доверия к ним (поскольку они транслируются из различных, независимых и не связанных, источников), увеличивают охват аудитории [103, С. 71; 247, С. 109] и, следовательно, повышают конверсию. При этом, многоканальность должна реализовываться не только через вербальные, но и через невербальные каналы коммуникации, иметь определенные символы-стереотипы. Это могут быть определенные цвета или тип одежды, позволяющий быстро определить, что человек или группа относятся к определенному классу. Например, белый халат для медиков или красный флаг для представителей коммунистической партии. Постепенно сам цвет можно перевести в раздел символов и закрепить связанную с ним ассоциацию. Данный прием хорошо прослеживается в американской прессе периода холодной войны. Красные флаги, как символ коммунизма, в какой-то момент перешли из уровня символа, упрощающего идентификацию персонажей на иллюстрациях, на уровень мифа. «Красный» стало синонимом слова «коммунист». Из невербальной сферы рисунков, карикатур и фотографий, «красный» перешел непосредственно в текст масс-медиа.

Французский философ и литературовед Р. Барт, рассматривая этот феномен в социуме, отмечал, что миф – это «коммуникативная система» [8, С. 72] и один из способов присвоения знака какому-либо явлению. По мнению исследователя, мифом может быть всё, что «достойно рассказа» [8, С. 73]. И в центре этого явления всегда находится обобщение. Причем, миф может формироваться не только на вербальном уровне – его носителем, распространителем и усилителем могут быть любые невербальные воплощения. Те самые «красные флаги», фотографии, рекламные сообщения и т. д. Культурный миф, как и стереотип, является вспомогательным элементом, способствующим интерпретации реальности. Как отмечает Г.Г. Почепцов, одна из характерных особенностей мифа заключается в том, что его практически невозможно опровергнуть. Любая информация воспринимается или как его подтверждение или как исключение из правила [103, С. 198].

Следует учитывать, что каждый такой миф имеет несколько уровней. На первых этапах явлению действительности присваивается некий символ [103, С. 310]. Яркий пример данного феномена дал Дж. Фиск: слово «армия» ассоциируется с человеком в форме, солдатом. Следом за этим символом выстраивается следующий, основанный на первом. Образ «армии» подкрепляется эмоциями, дополнительными образами и реализуется как «хорошие парни», «защитники», «хорошо вооруженные» [186, С. 43] и при этом настроенные на охрану мира в определенной зоне. При этом, как отмечает американский исследователь, консолидация образов происходит путем их последовательной демонстрации, объединенной определенными символами и контекстом. Однако, стоит учитывать, что миф представляет собой не самостоятельный и цельный символ, как стереотип, а форму для передачи некоего сообщения. В связи с чем он обладает большей подвижностью. Р. Барт определял это следующим образом: означаемое и означающее в мифе находятся в постоянном движении и перетекают одно в другое, сам же миф выполняет роль формы, которая, с одной стороны объединяет смыслы, а с другой стороны, уводит их на второй план. Миф как форма социального сообщения, выполняет роль «хранилища конкретных

событий», которые находятся в близком доступе, всегда под рукой. При этом миф кардинально отличается от символа, эта «форма» всегда реальна, соотнесена с конкретными явлениями [8, С. 73]. Таким образом, миф не просто позволяет интерпретировать реальность, но и систематизирует ее, связывает прошлое и настоящее, предлагает поведенческий код, который, в отличие от стереотипов, в состоянии оперативно адаптироваться под изменяющуюся действительность [103, С. 202]. Но именно эта подвижность является одновременно инструментом для манипулирования в информационных войнах и точкой уязвимости.

Любое явление действительности можно представить в качестве сообщения, путем повторения и расширения смыслов превратить его в миф. В таком случае любое определение будет иметь несколько значений, сочетать в себе несколько образов, но при каждом использовании вызывать одну и ту же, заложенную в него, реакцию. В качестве подобного мифа можно представить любую страну. Ее название – это знак, набор семиотических кодов, сопряженный с рядом связанных атрибутов. Изменение содержания, набора таких кодов, ведет к изменению страны. В некоторых случаях – даже к исчезновению [103, С. 195].

Интересный пример изменения кодов при сохранении формы представлен в исследовании М. С. Затуловской [69]. На материалах ежедневной газеты «The New York Times» выявляется, что на протяжении всей холодной войны Советский Союз на страницах американской прессы называют «Россией». В результате происходит смешение понятий и к СССР применяются характеристики и стереотипы, характерные для Царской России, а образы, закрепившиеся за время существования СССР, переносятся на современное государство, невзирая на особенности общественного, политического и экономического характера.

Анализ образа СССР в США в период холодной войны требует понимания того, какие предпосылки способствовали его формированию. Важное значение также имеет то, как сами американцы объясняли происходящее. Рассматривая данные вопросы, стоит учитывать, во-первых, собственно характеристики холодной войны, причины ее возникновения и развития, в рамках зарубежных

исторических исследований. А во-вторых, изучение образа России в различные исторические периоды и факторов, оказавших влияние на его формирование и изменение.

Зарубежные исследователи предлагают несколько концепций по трактовке причин зарождения и развития холодной войны. Среди них можно выделить следующие направления: конфликт цивилизаций [193, С. 44], экономическое соперничество [214, С. 2] и столкновение национальных интересов [238, С. 11-15], идеологический конфликт [196, С. 18; 213].

Советский Союз предложил новый, нетривиальный, вариант функционирования общества. Дж.Л. Гэддис называл это «*супер-экспериментом*» [30, С. 92], целью которого было создание нового, справедливого, общества [30, С. 92-93]. Это также называли противостоянием двух мировых философий [196, Р. 18]. Отказ от рыночных отношений, как это предлагалось в социалистическом государстве, отказ от религии, возведение общественного строя, коммунизма, в ранг замещающего религиозного движения, – все это было не просто новым, но непонятным и от того пугающим для европейского и американского обывателя. Это приводило не просто к опасениям, но давало основу для идеологического конфликта.

Версия цивилизационного конфликта объясняла ухудшение отношений между Россией и США как комплексный результат [194, С. 33], включающий в себя элементы экономического соперничества, политико-идеологической конфронтации, отягощенный личностными факторами глав государств.

Американские историки и политологи отмечали, что отношения между Россией и США до начала холодной войны были достаточно дружественными [47, С. 53; 161, С. 36-40; 191, С. 13; 192, С. 4-6]. Основой позитивных американо-российских взаимоотношений на ранних этапах служило отсутствие общих интересов и географическая удаленность стран [161, С. 12], а также политика невмешательства во внутренние дела и признание общих внешних противников [192, С. 5].

По мнению американских исследователей, у России и США прослеживается общее в историческом пути: обе страны *«родились в революции»* [191, С. 13], *«приняли идеологии с глобальными устремлениями»* [191, С. 14] и предполагали, что механизмы, хорошо отработанные «дома», будут аналогично показывать себя и в других странах. В качестве сближающих факторов также упоминали обширную территорию [191, С. 13]. Однако, ключевым фактором, по мнению Дж.Л. Гэддиса все же была *«взаимная готовность признавать и терпеть государства с различными социальными системами»* [192, С. 5]. Эта идея созвучна позиции советского историка Н.Н. Блоховитинова, которой писал, что самое главное в отношениях между нашими странами было не в отсутствии конфликтов или отличий, но в способности и желании их преодолевать [164, С. 355]. Позитивный образ нашей страны в США сохранялся до конца XIX века [48, С. 9].

В качестве причин, повлиявших на ухудшение образа России в США, американские исследователи выделяют следующие факторы: проведение параллелей между политическим строем страны и ее внешней политикой, стремление вмешиваться во внутренние дела других государств и концепция непогрешимости американского пути, сопряженная с мессианскими идеями. Уверенность американцев в том, что внутренняя ситуация в стране оказывает решающее значение на реализацию международной политики, получила свое активное развитие в середине XIX века [192, С. 6]. Сильное распространение получила идея, что автократия внутри страны несовместима с концепцией взаимного сотрудничества и мира [192, С. 7]. Между «царизмом» и сталинизмом ставился знак равенства, полностью отрицалась возможность построить демократическое общество в таких реалиях [161, С. 355; 192, С. 3]. Большевизм, в связи с этим, называли *«царизмом в комбинезоне»* [161, С. 239].

Рост грамотности американского населения и увеличение числа издательств, равно как и популярность просветительских лекций и повышение доступности путешествий, способствовали вовлечению аудитории в проблемы российского, а затем и советского, государства [192, С. 9]. Американский историк

Т.А. Бейли охарактеризовал эту ситуацию следующим образом: *«В демократии, подобной нашей, где общественное мнение является такой мощной силой, правда часто менее важна, чем то, что люди считают правдой»* [161, С. 3]. Культурные и исторические различия, неосознаваемые на первый взгляд, активировали защитную роль стереотипов.

Особый интерес американцев всегда привлекали революции. Каждая из них воспринималась как попытка русского народа освободиться от гнёта тирании. В начале – царской, затем – коммунистической. Первую революцию (1905-1907 гг.) сравнивали с Великой французской революцией (1789г.) [48, С. 250]. Американцы считали, что она *«побеждала расовые предрассудки»* [216, С. 5] и стирала границы. Дж. Лондон называл революцию 1905 года *«уникальной и колоссальной»* [216, С. 5]. По его мнению, это *«героическая битва за свободу»* [216, С. 6], *«первое мировое движение»*, в котором заключена *«огромная человеческая сила»* [216, С. 6], с которой нужно считаться. Революция 1917 года была встречена, в многом более критично, однако, многие журналисты восприняли ее как новый шаг в сторону социального равенства, попытку изменить политический строй на демократический лад [48, С. 251].

В конце XIX века образ России в американском обществе распадается на две составляющие: романтическую и демоническую [47, С. 57]. В рамках романтического аспекта нашу страну рассматривали как объект по демократизации, позволяющий реализовать миссию США по *«реформированию мира»* [48, С. 303]. Важную роль этих процессах играли революционные изменения в России. Они рассматривались как *«движения западного образца»* [48, С. 303], попытки нашей страны свернуть в исторически-верное русло. Социальные изменения в России преподносились как подтверждение политических и социальных основ американского общества, позволяли реализовать «мессианские» настроения. В рамках романтического настроения Россия представлялась «прилежным учеником», который готов усваивать и воплощать на практике американские ценности [47, С. 57] и следовать «правильной» модели развития. К тому же такой подход вписывался в идеи,

согласно которым распространение демократии – это «моральный долг американцев» [173, С. 147].

Демонические образы России, получившие активное развитие в тот же период, представляли нашу страну «тюрьмой», в которой люди – бесправные рабы, не способные бороться с тиранией правящего класса [48, С. 308]. На эту картину накладывались идеи об угрозе, исходящей от «идеологического противника» [48, С. 312], который не щадит своих и безжалостен к чужим.

Периодически эти два образа смешивались и воплощались в идеи о спасении России, позволяя реализовать проповедническую и мессианскую концепцию. В данном контексте коммунизм воспринимали как очень агрессивную религию и жители Соединенных Штатов, будучи, в большинстве своем, достаточно религиозными, были обеспокоены и искали способы защитить себя [192, С. 149]. Это накладывалось также на «веру в обязанность распространять свое вероучение» [188, С. 2], уверенность в непогрешимости американского пути и в то, что остальные, «отсталые», народы жаждут американского просвещения [188, С. 2]. Все это стало основой для зарождения и укрепления идеи о «крестовом походе за свободную Россию» [188, С. 3]. Как отмечает Д.С. Фоглесонг, эти концепции, сопряженные с мыслью о том, что «противодействие распространению их евангелия является злом» [188, С. 2], стали основой для нереалистичных ожиданий относительно населения России и ее политики [188, С. 6], а также привели к росту агрессии и развитию холодной войны.

Как отмечает В.И. Журавлёва, наиболее ярко эта идея прослеживается в выступлениях Р. Рейгана [48, С. 305], который назвал Советский Союз «Империей зла», «сосредоточием зла во всем мире», и, в то же время, призывал «молиться за спасение всех тех, кто живет в этой тоталитарной тьме» [231]. Такой подход позволял утвердиться в важности американского курса, подтвердить его исключительность и значимость. Поскольку, любая концепция репрезентации «чужого» в общественном сознании, опираясь на стереотипы, выполняет функцию самоидентификации и защиты.

Коммунизм представлялся американским политикам и общественным деятелям основной преградой на пути сближения России и Запада [137, С. 91]. Устранение этой «преграды» позволял американцам надеяться на *«слияние с общим цивилизационным потоком мирового развития»* [137, С. 91]. Однако, к возможности быстрой демократизации России иностранные журналисты относились со сдержанным скептицизмом. Постулировалось, что изменение политического строя позволит нашей стране *«стать нормальным государством»* [226], однако, отсутствовали четко сформулированные критерии такой «нормальности» [137, С. 92]. Анализируя отношение американских журналистов к российскому политическому строю, З.А. Ужегова отмечает, что прослеживается тенденция по переносу *«государственного прошлого»* на современную реальность [137, С. 51]. К этим выводам позднее приходили и другие отечественные исследователи [63; С. 69, С. 61]. В качестве основных концепций, вокруг которых формировались образы России, выделяется авторитаризм, сравнимый с феодализмом [137, С. 136], отсутствие демократического контроля власти и оторванность от народа, опора на военную мощь и политика подавления. Политические деятели представлялись как *«мафиозные личности»* [137, С. 51]. Экономические проблемы России представлялись как следствие отсутствия индивидуализма у российского народа [226].

Специфика американской прессы в репрезентации нашей страны состоит в том, что журналисты фокусируются, в первую очередь, на актуальных, злободневных, вопросах текущей политики. Многие публикации представляют собой анализ конкретных событий. При этом мнения авторов достаточно неустойчивы и колеблются в зависимости от обстоятельств [137, С. 54]. В связи с чем нельзя сказать, что те или иные «персонажи», образы политиков или общественных деятелей, предстают исключительно позитивными или негативными. Отсутствует радикализация, бинарность позиций, характерная для пропаганды. Противопоставление формируется не на уровне «мы-они», но внутри российской общности: коммунисты представляются «чужими» и врагами, в то

время как «реформаторы» идеализируются. Политическое противостояние в России, глазами американцев, представляет собой ожесточенные схватки между демократами и консерваторами. При этом только тоталитарная система, чье влияние явно преувеличено, мешает трансформации общества по «западному образцу» [137 С. 60].

Сами публикации представляют собой «стори» — художественный рассказ, в котором обязательно присутствуют положительные и отрицательные герои, патетика, завязка, кульминация и развязка [137, С. 54]. Это особенно характерно для журнала «Time». Причем, как отмечают исследователи, модель репрезентации событий зачастую не коррелирует с реалиями российской жизни.

2.2. Характеристика ключевых образов СССР в «Time» и «Commentary»

Российско-американские отношения нельзя назвать однозначными и исключительно линейными. На протяжении своей двухсотлетней истории политическое взаимодействие между нашими странами имело самую различную тональность, от крайне позитивной [47] до откровенно угрожаемой, когда в 1960-х годах мир оказался на грани ядерной войны. Статус мировых сверхдержав, гонка вооружений, идеологическое противодействие, – все эти факторы осложняли процесс взаимопонимания между нашими странами, затрудняли межкультурный диалог и неизменно оказывали влияние на политическую обстановку во всем мире. Однако, следует отметить, что несмотря на явные противоречия, взаимоотношения между нашими державами никогда не были абсолютно категоричными и полностью негативными. Так, даже в самый сложный период, в ходе гонки вооружения и военного противостояния, реализовывались программы академической мобильности и технологического сотрудничества [109, С. 44], в прессе отмечали популярность курсов русского языка и большое количество курсов, посвященных русской культуре в различных университетах в США [63, С. 57-59], подчеркивались достижения русских ученых и т. д. [63, С. 59-60]. Как отмечают исследователи, несмотря на негативную доминанту в освещении событий, связанных с СССР в период холодной войны, американская пресса все же стремилась преподносить информацию, если не максимально объективно, то разнопланово [63, С. 46-109]. Однако, именно «перестройка» М.С. Горбачёва по праву считается переломным моментом в ходе холодной войны. Постепенно российско-американские взаимоотношения начали трансформироваться из состояния ожесточенного противостояния в партнерство. Следует учитывать, что сотрудники средств массовой информации не только

формируют повестку дня, исходя из специфики издания и предпочтений аудитории, но и сами подвержены влиянию стереотипов, которые являются неотъемлемой частью человеческого мышления. В связи с чем, особый интерес представляет сравнение подходов к интерпретации образов СССР в изданиях противоположной политической направленности. (см. Приложение 3).

Анализ частотной лексики. Рассматривая частотность упоминания Советского Союза в исследуемых журналах, следует отметить, что интерес американской прессы был преимущественно постоянным (см. Рисунок 1).

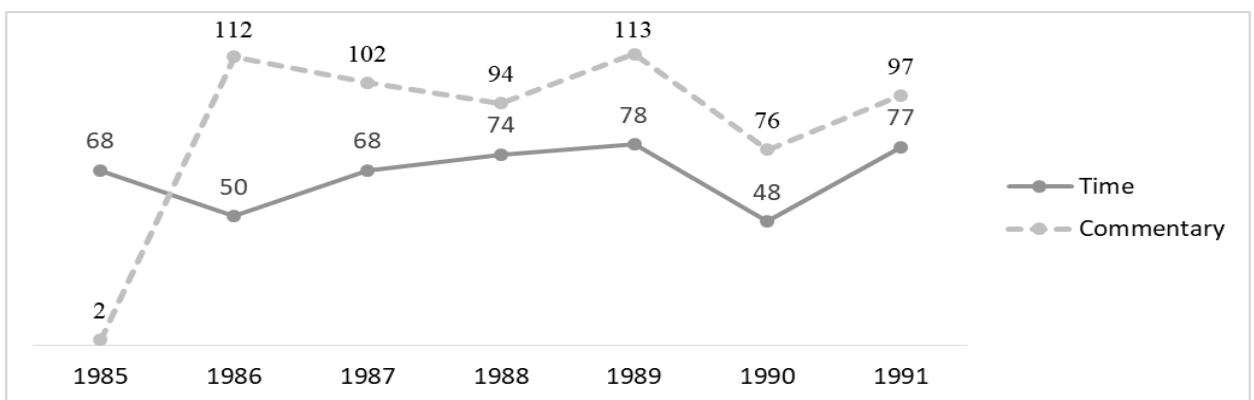

Рисунок 1. Общее количество публикаций, посвященных СССР в журналах «Commentary» и «Time» в 1985-1991 гг.

Всего в исследуемый период в консервативном «Commentary» было опубликовано 596 материалов, а в либеральном журнале «Time» – 463 статей. Следует отметить, что достаточно существенная доля публикаций, посвященных СССР, в «Commentary» выходила в разделе «письма читателей», в рамках которого подписчики высказывали свои идеи, комментарии и замечания в рамках ранее опубликованных статей. За семь лет число писем читателей составило 24,5% (146 опубликованных обращений) от общего числа материалов, посвященных СССР.

Сопоставляя показатели общего числа публикаций в исследуемых журналах, можно отметить, что с 1987 года прослеживается корреляция по пикам и спадам интереса к Советской России. Однако, до этого периода картина

кардинально отличается. В 1985 году в «Commentary» вышло феноменально мало публикаций, посвященных СССР – всего 2. В этот период внимание авторов было направлено на внутренние события. В то время как «Time» строили теории и предположения по поводу нового советского лидера и возможных изменений в советской политике [370; 400; 402; 410; 426], «Commentary» обращал внимание своей аудитории на снижение активности диссидентского движения в СССР [289]. Следует отметить, что, не смотря на концепцию журнала, задающего тон общественным и политическим обсуждениям, в «Commentary» достаточно часто упускались из виду важные политические события и фигуры, а сами темы преподносились с существенным опозданием. Так, например, ежемесячный журнал включился в обсуждение процессов перестройки и гласности только в начале 1989 года, упуская из внимания эти аспекты вплоть до 1987-1988 годов, достаточно скупо отреагировала на катастрофу в Чернобыле, не писали о Б.Н.Ельцине в период 1985-1991 годов и т. д. Возможно, данный феномен можно объяснить тем, что фокус интереса издания был смещен в иную плоскость. Анализируя рубрики, в которых выходили материалы, посвященные СССР (см. Рисунок 2), можно сделать вывод, что в «Time» публиковал, в основном, новостные материалы, в то время как в «Commentary» фокусировался на таких направлениях как культура, международная политика и право.

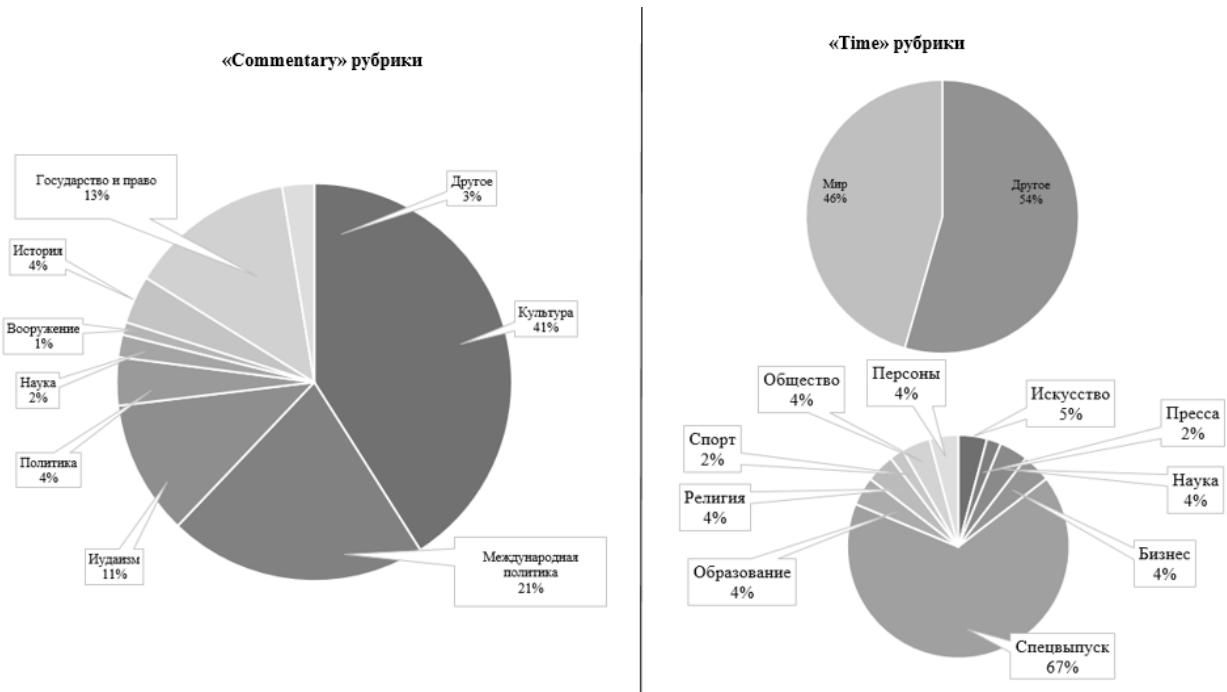

Рисунок 2. Рубрики журналов «Commentary» и «Time», в которых упоминался СССР (1985-1991)

Таким образом, 21% публикаций журнала «Commentary», в которых упоминался Советский Союз, относятся к разделу международной политики (Europe – 10%, Foreign Affairs – 4%, Middle East – 4%, Asia – 2%, Africa – 1%), 41% материалов вышли в рубриках, посвященных культуре (Culture & Civilization – 26%, Literature – 11%, Art – 2%, Media – 1%, Popular Culture – 1%), 13% статей – в рубрике «Государство и право». Примечателен тот факт, что авторов «Commentary» серьезно волновали вопросы, связанные с вооруженными силами СССР и проблемами разоружения, однако, в рубрике «Military» было опубликовано лишь 1% от всего объема материалов за исследуемый период. При этом, тема гонки вооружений активно обсуждалась в рубрике «Наука» (Science, Nature & Technology – 2%). (см. Приложение 4). При этом следует учитывать, что рубрикация зачастую носила исключительно формальный характер. Например, в рубрике «Литература» публиковались обзоры и рецензии на различные книги, вышедшие в печать. Но обсуждаемая тематика, как правило, была остро политической и социальной. Необходимо отметить, что материалы «Commentary» представляли собой достаточно пространные эссе. В них поднимались

параллельно несколько вопросов, четко прослеживалась политическая, антикоммунистическая, позиция авторов.

В то же время в «Time», придерживаясь концепции независимого и объективного новостного издания, представляли материалы, в первую очередь, в рубрике «Мир» (World – 46%). Порядка 3% публикаций относилось к рубрике «Искусство» (Art), по 2% материалов вышло в рубриках «Наука» (Science) и «Бизнес» (Business), и по 1% в рубриках «Образование» (Education) и «Религия» (Religion). При этом издание избегало давать какие-либо оценки советскому режиму в целом, в отличие от «Commentary», фокусируясь на комментировании непосредственно освещаемых событий и явлений. Впрочем, характеристики давались, исходя из вопросов актуальности и целесообразности рассматриваемых действий, а не с точки зрения идеологии.

Еще одно принципиальное отличие в подходах исследуемых журналов к трактовкам событий, связанных с СССР, состоит в выборе стартового информационного повода для публикаций. Так, в «Time», формируя новостную повестку, опирались, в первую очередь, на высказывания различных акторов, подчеркивая новостные послы цитатами как политических деятелей, так и обычных советских жителей. В качестве аргументов использовались высказывания представителей самых различных слоев советского общества. Во многом такой подход был возможен, поскольку штат специальных корреспондентов «Time» постоянно присутствовал в Москве и у издания была возможность получить комментарии очевидцев по горячим следам. Зачастую сами информационные поводы для публикаций рождались из высказываний представителей советского населения. В то же время в «Commentary» отправной точкой для обсуждения, как правило, становился выход какой-либо книги, или написанной советским автором, или затрагивающим советскую тематику. Во всех материалах консервативного издания прослеживается оторванность от советской жизни, философское теоретизирование. Если в «Time» в рамках одной статьи можно было встретить цитаты нескольких очевидцев, экспертов или представителей различных мнений, то в «Commentary» полемика зачастую

строилась или в рамках критики какого-либо произведения, или в рамках представления (и пересказа) какой-либо книжной новинки. Фактически отсутствовали советские авторы или комментаторы. В качестве постоянных авторов «Commentary» можно отметить правозащитника В.К. Буковского [255; 256] и физика Ю.Ф. Орлова [285]. Однако, на момент публикации своих статей, они оба уже находились в эмиграции, не владели полной актуальной информацией о состоянии дел в СССР и, как диссиденты, пострадавшие от действий советской власти, были обосновано оппозиционны. Таким образом, консервативный американский журнал мог представить лишь одну точку зрения на рассматриваемые вопросы. Возможно, именно эти аспекты, вкупе с периодичностью (долгой подготовкой и формированием портфеля каждого номера), определяют тот факт, что «Commentary» реагировал на изменения в советском обществе недостаточно оперативно и зачастую упускал из внимания важные события.

Важное значение для анализа образов Советской России в американской прессе имеют обложки журналов. Именно они привлекают внимание читателей на газетных прилавках. В период с 1985 по 1991 год в «Time» вышло 30 обложек с фотографиями и рисунками, относящимися к СССР. В 14 случаях это были изображения М.С. Горбачёва, в 5 – иллюстрации, связанные с военным противостоянием и гонкой вооружений [300; 398; 419; 430; 435] в 3 – изображения В.И. Ленина [379; 406; 338], в 2—изображения советской символики: серп и молот [312], красная звезда [366]. В 2 случаях – портреты Б.Н. Ельцина [306; 431]. Также на страницах «Time» появлялись портреты Р.М. Горбачёвой [399], А.Д. Сахарова [342], В.С. Горовица [352], Э.А. Шеварднадзе [311], изображение Чернобыльской атомной станции (при освещении событий катастрофы) [385] (подробнее см. Приложение 5).

В случае «Commentary» Советский Союз так или иначе присутствовал на 29 обложках. Однако, в отличие от «Time», первая страница консервативного издания представляла собой скорее перечень актуальных материалов – на обложках отсутствовали иллюстрации, их роль играли графические элементы,

выделяющие блоки публикаций (см. Приложение 7). В консервативном «Commentary» на первые полосы выносили такие темы, как русская политика и ее отображение в литературе, советский коллапс и слабость, гонка вооружений, холодная война и положение интеллектуалов и евреев в СССР, советские реформы, в частности – гласность, о жизни «при коммунизме». В качестве персоналий, упоминающихся на первой полосе, выступали М.С. Горбачёв и А.И. Солженицын.

Для того, чтобы выявить фокус интереса американской прессы к СССР, был проведен частотный семантический анализ. В результате были выявлены наиболее частотные лексемы в статьях, посвященных Советскому Союзу (см. Рисунок 3.).

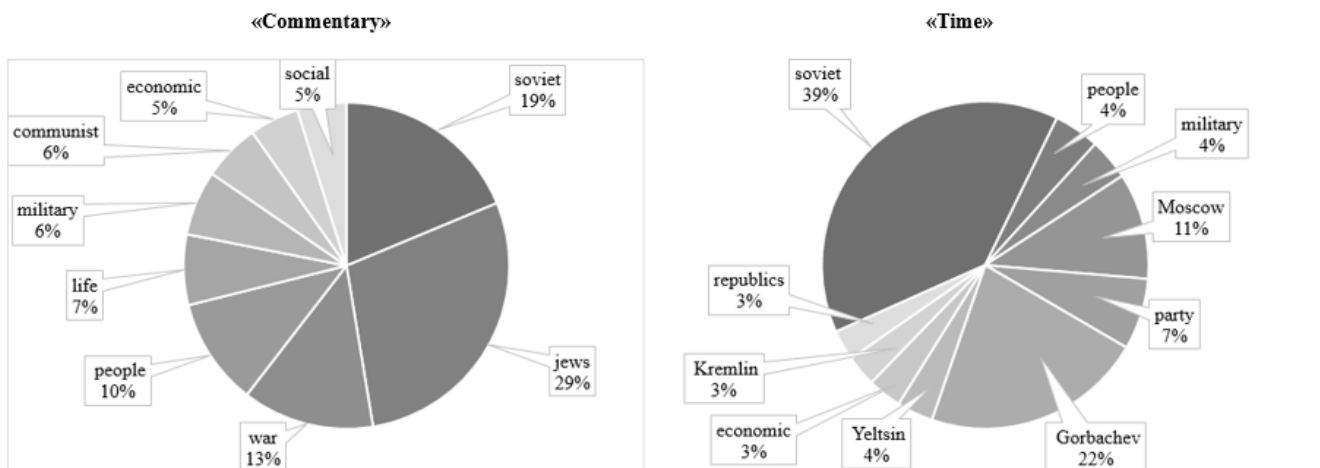

Рисунок 3. Частотные лексемы в журналах «Commentary» и «Time» 1985-1991 гг.

В «Commentary» чаще всего употребляли такие лексические единицы как «советский» – 19%, «еврей» – 29%, «война» – 13%, «люди» – 10%, также достаточно высокая частотность выявлена у лексем «военный», «коммунистический», «экономический» и «социальный». В «Time» наиболее частотны лексические единицы «советский» – 39%, «Горбачёв» – 22%, «Москва» – 11%. И в консервативном, и в либеральном издании достаточно часто использовались лексемы «советский», «люди», «военный», «экономический». В то же время, в «Time» достаточно высокий уровень частотности соотносится с различными политическими деятелями, «Горбачёв» и «Ельцин», и такими

неодушевленными актантами, как «Москва», «Кремль», «партия». Отталкиваясь от лингвостатистических данных, представляется возможным определить основные темы, которые интересовали американских журналистов и диверсифицировать вектор их интереса.

Рассматривая высокочастотные лексемы, можно выделить несколько основных групп тем, определяющих фокус интереса американской прессы по отношению к событиям в Советском Союзе, характерных как для «Time», так и для «Commentary». Первая группа представляет собой макро-направления: экономические, общеполитические и «военные» вопросы. Вторая группа сочетает в себе различных политических актантов, как реальных политических деятелей, например, М.С.Горбачёва, Ю.В. Андропова, Б.Н. Ельцина и др., так и персонификаты «Кремль», «Москва», - абстрактные понятия, фигурирующие в роли актантов на политической арене. Третья группа включает в себя репрезентации населения – «русский народ», «евреи», «диссиденты». Четвертая группа охватывает вопросы, связанные с реализацией перестройки и политики гласности. В отдельную группу следует вынести освещение Августовского путча как революционный феномен. Несмотря на то, что он имеет высокий уровень частотности исключительно в рамках новостного диапазона, представляя собой элемент новостной повестки дня в рамках сентября-октября 1991 года, он крайне насыщен стереотипами, мифологизированными сюжетами и представляет собой яркий пример реализации этнокультурных стереотипов на формирование общественного мнения в рамках журналистского произведения.

Говоря о первой частотно-тематической группе, включающей общеполитические, экономические и военные вопросы, следует отметить высокий уровень устойчивости позиций журналистов и достаточно небольшое количество стереотипов. В вопросах, затрагивающих экономику и политику, достаточно часто отмечалась отсталость Советского Союза и его нестабильное политическое положение.

В материалах, посвященных вопросам экономики в СССР, на страницах «Time» частотные лексемы представляется возможным разделить на три группы,

каждая из которых актуальна в определенный период. Так, в 1985-1987 годах политику перестройки и экономической реструктуризации описывали как «реформы». В 1988-1989 году наиболее частотными стали характеристики «хаос», «коллапс» и «кризис». В 1990-1991 годах частотная доминанта была перенесена на «санкции», «кризис», «помощь» и «поддержка» (в контексте необходимости оказания помощи СССР), а также «война» (имеется ввиду экономическая «война» в республиках).

Политика Советского Союза на протяжении всего изучаемого периода характеризовалась такими лексемами как «сила», «военный», «столкновения», «изменения» и «реформы», «кризис», а на более поздних этапах – «диалог».

Причем, в материалах, посвященных политике и экономике, в качестве общей частотной лексемы выступают «кризис» и «реформы», в то время как в материалах, посвященных военным, они не используются.

Таким образом, в рамках политико-экономические состояния наша страна представлялась в качестве агрессивной державы (сила, столкновение, военные), находящейся в состоянии неопределенности (хаос, коллапс, изменения, реформы), а в 1990-1991 годах еще и нуждающаяся в поддержке.

В «Commentary» наибольшая частотность в рамках экономической тематики встречается у лексем «политический», «социальный», «рост» и «развитие», «военный», «власть» и «реформы». В рамках описания политики ключевыми выступают характеристики «военный», «власть» (power), «моральный и политический авторитет», «история», «культура» (в контексте вмешательства в данные области), «заклученные», «евреи» и «интеллектуалы».

Таким образом, в консервативном «Commentary» при описании политики и экономики в СССР формировался образ государства, в котором идет рост и развитие военной мощи и политической власти, а в социальной сфере преобладает давление над интеллектуалами, исторические и культурные аспекты находятся под государственным контролем, а евреи и интеллектуалы выступают в качестве заключенных.

В рамках «военной» тематики американских журналистов волновал вопрос разоружения. Гонку вооружения и соперничество в освоении космоса в США характеризуют словосочетанием «Звёздные войны» (*Star Wars*), которое у российского обывателя ассоциируется исключительно с кинофраншизой Дж.У.Лукаса. Долгосрочная научная программа, запущенная в 1983 году в США, также называлась «Стратегическая оборонная инициатива (СОИ)» (*Strategic Defense Initiative*) (см. Таблица 1).

Таблица 1. Частотность упоминания лексем, связанных с военной тематикой и гонкой вооружения в «Commentary» и «Time» (1985-1991 гг.)

	Commentary		Time		
	число упоминаний	%	число упоминаний	%	
military	1963	46%	557	41%	военный
nuclear	1068	25%	362	27%	ядерный
weapon	811	19%	243	18%	оружие
Star Wars	16	1%	73	6%	Звездные войны
SDI	241	6%	70	5%	СОИ
Strategic Defense Initiative	41	1%	27	2%	Стратегическая оборонная инициатива
disarmament	97	2%	18	1%	разоружение

Причем, в «Commentary» предпочитали пользоваться аббревиатурой, изредка обращаясь к полной расшифровке «*Strategic Defense Initiative*», и почти не используя звучное «Звездные войны». В то время как в «Time» предпочитали или использовать «Звездные войны» или аббревиатуру, почти не прибегая к расшифровке «Стратегическая оборонная инициатива».

Следует отметить, что гонка вооружения воспринималась американцами крайне негативно. В 1986 году в «Commentary» отмечалось, что тех, кто выступал за развитие систем противоракетной обороны в США «высмеивали как фанатиков и искателей рекламы»² [298]. Однако, признается, что у исследований СОИ есть определенный потенциал, причем не только в военной сфере, который «не следует недооценивать или принижать» [298]. Стоит отметить, что риторика

² здесь и далее перевод с английского мой

по поводу гонки вооружений направлена, в первую очередь, на внутреннюю американскую политику. В прессе рассматриваются не столько достижения СССР на этом поприще, сколько вложения и результативность исследований в рамках американской экономики.

В «Time» программу «Звездных войн» характеризовали как «спорные технологии» [377]. Но именно в либеральном издании подчеркивается, что Советский Союз боится американской Стратегической оборонной инициативы, и «американского технологического мастерства» [426]. Однако, описания эти крайне футуристичны и, с современной позиции, «космические боевые станции» [426] вызывают скорее улыбку, чем страх.

Среди рассуждений об общей политической обстановке и концепции сдерживания и гонки вооружения, следует отметить идею о том, что оборонные инициативы могут быть эффективны только в случае, если риски, принимаемые одной стороной, для другой противоборствующей стороны выглядят абсолютно неприемлемыми. Аналитики «Commentary» отмечают, что в противном случае «вы окажетесь в психологически изнуряющем положении, отставая политику, которую, как вы знаете, вы не будете осуществлять» [296]. Как отмечает консервативное издание, сторонники концепции ядерного сдерживания упускают ключевой момент противостояния: «Политика взаимного гарантированного уничтожения <...> является обещанием совершить самоубийство» [296] и, в случае реализации, приведет к совершенно неприемлемым результатам. Вместе с тем, в ряде публикаций отмечается, что реализация систем противоракетной обороны крайне дорогостояща и не может предложить гибкости, в случае если СССР решит изменить что-либо на своей стороне [257; 268; 298]. В 1990 году в «Commentary» писали, что «Звездные войны» «оказались бесполезными, за исключением карманов американских налогоплательщиков и оборонных подрядчиков» [268].

Частотно-тематическая группа, описывающая политических актантов, помимо реальных политических деятелей зачастую обращается к персонифицированным, но абстрактным, участникам политической арены. В

«Time» к упоминаниям «Кремля» как политической силы за исследуемый период прибегают 533 раза, «Москва» – 1728 раз. В «Commentary» эти показатели несколько отличаются. «Кремль» упоминается 87 раз, «Москва» – 467 раз. Следует отметить, что порядка 60% упоминаний «Кремля» в «Time» и 92% в «Commentary» представляют собой синонимы для понятий «государство» или «политический лидер», выявляется его активная персонификация. Причем, в «Commentary» прослеживается изменение этих образов в диахроническом аспекте. Так, до 1988 года «Кремль» упоминается чаще всего как самостоятельная политическая единица, сила, принимающая решения. А начиная с середины 1988 года он представляется в качестве абстрактной политической организации, в которой «происходят изменения». Во многом такое представление пересекается с американской концепцией Белого дома. Следует отметить, что в 1991 году упоминания «Кремля» в консервативном журнале имеют преимущественно географический характер – определяют место, откуда «возвращаются» после визита. В журнале «Time» отмечается высокая частотность оборотов «*Кремль хочет*», «*Кремль настаивает*», «*под контролем Кремля*», «*Кремль не отступает*» [32]. В «Commentary», в свою очередь, писали о «*нетерпимости Кремля к своим внутренним критикам*» [292], «*соучастию в перевороте*» [290], что Кремль «*оказывает давление*» [276], о «*неограниченных ресурсах Кремля*» [278], рассуждали о «*намерениях и действиях Кремля*» [273] и тп.

В случаях упоминания «Москвы» картина в журналах не столь однородна. В консервативном «Commentary» персонификация понятия прослеживается лишь в 12% случаев, в то время как в либеральном «Time» порядка 70% упоминаний столицы СССР относятся к метафорическому определению политических сил, по аналогии с «Вашингтон» в случаях принятия политических решений. В «Commentary» «Москва» чаще всего обозначала исключительно географическую локацию. В случаях переноса значения на роль политического актанта основными коннотациями выступали «*отношения с Москвой*», «*иметь дело с Москвой*», а также «*соглашения*» и «*альянс*». В «Time» писали о «*тоталитарной империи*», «*бюрократии*», и «*сопротивлении [Москве]*». Зачастую эти коллокации

встречаются также при различных упоминаниях советского, коммунистического, режима [32]. Вплоть до середины 1989 года высокую частотность имели обороты, указывающие на тоталитарную политику, реализуемую «Москвой»: «*тоталитарный режим Москвы*», «*под давлением Москвы*», «*репрессии Москвы*», «*Москва контролирует*» или «*под тотальным контролем Москвы*». Примечательно, что в подобных статьях практически не упоминается личность М.С. Горбачёва. В результате в сознании обывателя происходит диверсификация образов: советский политик представляется как позитивный реформатор, противостоящий некоей абстрактной агрессивной и тоталитарной силе. Вероятно, таким образом воплощается концепция политического противостояния между президентом и «Белым домом», «Вашингтоном», актуальная для американской политической системы. В то же время в 1989 году прослеживается рост частотности таких коллокатов как «*бросить вызов Москве*», «*независимость от Москвы*», «*сопротивление Москве*» и т. д. С одной стороны, это указывает на волнения в республиках и напряжённую этно-социальную обстановку в СССР, а с другой актуализирует стереотип об агрессивном тоталитарном правительстве и русском (советском) народе, который восстаёт в попытках обрести независимость и демократию.

Упоминания «Советского Союза» представляют собой более нейтральную картину. И в консервативном «Commentary», и в либеральном «Time» 10% упоминаний СССР связаны с проблемами экономики, 14% упоминаний приходится на лексемы «реформы» и «трансформация» [32, С. 153]. В большинстве случаев «Советский Союз» указывает на географическую локацию, персонификация встречается редко.

В рамках описания «политических сил» можно выделить частотные упоминания «люди» и «русские». Для «Commentary» также характерна высокая частотность упоминаний «евреев» и «диссидентов». В описаниях русских людей преобладает пассивный залог. Как с лексической, так и с грамматической точки зрения население СССР предстает пассивным, подчиненным обстоятельствам и политическому давлению (см. Рисунок 4).

Рисунок 4. Частотные коллокации биграмм «люди» в журналах «Commentary» и «Time» 1985-1991 гг.

В ходе анализа частотных лексем выявляется, что в период с 1985 по 1989 годы население СССР упоминается в коллокации с «убиты», «ограблены», «боятся», «страдают», находятся в состоянии «бедности». Эти лексемы подчеркивают тоталитарный строй Советской России, бесправность ее населения, актуализируя образы о Царской России (бедные, бесправные люди под давлением государства). Вместе с тем, начиная с середины 1990 года, в описаниях населения нашей страны на страницах американской прессы наблюдается сдвиг в сторону демократических ценностей. Так, в «Time» пишут о «новых людях», «голосованиях», «силе народа», а в «Commentary» отмечают, что русские «думают», «хотят свободы», часто упоминаются «политические права».

Диссиденты и еврейский вопрос. Одной из тем, не выраженных ярко при частотном лексическом анализе, но интересовавшей одинаково сильно и либеральную и консервативную прессу, можно назвать положение диссидентов. Всего за исследуемый период в консервативном «Commentary» вышло 54 публикации, в которых упоминались диссиденты и 29 публикаций, в которых упоминался лидер диссидентского движения А.Д. Сахаров. В либеральном «Time» диссиденты упоминаются в 43 статьях, а А.Д. Сахаров – в 27 (см. Рисунок 5)

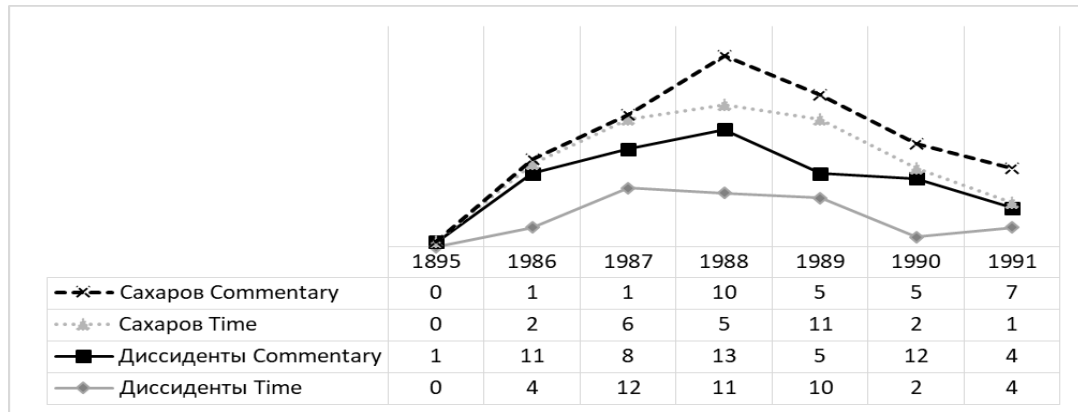

Рисунок 5. Публикации с упоминаниями А.Д. Сахарова и диссидентов в журналах «Time» и «Commentary» 1985-1991 гг.

В «Commentary» чаще всего писали о *«политических заключенных»* [289], об использовании психиатрии в политических целях [289], а также о правах человека. Отдельную важную тему составляло обсуждение вопросов карательной психиатрии, которую в консервативном «Commentary» определяли как *«психиатрический террор»*, *«психиатрические репрессии»* [269], *«инструмент политического угнетения»* [289], *«психиатрические злоупотребления»* и *«психиатрическое притеснение»* [289]. Также отмечалось, что психиатрическое насилие представляет собой одно из проявлений тоталитаризма [289], а диссиденты *«боролись за права человека в СССР со сверхчеловеческой решимостью»* [285].

Борьба диссидентов описывалась как сбор и распространение сведений о проблемах в Советском Союзе: нехватка продовольствия и голод заключенных в тюрьмах, изъятие детей «незарегистрированных верующих» из-под опеки родителей и др. [285]. Примечательно, что в либеральном «Time» характеристики более нейтральными, если не сказать осторожными. Так, издание, освещая проблемы диссидентов упоминало *«психиатрические лечебницы»* [336; 369; 429] аккуратно упоминая о *«фундаментальных недостатках в психиатрической практике»* [330]. Следует отметить, что положение диссидентов существенно улучшилось с приходом к власти М.С. Горбачёва. Это не могли отрицать даже в

редакции «Commentary», несмотря на весь антикоммунистический настрой издания.

При освещении проблем диссидентов в американской прессе прослеживается принципиальная разница подходов к выбору тематики. В «Commentary» делали упор на ужасы карательной психиатрии, лишь вскользь упоминая о нарушении прав человека, в то время как «Time» обращали на последний аспект самое пристальное внимание. Уже в 1985-1986 годах обозреватели «Time» писали: *«Советы должны изменить свои основные взгляды на вопросы безопасности и прав человека, если они хотят надеяться на достижение хотя бы «постепенных» соглашений с США»* [318], *«существенные изменения в советском отношении к правам человека» обозначались как принципиальная отправная точка для налаживания отношений сверхдержав»* [327].

Среди наиболее известных диссидентов, о которых писала американская пресса, следует выделить А.Д. Сахарова и А.Б. Щаранского. В «Commentary» обоим диссидентам уделялось примерно равное внимание, в то время как фокус внимания «Time» был сосредоточен на А.Д.Сахарове. Примечательно, что существенно отличается и тональность высказываний. В консервативном «Commentary» с 1985 по 1987 год пишут об А.Д. Сахарове, в первую очередь, при упоминании различного типа вооружения, например, при обсуждении нового типа ракет с независимыми боеголовками [287], обсуждении ракетной программы Советского Союза [252] или при упоминании, что порядка 40% валового национального дохода СССР направлено на военные нужды [259]. А.Д. Сахарова называют *«отцом водородной бомбы»* [252]. Позднее, уже в 1991 году открыто критикуют *«советского инженера»* [267] за его работу над ядерной программой. Подчеркивалось, что он *«использовал рабский труд как советский физик-атомщик»* [267] и даже проводили параллели между семьей Сахаровых и учеными нацистской Германии [267]. В либеральном «Time» образ А.Д.Сахарова кардинально отличается в лучшую сторону. Советского диссидента называли *«храбрым и упрямым»* [412], *«самым известным защитником прав человека в Советском Союзе»* [350; 413], *«выдающимся физиком-атомщиком, ставшим*

ведущим борцом за права человека в Советском Союзе» [412], сравнивали его с библейским пророком [353] и даже заявляли, что его популярность превосходит популярность Горбачёва [286]. В 1991 году его портрет поместили на обложку журнала и назвали «гигантом 20 века» [342].

Второй известный диссидент А.Б. Щаранский привлекал не так много внимания в либеральном издании. «Time» отмечает, что американский президент Д. Картер *«неоднократно давил на Советы с целью освобождения Щаранского»* [429]. Новость об обмене А.Б. Щаранского на нескольких советских шпионов мгновенно стала сенсацией [429]. «Time» аккуратно называл советского диссидента *«заметным и красноречивым представителем активистов по правам человека и еврейских отказников, которым было отказано в эмиграции из Советского Союза»* [429]. И его освобождение рассматривалось как надежда на улучшение отношений Советского Союза с США и Израилем [429]. В то же время в «Commentary» А.Б. Щаранского представляли как символ всего еврейского народа, величайшего мученика, одну из главных жертв советского режима, называли его *«всеобщим символом свободы, достоинства и самоуважения»* [249]. Процесс над А.Б.Щаранским сравнивали с делом Дрейфуса, которое всколыхнуло всю Европу в конце XIX века [249].

Следует отметить, что в американской прессе прослеживается достаточно тесная связь между такими темами, как притеснение евреев, диссидентское движение, карательная психиатрия, невозможность свободной эмиграции, нарушение прав человека и свободы слова [289]. Причем, в качестве основной причины сложившейся ситуации называли социально-экономическую слабость Советского Союза [249; 276; 289].

Анализируя материалы, можно прийти к выводу, что проблему евреев в СССР описывали с двух позиций. Первая – состояние диссидентского движения и условия содержания заключенных. Эти материалы содержали в себе большое количество устрашающих подробностей. Зачастую упоминались голодовки, запрет на переписку и получение литературы, психологическое давление, Гулаг, нехватка продовольствия, психологическое давление и карательная психиатрия.

Вторая позиция – описание собственно положения евреев в СССР. Большая часть проблем и сложностей упоминается вскользь, без достаточных статистических данных и обрисовывает, в большей части, сложности одной из национальных общин, с указанием, что с подобными проблемами так или иначе сталкиваются все этнические группы в Советском Союзе. Таким образом, читателям представляется двойственная, неоднозначная, картина. Причем, нельзя сказать, что позиция консервативного издания гораздо жестче, как это прослеживается в других вопросах.

Авария на Чернобыльской АЭС. Среди тем, не имевших высокочастотного выражения, но, все же оказавших существенное влияние на образ Советской России за рубежом, следует отметить аварию на Чернобыльской АЭС. Необходимо отметить, что данная проблема волновала больше журналистов «Time» - за исследуемый период в этом издании вышло 14 публикаций, из которых 5 – непосредственно в год аварии. В то время как «Commentary» не уделил должного внимания трагедии. За исследуемый период в «Commentary» появилось только 5 статей, в которых упоминалась авария. Причем, в 1986 году – только одна и авария на ЧАЭС не являлась центральной темой публикации [260].

Ни один из материалов «Commentary», в котором упоминается авария на Чернобыльской АЭС, не представляет целостного описания события, не даёт аудитории понимания произошедшего. Журнал не стремился предоставить аналитический комментарий одному из знаковых событий XX века. А все упоминания являются аргументами к позициям о слабости экономической и социальной системы СССР, агрессивной закрытости ее лидера, а также исподволь намекают на страх, который испытывают европейцы от соседства с такой опасной зоной. Однако, ни у одного из этих пунктов нет достаточной аргументации, что может свидетельствовать, в большей степени, о популистских приемах и недостаточной информированности по данному вопросу.

В то же время либеральная «Time» уделила проблеме «Чернобыля» гораздо больше внимания. Всего за исследуемый период в журнале вышло 12 публикаций, в которых упоминалась трагедия на атомной электростанции. Из них 5 статей – в

1986 году. Первые публикации пропитаны беспокойством. Как и другие материалы «Time», они эмоциональны, изобилуют подробностями и цитатами «с места события». Сама авария произошла 26 апреля 1986 года, но первый материал на страницах «Time» вышел только через две недели – 12 мая. Причем, редакция журнала сочла событие настолько важным, что посвятила ему обложку: зловещий черный фон с фотографией Чернобыльской АЭС и одно единственное слово: «*Катастрофа*» [385]. Фокус первых публикаций был сосредоточен на нежелании Советского правительства распространяться о подробностях катастрофы, об описании паники на Западе и нервозности в СССР. Причем замалчивание определялось как «часть укоренившейся национальной черты»: «*В Советском Союзе существует традиционный страх и беспокойство по поводу паники*» [332], поскольку, по мнению редакции, именно страх и паника вызвали революции 1905 и 1917 года в России. И именно этого, по мнению американцев, больше всего боится советское правительство. Отсутствие достоверной информации плодило слухи и домыслы, негативно влияя на образ СССР.

Примечательно, что в большинстве публикаций, посвященных аварии на Чернобыльской АЭС, отмечается, что советские политики настаивают, что Чернобыль представляет собой наглядную иллюстрацию опасности ядерной войны [331; 335; 408]. Однако, эта тема не развивается и прослеживается исключительно тезисно.

Советский Союз как «империя зла». В 1983 году Р. Рейган в одном из своих выступлений назвал СССР «*Империей зла*» [343]. Это определение сразу обрело популярность и было растиражировано не только американской, но и советской прессой. Оно использовалось, в том числе, и в пропагандистском ключе. Однако, в период с 1985 по 1991 года, к этому клише почти не прибегали. В либеральном «Time» за весь исследуемый период упоминание СССР как «империи зла» встречается всего 13 раз, а в консервативном «Commentary» – 20 раз, что достаточно мало в рамках изученных материалов. В «Time» отмечали, что «*Советский Союз является не только империей зла, но и империей в*

упадке» [426], подчеркивая, что «коммунистическая система выглядит банкротом, как морально, так и экономически» [426].

Любопытен тот факт, что высказывание Р. Рейгана либеральный «Time» объясняет слабость американского политика, «собственным чувством тревожной военной слабости США и необходимостью продемонстрировать решимость» [407], стремясь, таким образом, если не отказаться от подобной трактовки, то, как минимум, смягчить её. Сравнение Советского Союза с «империей зла» имеет на страницах либерального издания, в большей степени, отсылки к истории – указания, что Советы были такими раньше, но обстановка изменилась [349; 423]. И даже Р. Рейган признавал, что СССР не является больше «империей зла». В одном из интервью он подчеркивал: «Нет, я говорил о другом времени, другой эпохе» [423].

В консервативном «Commentary» прослеживались сожаления, что Р. Рейган не возобновил идеологическую войну с Советским Союзом, остановившись лишь на громкой декларации СССР «империей зла» [253]. Однако, многие авторы «Commentary» отмечали, что один из главных показателей ««хорошего» президентства» [277] – это и было ослабление советской «Империи зла» и ее трансформация [261; 275; 277; 284]. Вместе с тем, ряд авторов, поддерживающих основное консервативное направление издания, все же критиковали позицию Р. Рейгана и подчеркивают, что «вера в “злую империю”» представляла собой попытку актуализировать метафизическое восприятие холодной войны, поскольку «Рейган был человеком мифов, фантазий и иллюзий» [282]. Таким образом, характеристика, которая в России тиражируется как одно из наиболее агрессивных антисоветских и антикоммунистических высказываний в американской прессе в большей степени соотносится с личностью Р. Рейгана и его внешней политикой, а не с Советским Союзом как таковым.

Следует отметить, что несмотря на большое количество противоречий между сверхдержавами, американская пресса все же стремилась сдерживать яркие замечания. Так, по мнению корреспондентов «Time» наибольшую проблему представляла закрытость Советского Союза. Это выражалось не только в

политике и освещении таких проблемных вопросов, как замалчивание сведений о катастрофе на Чернобыльской АЭС [334; 335], но и в самых бытовых вопросах, например, в отсутствии путеводителей по Москве и СССР для иностранцев [373; 376].

Так, например, в 1985 году в издании отмечали: «Только после долгих приступов бесплодного всматривания снова понимаешь, что пристальное изучение советского лидера — это пристальное изучение советского государства, а государство — это памятник непроницаемости» [400]. Возможно, именно поэтому с большим недоверием в США отнеслись к политике открытости и гласности на первых ее этапах, подспудно ожидая, что это лишь политическая уловка, призванная смягчить позиции Запада и выманить определенные экономические преференции.

Вместе с тем, под влиянием гласности Советский Союз становился все более открыт по отношению к западному миру. На первых порах это вызвало недоверие и подозрение в политических манипуляциях, однако позднее акцент сместился на позитивные образы и трактовки.

2.3. Динамика изменения образов ключевых политических фигур : М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина

Период перестройки, революционной неопределённости и распада СССР тесно связывают с двумя политическими фигурами – М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина. Американскую прессу привлекали советские политические лидеры. Причиной тому были как объективные: формирование повестки дня, реакция на резонансные выступления и высказывания; так и субъективные: попытки реализации мессианских стереотипов и специфика самой американской прессы, предлагающие материалы в формате «стори».

М.С. Горбачёва можно назвать одним из самых нетипичных советских лидеров. Его называли реформатором и *«любимцем западной общественности»* [96, С. 45]. Генеральный секретарь ЦК КПСС, с которым, по признанию зарубежной прессы, *«можно иметь дело»* [75, С. 108; 204; 337]. Его часто называли выдающимся политическим деятелем, изменившим ход истории [173]. Однако, следует учитывать, что его образ не был однозначным и стабильным. В зарубежной историографии существует три подхода к трактовкам политики М.С. Горбачёва [97, С. 272]. Республиканцы Дж. Мэтлок, Р.Г. Кайзер, Дж.А. Бейкер и демократы Э. Картер и Р. Гартхофф, а также их последователи, считали, что он был сильным политиком, а его реформы имели одну единственную цель – консолидация и удержание власти [220, С. 656]. Республиканец Г. Киссинджер, а также британские исследователи П. Клэвин и Э. Бриггс, считали, что М.С. Горбачёв был демократом и реформатором, который не смог контролировать запущенные реформы и, в конечном итоге, сам стал их жертвой. По мнению демократа З. Бжезинского и британских историков Дж. Хоскинга и Р. Саквы, М.С. Горбачёв был жертвой партийных противоречий, *«подлинным реформатором»* [97, С. 272], которому не хватило времени, чтобы довести реформы до логического конца.

Важно учитывать, что все историки и политики, рассматривавшие личность М. С. Горбачёва, обращали пристальное внимание на его роль реформатора. Характеристики реализуемых изменений и причин, которые сподвигли на них советского политика, в различных трактовках различались, но важность производимых изменений не вызвала никаких сомнений. Как отмечал Дж.Л. Гэддис, М.С. Горбачёв представлял собой совершенно нетипичного советского политика – революционера, который был *«породой, невиданной в России десятилетиями»* [190, С. 126]. По его мнению, было *«совершенно невероятным»*, что режим, *«лишенный способности к инновациям, самооценке или даже минимально эффективным связям с общественностью»* [190, С. 126] смог *«внезапно создать лидера, который преуспел во всех этих качествах»* [190, С. 127]. Эта характеристика во многом типична для американского общественного мнения. В дихотомии «свой-чужой» М.С. Горбачёв занимал позицию «своего», его личность противопоставлялась советскому застою. Ключевой характеристикой политика можно считать «реформатор», несмотря на то, что характеристики его политических и экономических преобразований были достаточно неоднозначными. На протяжении всего исследуемого периода М.С. Горбачёв привлекал внимание американских журналистов (см. Рисунок 6).

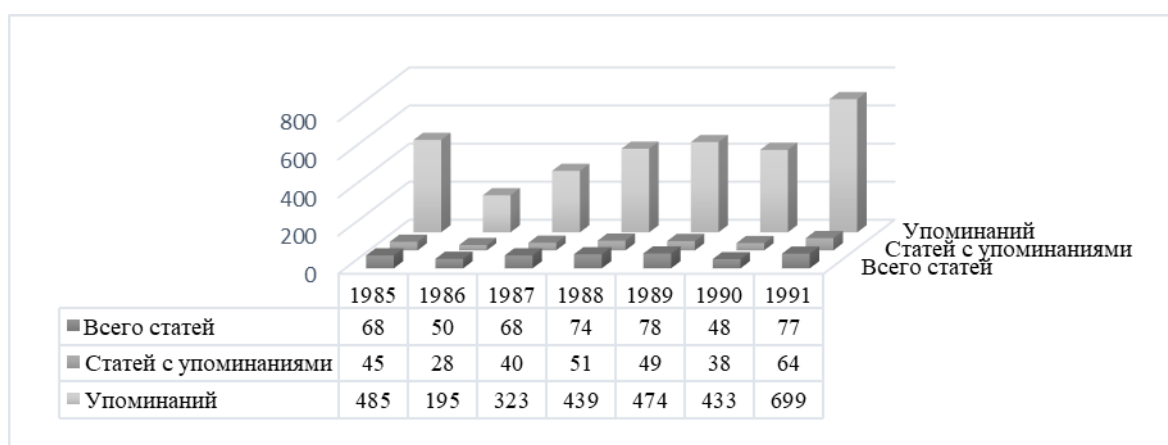

Рисунок 6. Упоминания М.С. Горбачёва в журнале «Time» 1985-1991 гг.

Образ М.С. Горбачёва в американской прессе был достаточно неоднородным и варьировался в зависимости от событий на международной арене. Следует отметить, что в 1985 году М.С. Горбачёв не стал новой политической фигурой для американцев, в отличие от Б.Н. Ельцина. Впервые о М.С. Горбачёве заговорили в 1982 году как о возможном противнике Ю.В. Андропова [310].

Частотность упоминаний М.С. Горбачёва в журналах «Time» и «Commentary» несколько отличается. Так, в либеральном «Time» советского лидера упоминают 3048 раз в 315 публикациях, а в консервативном «Commentary» – 897 упоминаний на 62 публикации. Чаще всего советского лидера упоминали в контексте «реформ», отмечали его власть и влияние (*power*). Также подчеркивалось, что советский лидер значительно моложе своих предшественников и обладает особым «новым мышлением», начинает «новую эру» в советской политике.

Образ М.С. Горбачёва в либеральном «Time» представлен в рамках трёх основных направлений: описаний его личности, трактовок внешней и внутренней политики (см. Рисунок 7)

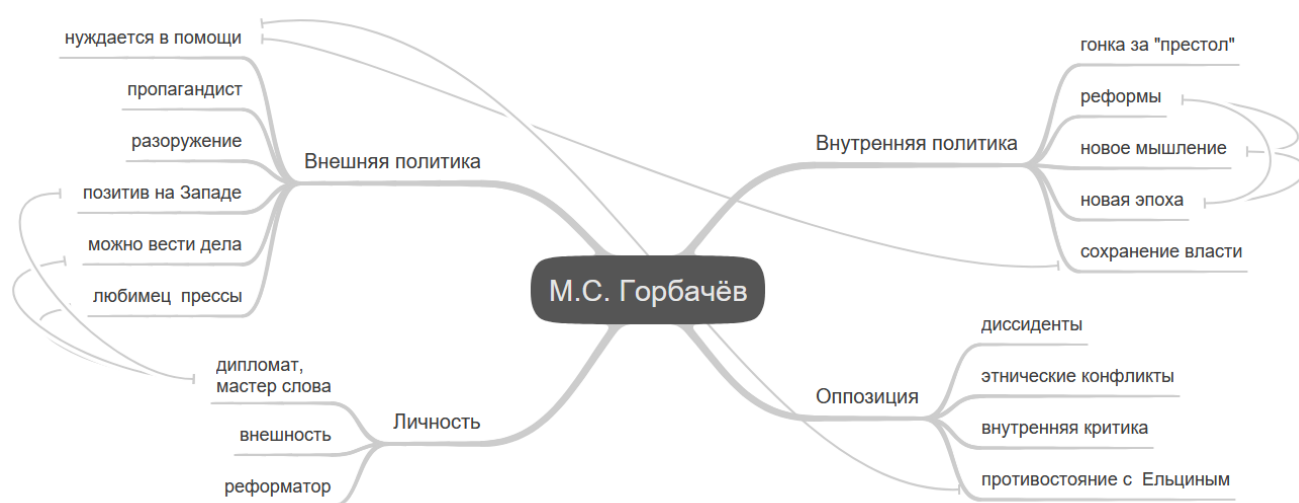

Рисунок 7. Диаграмма связей тем публикаций, посвященных М.С. Горбачёву в журнале «Time» в 1985-1991 гг.

В начале 1985 года журналисты «Time» уделяли большое внимание вопросам внутренней политики в СССР. Их волновало, кто станет новым Генеральным секретарём ЦК КПСС. М.С. Горбачёва рассматривали как *«фаворита в будущей гонке за престол»* [370], *«вероятного лидера»* и *«протезе Андропова»* [402], отмечали, что у него есть все шансы занять пост Генерального секретаря ЦК КПСС после смерти Черненко. Уже в январе 1985 года отмечался политический вес М.С. Горбачёва, который по мнению либеральных журналистов, *«был де-факто номером два в Москве»* [410] и *«прямым наследником руководства»* [402]. Однако, следует отметить, что абсолютной уверенности в таких прогнозах у американцев не было. Февраль 1985 года можно назвать пиком неопределенности по поводу кадровых перестановок в СССР. Редакция «Time», стремясь предоставить максимально развернутую картину, с одной стороны, транслировала идею, что М.С. Горбачёв по неизвестным для них причинам выбыл из политической гонки. Эту информацию преподносили, ссылаясь на данные румынской разведки, в «Time» транслировали достаточно категоричное мнение, что *«Горбачёв не может претендовать на высший пост в Кремле»* [402]. В то же время, опираясь на данные британской газеты «Sunday Times», высказывалось предположение, что *«Горбачёв по-прежнему является вероятным преемником [Черненко]»* [402]. Причем, в погоне за сенсацией, журналисты «Time» не гнушались транслировать слухи. Например, обсуждая позицию М.С. Горбачёва в советской предвыборной гонке, они даже говорили о некоем мифическом завещании Д.Ф. Устинова, министра обороны СССР, согласно которому именно Горбачёв должен стать следующим генеральным секретарём партии [402].

Образ М.С. Горбачёва в американской прессе нельзя назвать однозначным. Пожалуй, ключевыми элементами описания его личности в либеральном «Time» можно назвать *«новый»* [365; 400], *«молодой»* [351; 365; 426] *«приветливый»* [351], *«хладнокровный»* [351], *«вдумчивый»* [351] и, вместе с тем, *«резкий»* [351], *«впечатляющий и энергичный»* [401], *«твердый, но не лишенный гибкости»* [401].

Важное внимание авторы «Time» уделяли *описанию личности* М.С. Горбачёва. Пожалуй, именно на этом вопросе и на прогнозах по поводу вектора будущей политики СССР строится большая часть публикаций, посвященных М.С. Горбачёву в 1985 году. На протяжении всего исследуемого периода журналисты либерального издания часто прибегали к описанию внешности и характера советского лидера, часто говорили о том, что он реформатор и дипломат.

В американской прессе подчеркивали, что у советского лидера *«есть характер»*: *«то, что он образован и вежлив, не означает, что он мягок»* [400], *«Он знает, чего хочет. Он тверд, но не лишен гибкости и тонкости»* [401]. Журналисты «Time» писали, что М.С. Горбачёв выглядит *«хладнокровным, вдумчивым человеком, вполне способным на стальной ответный удар»* [351]. Отмечалось, что он прекрасно владеет собой и *«способен скрывать свои чувства, когда того требует случай»* [351]. Его называли *«амбициозным»* [351], *«азартным игроком»* [420]. Журналисты неоднократно упоминали его феноменальное *«политическое чутье»* [401] и *«проницательность»* [414]. Отмечалась его *«склонность к быстрым и решительным действиям»* [307]. Его имидж в политике складывался из следующих определений: *«утончен и быстр»* [304], *«ненавидит конфронтацию»* [304] и предпочитает компромиссы [339; 395], *«опытным мастером тонкого балансирования»* [321]. Его неоднократно называли *«отец»* и *«творец»* перестройки и гласности [388].

Складывающийся образ нельзя назвать однозначно позитивным, однако, следует признать, что все эти качества: энергичность, упорство, амбициозность, обаяние и характер, во многом совпадают со стереотипами успешного человека в Америке. Возможно, именно эти качества, вкупе с открытостью и умением общаться с прессой, сделали фигуру М.С. Горбачёва столь популярной на Западе. Уже к концу 1985 года о нём восторгом писали: *«советский лидер, который сочетает в себе беспрецедентную степень обаяния и тонкости с более традиционными характеристиками настойчивости, дисциплины и потрясающей вежливости»* [422].

Позитивные изменения связывали с феноменом *«нового мышления»* [344; 364; 424], которое характеризовала постепенные изменения в политике партии [364] и вызывала у американцев надежду на позитивный курс в международной политике [424]. Политику М.С. Горбачёва называли *«революцией»* [364]. Об этом периоде в «Time» писали: *«блеск и динамизм эпохи Горбачёва»* [348] и возлагали на него большие надежды. Новое видение международного миропорядка, «новое мышление» заключалось в отказе от идей холодной войны и реализации концепции *«общей безопасности»* [346]. И в этом движении американцы видели *«потенциал для драматических перемен»* [427]. Журналисты «Time» находились под впечатлением от изменений во внутренней политике СССР. Они писали: М.С. Горбачёв *«творит историю»* [381], *«сломав хребет кумовству на высоком уровне»* [381], *«времена изменились»* [380], *«изменения, которые уже ввел Горбачёв, были бы немыслимы всего год назад»* [381]. Эта идея стала ключевой при описании исследуемого периода. Несмотря на критику и сомнения в успешности реформ в 1990-1991 годах, американцы были уверены, что М.С. Горбачёв *«занял свое место в истории как катализатор новой европейской реальности»* [397]. Основными аргументами в критике было то, что он *«слишком много говорит и не выполняет свои решения»* [386], *«неправильно проводит реформы и отчаянно пытается удержаться у власти»* [421], *«импровизирует без какого-либо плана, <...> потерял контроль над событиями и толком не понимает, что делает»* [421; 386], что ему *«не удалось проявить решительность и последовательность в реализации планов реформ»* [394], *«добиться хотя бы малейшего улучшения уровня жизни»* [396], что он *«уступил жесткому давлению»* [356]. Отмечалось, что медленное продвижение реформ привело к тому, что люди потеряли веру в М.С. Горбачёва [301].

Однако, на фоне общего воодушевления прослеживались и ноты сомнения. Авторы «Time» призывали не торопиться с выводами, поскольку первое впечатление вполне может оказаться ложным [358]. Они с сомнением отмечали, что *«новое не обязательно лучше»*, что *«новые речи обозначают новые способы*

мышления», а *«Календарный возраст не обязательно соответствует политическим взглядам»* [358], имея ввиду, что возраст советского лидера не является гарантией новых взглядов на сложившуюся советскую доктрину. Высказывалось опасение, что М.С. Горбачёв *«может оказаться чрезвычайно талантливым аппаратчиком, но лишенным широты взглядов на проведение далеко идущих внутренних реформ или переоценку отношений Советского Союза за рубежом»* [358].

В некоторой мере эти опасения оправдались в 1986 году, когда обсуждение вопросов разоружения зашло в тупик [315]. Описывая ход переговоров, корреспонденты «Time» называли М.С. Горбачёва *«жестким»* [380], и *«непреклонным»* [425]. Отмечали, что *«за его аурой обаяния скрывается твердый прагматик и твердый противник США»* [380], который *«продемонстрировал склонность к беспощадным запугиваниям, напоминая Никиту Хрущева»* [380]. Именно в этот период появляются замечания о том, что советский лидер *«великолепный пропагандист»* [422], и что несмотря на всю его *«утонченность и самоуверенность, в его политике проявляется «знакомая черта советской паранойи»* [422]. Его выступления сравнивали с *«пропагандистским блицем»* и *«дипломатией кнута и пряника»* [422].

Однако, это был скорее краткий негативный эпизод в череде позитивных описаний. В целом, отношение к М.С. Горбачёву на внешнеполитической арене было очень позитивным. В либеральном издании отмечали, что *«Единственные интересные политические шаги в мире сейчас делает Горбачёв»* [422], что *«Непрекращающееся дипломатическое наступление Москвы вызывает интерес на Западе»* [336], а опыт советских реформ *«изменит мир к концу века»* [414].

Следует отметить, что, начиная с 1989 года, на фоне волнений в СССР фокус внимания американской прессы переместился на внутреннюю политику Советского Союза. Достаточно быстро в американском медийном пространстве М.С. Горбачёв превратился из энергичного харизматичного политика в угрожаемую персону [387]. Журналисты «Time» писали: *«если Горбачёву не помочь, он падёт»* [314] и это падение *«может вызвать такую нестабильность*

*внутри Советского Союза и за его пределами, что это будет почти так же катастрофично для США, как и для СССР» [314]. В связи с чем помощь советскому лидеру рассматривалась, как необходимое действие. В 1989 году на страницах либерального журнала начали появляться мрачные прогнозы. Американцы писали, что «*время Горбачёва истекает [341], что он прибыл на Запад «с просьбой о помощи» [387]. Эти просьбы о вмешательстве во внутренние дела СССР воспринимались достаточно неоднозначно. Одни авторы считали, что «Горбачёв заслуживает помощи и совета, а не презрения» [387], другие трактовали такие действия, как «окончание идеологической изоляции Советского Союза» [387] и позитивные изменения в советском менталитете [423].**

Примечательно, что авторы «Time», обсуждая политику нового советского лидера в 1988 году, очень проницательно выявили краеугольный камень в основании холодной войны. У. Исаксон отметил, что М.С. Горбачёв может стать «*выдающейся мировой фигурой конца 20-го века» [343], но для этого он должен не только и не столько добиваться урегулирования проблем на международной арене, сколько реформировать Советский Союз. Как верно отметил американский журналист, «Холодная война существует не из-за отсутствия взаимопонимания между США и СССР; оно существует потому, что они слишком хорошо понимают друг друга. Американцев фундаментально отталкивает характер советской системы: ее репрессии, государственный контроль и экспансионистские тенденции» [343].*

Важным средством формирования образа политика в прессе можно считать иллюстрации. В период с января 1985 по декабрь 1991 года М. С. Горбачёв появлялся на *обложках журнала «Time»* 13 раз (см. Приложение 5). Чаще всего это были портретные снимки или работы художников, но также встречались и изображения с американскими политиками (декабрь 1985, июнь и декабрь 1988, декабрь 1989). В период с 1985 по 1989 годы М.С. Горбачёв на иллюстрациях представлялся нейтрально или позитивно. Однако, с января 1990 года наметилась тенденция на изображение советского лидера, как агрессивного и недовольного оратора (см. Рисунок 8)

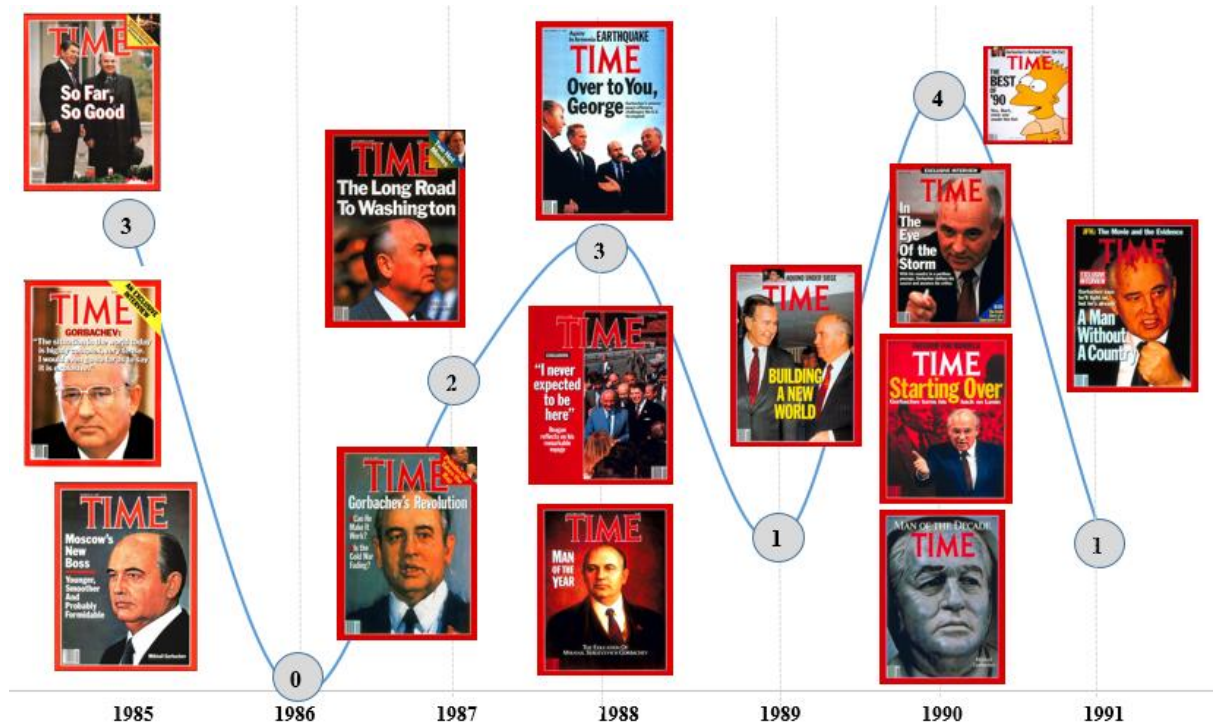

Рисунок 8. Изображение М.С. Горбачёва на обложках «Time» 1985-1991 гг.

На этих иллюстрациях четко прослеживаются изменения в отношении американских журналистов к образу советского политика. Относительно нейтрального в 1985-1987 гг. к очень позитивному в 1988-1989 гг. и к агрессивному в 1990-1991 гг. Примечательно, что в периоды максимального потепления отношений на международной арене, М.С. Горбачёв изображается в компании американских лидеров, а при создании агрессивных образов используются советские символы и образ В.И. Ленина.

Образ М.С.Горбачёва в консервативном «Commentary» был представлен в контексте пяти основных направлений (см. Рисунок 9). Первое – описание роли советского лидера в рамках его действий на внешнеполитической арене. Второе – описание внутренней политики СССР и влияния на нее М.С. Горбачёва. Третье – реформы, которые воплощал советский лидер. Четвертое – его взаимоотношения с интеллектуалами. Пятое – пристальное изучение личности самого политика в различных аспектах и контекстах.

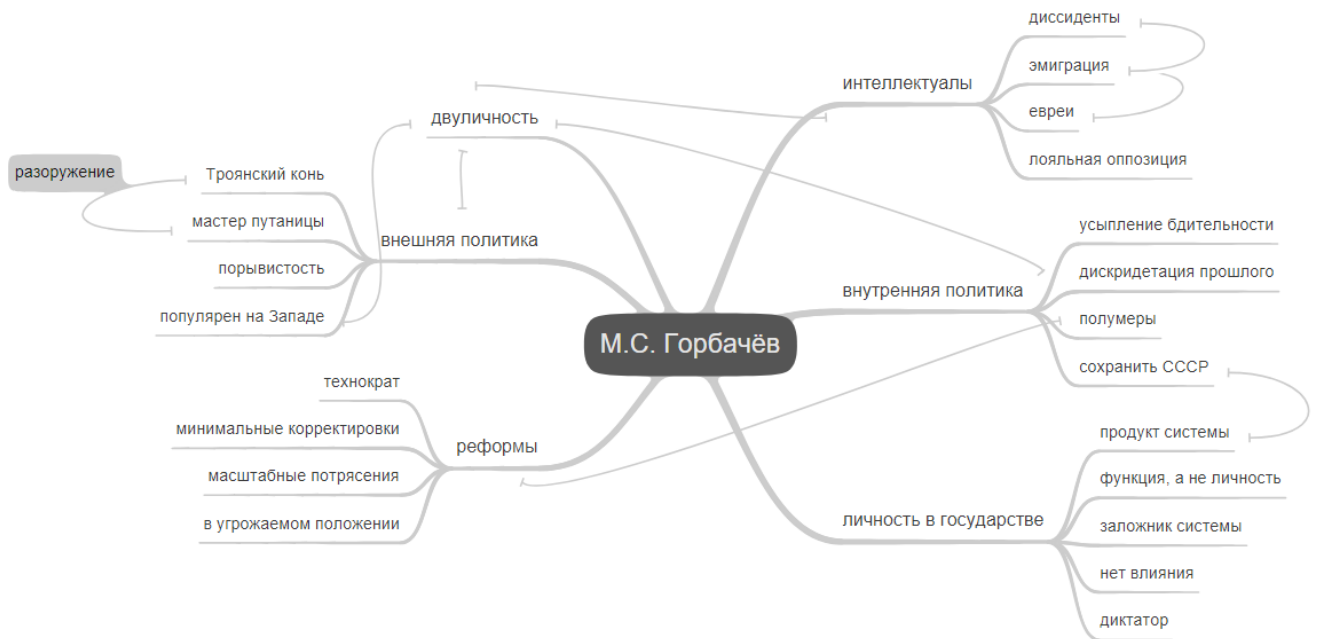

Рисунок 9. Диаграмма связей тем публикаций, посвященных М.С. Горбачёву в журнале «Commentary» 1985-1991 гг.

В рамках описания *внешней политики* СССР и роли М.С. Горбачёва, в «Commentary» можно выделить четыре ключевых характеристики: высокий уровень популярности на Западе, импульсивность и порывистость при принятии решений, непрозрачность действий, отношение как к «Троянскому коню» [299] в рамках вопросов по разоружению.

Обозреватели консервативного издания отмечали, что советский лидер «специализируется на провоцировании путаницы» [276], а его стратегия по отношению к Западу «неоднозначная», имеющая несколько целей [276] и его основная задача – «держать западных наблюдателей в догадках» [276]. Отмечалось, что он обладает «поразительным макиавеллиевским обаянием» [295] и «стремится добиться своего соблазнением» [295] там, где другие политики до него действовали угрозами. В вопросах реализации международной политики отмечалось, что М.С. Горбачёв обладает «большой тактической тонкостью» [272], нежели его предшественники. Что он «активный, даже смелый, во внешней политике» [251]. При этом авторы консервативного журнала

писали о том, что действия советского политика на международной арене, особенно в вопросах разоружения.

Отношение к личности М.С. Горбачёва, как человека и политика, на страницах «Commentary» нельзя назвать однозначным. Его называли «самым популярным человеком в Европе» [266]. Отмечали, что «великая фигура, Михаил Горбачёв, создал совершенно новую историческую реальность» [283], а американских обывателей захватывает «волна эйфории» [265] при обсуждении этого «человека десятилетия» [265] (имеется в виду «титул», присужденный М.С. Горбачёву журналом «Time»). Однако, наряду с этими высказываниями присутствовала позиция, что М.С. Горбачёв представляет собой продукт системы и действует в предписанных рамках: «ничто в его предыдущей карьере не указывало бы на то, что он чем-то отличался от так называемой «старой гвардии», которая его действительно вырастила, обучила и продвинула» [254].

Анализируя внешнюю политику М.С. Горбачёва, обозреватели «Commentary» не только справедливо признавали, что «он заботится о собственных интересах, поскольку имеет на это право» [294], они выявляли один из ключевых стереотипов, которые серьезно влияли на восприятие Советской России и ее лидеров за рубежом. Ж.Ф. Ревель подчеркивал: «Наша ошибка заключается в том, что мы считаем, что он также несет ответственность и за наши интересы» [294]. Пожалуй, в эту идею можно включить краеугольный камень проблем между США и СССР. Влияние этой концепции прослеживается и в идее мессианства американцев, и в вопросах идеологического противостояния коммунистической и демократической системы.

Достаточно часто на страницах «Commentary» встречаются рассуждения о том, что же представляет из себя *личность М.С. Горбачёва*. Наиболее часто высказывались позиции, что он не просто продукт системы [254], но и ее заложник, человек, который не может противостоять советской бюрократической машине. Достаточно часто встречается мнение, что советский лидер не имеет реального влияния [280], не контролирует Политбюро [262], не имеет выбора при принятии решений [255; 274, 293], что он заложник

коммунистической системы и представляет собой скорее политическую функцию [255], нежели личность с собственным весом и влиянием.

Следует отметить, что несмотря на антисоветские настроения в «Commentary» и активную критику политических решений М.С. Горбачёва, авторы консервативного издания признавали положительные качества советского лидера. Американцы писали, что *«это лучшее из того, что есть у Советов»* [259], что *«молодой и активный»* [264] политик – *«самый умный советский лидер со времен Сталина — ближайший эквивалент Киссинджера, когда-либо созданным Кремлем»* [270]. Подчеркивали его *«способность к риску и смелым маневрам»* [270]. Признавая популярность М.С. Горбачёва на Западе, обозреватели отмечали, что его считают *«более честным, более талантливым и более смелым, чем его предшественники»* [297]. Отмечалось, что американцы уверены, что советский политик *«на правильном пути, что хотя он не может изменить все сразу»* [297], но при поддержке Запада он сможет *«принести демократию и новую энергию Советскому Союзу и мир во всем мире»* [297].

Таким образом, в публикациях, посвященных М.С. Горбачёву, прослеживаются несколько основных стереотипов. Это идеи о том, что русские представляют собой родственный народ и незначительный толчок способен вернуть их на «верный», демократический, путь развития. Именно поэтому образ М.С. Горбачёва был так популярен в США. Он воплощал в себе типичные элементы американской мечты: молодость, открытость, амбициозность, энергичность, стремление к демократическим идеалам. По мнению американцев, демократические изменения в СССР были, в первую очередь, заслугой советского лидера. В этой концепции кроется второй стереотип – о серости и ведомости русского народа. В начале – угнетаемого и подавляемого, как мы это видим на примерах политики по отношению к диссидентам и интеллектуалам, а затем стремящегося к демократии. Экономические и политические проблемы в СССР актуализировали мессианский стереотип американцев. Он распространялся не только на жителей Советской России, но и на М.С. Горбачёва. Уверенность в исключительной правильности американского, демократического, пути была

ключевым аргументом, почему США обязаны оказать всяческую помощь советскому лидеру.

Становление образа Б.Н. Ельцина. Одной из характерных особенностей репрезентации образа Б.Н. Ельцина на страницах американской прессы, можно считать его неоднозначность и противоречивость. Следует отметить, что либеральный журнал «Time» уделял советскому политику гораздо больше внимания, нежели консервативный «Commentary». В период с 1985 по 1991 год личность Б.Н. Ельцина упоминается в «Commentary» всего 6 раз. Из них 4 публикации вышли в 1988 году и 2 в 1991 году. Причем, ни одна из этих статей, в том числе и в 1991 году, не была посвящена персонально Б.Н. Ельцину. В 1988 году Б.Н. Ельцин на страницах «Commentary» служил своего рода иллюстрацией о нарушении прав человека в СССР. Его изображают жертвой партийного произвола. Его отставка в октябре 1987 года с должности первого секретаря Московского горкома, после критики темпов перестройки, рассматривалась в американской прессе как попытка заглушить голос человека, беспокоящегося о судьбе простых советских граждан. Журналисты «Commentary» пишут: *«Посмотрите на бедного Бориса Ельцина, который выступил «публично»»* [250]. Его отставка характеризуется как *«Позорный способ, которым Борис Ельцин был осужден, вынужден «признать» ошибочность своего пути и уволен»* [251], неспособность партии адекватно реагировать на критику и сложности. Однако, следует отметить, что речь Б.Н. Ельцина на Пленуме ЦК КПСС в 1987 году, его критика темпов перестройки, указание на медленную и неэффективную реализацию реформ, а также постулирование развивающегося культа личности М.С. Горбачёва почти никак не освещается в «Commentary». Этот эпизод во внутренней политике СССР используют как иллюстрацию отсутствия гласности и свободной прессы в Советском Союзе [297]. Об этом пишет Н. Щаранский, активист по правам человека, председатель Исполнительного совета Еврейского агентства, бывший советский политзаключенный. Однако, в его материале данная проблема лишь небольшой эпизод во вступлении к статье, посвященной политике М.С. Горбачёва. Н. Щаранский отмечает, что речь Б.Н. Ельцина не была

опубликована в СССР, а это значит, что в стране отсутствует свободная пресса [297]. В конце 1988 года в «Commentary» отмечали, что Ельцин *«является единственным лидером, который проявил заметный интерес»* к простым людям и к *«их проблемам как таковым»* [285]. При этом подчеркивалось, что он был уволен с поста Московского комитета партии. Таким образом, проводилось разделение между общей массой партийных работников, советского руководства, и равнодушным политиком, заботящимся о чувствах и проблемах населения.

Спустя два года молчания, образ Б.Н. Ельцина вновь появился на страницах «Commentary» в 1991 году. Примечательно, что и в этот период его фигуру нельзя назвать центральной в публикациях консервативного издания. В феврале 1991 года о нем упоминают вскользь в материале, посвященном КГБ. Политик А. Кодевилья писал: *«Даже Борис Ельцин, избранный президент России»*, отказавшийся от поддержки и «протектората» КГБ, не может точно ответить, *«стоит ли КГБ у него на пути»* [258]. В следующий раз о Б.Н. Ельцине упоминали в сентябре 1991 года. В.К. Буковски в аналитическом материале, посвященном Августовскому путчу, называл советского политика *«настоящим демократическим оппозиционером»*, *«избранным президентом Российской Республики»*, который *«хорошо подготовлен к тому, чтобы возглавить процесс здоровой конфронтации с центральной властью»* [255]. В материале В.К. Буковски прослеживается идея, что Запад должен поддержать Б.Н. Ельцина и не должен настаивать на его *«примирении»* [255] с М.С. Горбачёвым, поскольку это противоречит интересам Советской России, поскольку любой компромисс с партией противоречит возможности реформирования СССР. Однако, следует отметить, что из всего объемного материала личности Б.Н. Ельцина и его роли в реформировании страны уделено всего пол абзаца.

Таким образом, опираясь на крайне малое количество публикаций в журнале «Commentary», можно выявить основные точки динамики образа Б.Н. Ельцина. На начальном этапе консервативное издание представляет его жертвой режима, осужденной за личное мнение, противоречащее курсу партии. Однако, этот образ скорее иллюстрация отсутствия свободы слова и

волеизъявления в СССР. Подтверждение, что Советский Союз продолжает решать проблемы силовыми методами, вместо того чтобы запускать реформы, в корне меняющие общество. Своего рода отказ от демократических идеалов, запрет свободы слова. Позднее Б.Н. Ельцин представляется как независимый лидер, оппозиционер, демократ, на которого возлагаются определенные американские надежды по реформированию Советской России. Но следует отметить, что упоминания советского лидера крайне скудны, эпизодичны. И уступают в статистических показателях упоминаниям Э.А. Шеварнадзе или Е.К. Лигачеву. Можно предположить, что консервативный «Commentary» не воспринимал Б.Н. Ельцина всерьез. Журналисты не считали его ни соратником М.С. Горбачёва, как, например, Э.А. Шеварнадзе, ни его противником, как Е.К. Лигачева.

В то же время на страницах «Time» личности Б.Н. Ельцина уделяется гораздо больше внимания. В период с 1985 по 1991 год в либеральном издании вышло в свет 68 публикаций, в которых упоминался Б.Н. Ельцин [34] (См. Рисунок 10).

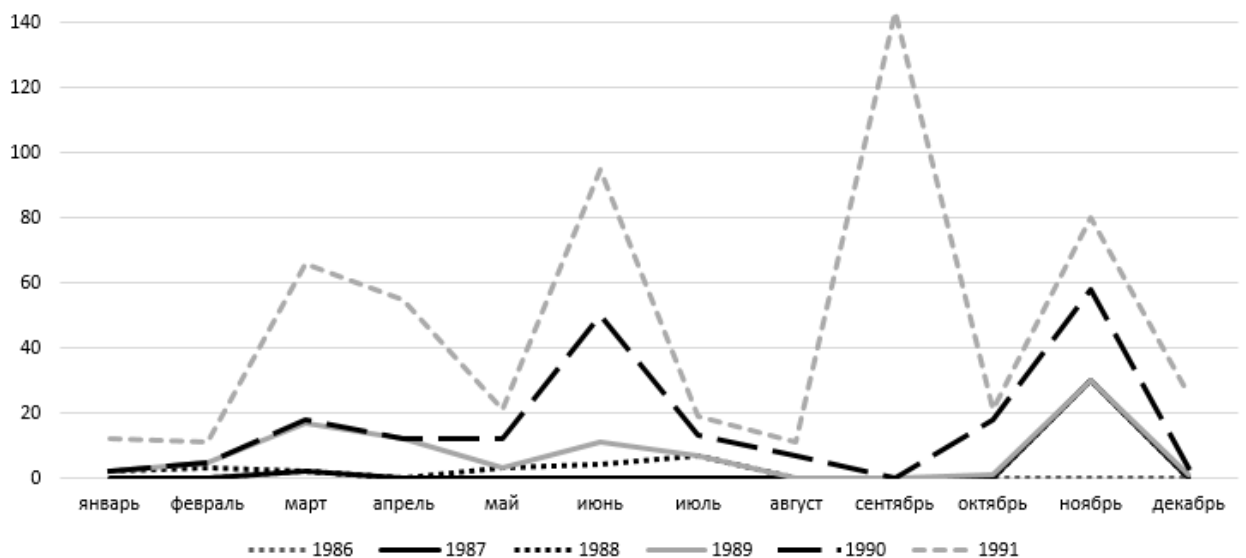

Рисунок 10. Частотность упоминаний Б.Н. Ельцина в журнале «Time» 1985-1991 гг.

Все упоминания Б.Н. Ельцина в журнале «Time» можно условно разделить на 4 категории: описания внешности политика, его личности, характеристика политических решений, взаимоотношения с М.С. Горбачёвым. Примечательно,

что до 1988 года Б.Н. Ельцин почти не привлекал внимания американских журналистов. Несмотря на его стремительный карьерный рост в 1985 году, назначение на должность главы отдела строительства ЦК КПСС в апреле и последующее избрание секретарём ЦК КПСС по вопросам строительства в июле, а также назначение на должность первого секретаря Московского городского комитета КПСС, Б.Н. Ельцин оставался «невидимым» для американских журналистов. Первое упоминание о советском политике на страницах «Time» датируется мартом 1986 года. В статье «Советский Союз Реформаторы прокладывают путь» корреспондент Ж. Муди пишет о «*Михаиле Горбачёве и его новом поколении*» [381]. В этом материале вскользь упоминается о 55 летнем политике, «*сменившем Гришина на посту московского партийного босса*» [381], который, также, как и «*жесткий администратор*» Н. Рыжков «*приехал из Сибири*» [381]. Ж.Муди отмечает, что Ельцин обращает внимание на жалобы населения и лично проверяет, как обстоят дела в проблемных сегментах: «*Когда Ельцин услышал ворчание о плохом автобусном сообщении в столице, он, как сообщается, сам проехался в переполненных автобусах*» [381]. Однако, это упоминание можно считать лишь короткой эмоциональной зарисовкой, описывающей «соратников» М.С. Горбачёва. Больше журналисты «Time» не возвращаются к этой теме, не освещают, были ли приняты какие-то действия, направленные на улучшение жизни москвичей. Более того, личность Б.Н. Ельцина выпадает из фокуса внимания либерального журнала. В следующий раз о политике пишут спустя полтора года, в ноябре 1987 [324; 405].

Интерес к личности Б.Н. Ельцина во многом коррелируется с информационными поводами, которые предлагала внутренняя политика СССР. Так, в ноябре 1987 года советскому политику посвящены 3 статьи. Именно в этот момент прослеживается первый скачок по частотности упоминаний Б.Н. Ельцина в американской прессе. Этот интерес связан с выступлением на Пленуме ЦК КПСС 21 октября 1987 года и активной критикой темпов перестройки. То, что Б.Н. Ельцин выявлял низкие темпы реализации политики экономической

реструктуризации, а также указывал на зарождение культа личности Горбачёва в советском обществе, с одной стороны, подхлестнуло интерес американской либеральной прессы, а с другой – привело к отставке политика с поста первого секретаря Московского городского комитета КПСС.

В следующий раз американская пресса обратила внимание на Б.Н. Ельцина в марте 1989 года. Именно в это время он был избран на пост народного депутата СССР в Москве. А в 1990 году о Б.Н. Ельцине писали после того, как его избрали Председателем Верховного совета РСФСР. Этот период называли *«возвращением из политических мертвецов»* [391]. Подчеркивая, что критика партии и ее лидера фактически похоронила карьеру политика и его возвращение в строй – событие из ряда вон выходящее.

Максимальное число упоминаний Б.Н. Ельцина, в разрезе по годам, приходится на последние годы существования Советского Союза – 83% от общего числа и составляет 109 раз на 10 статей для 1990 года и 362 раза на 38 статей в 1991 году [34, С. 159]. Более того, портреты Б.Н. Ельцина дважды появляются на обложках «Time»: в марте и сентябре 1991 года. Наибольшая частотность упоминаний Б.Н. Ельцина связана с его участием в Августовском путче. В сентябре 1991 в «Time» прослеживается феноменальный интерес к личности этого политика. Более 62% упоминаний за весь исследуемый период относится именно к данному временному отрезку. О Б.Н. Ельцине пишут в 38 публикациях (общее количество упоминаний – 143).

Фокус интереса американских журналистов при изображении Б.Н. Ельцина на страницах либерального «Time» направлен на описание внешности российского политика, описание его личности (психологический портрет), характеристика политических действий, а также описание специфики взаимоотношений с М.С. Горбачёвым. Первые три категории характерны для всех описаний политиков в «Time». Аналогичные тенденции прослеживаются и при описании образа М.С. Горбачёва.

При описании внешности Б.Н. Ельцина можно выделить достаточно противоречивые характеристики. О нем писали, как о *«коренастом»* [302],

«грузном» [304], «высоком» [303], с «жесткой осанкой» [303] и «низким медленным голосом» [303]. Отмечалось, что он обладает впечатляющей, массивной фигурой. В описаниях прослеживаются параллели со скалой: «его физическое присутствие никогда не перестает впечатлять» [303], он «нависает над слушателями и кафедрами, укрощая аудиторию» [303]. И, вместе с тем, Б.Н. Ельцина описывали как «харизматичного лидера» [317], «клубок мощной, медленно горящей энергии» [303]. Отдельное внимание журналисты «Time» обращали на умение политика управлять массами: «У него чутье прирожденного оратора, способного чувствовать настроение и потребности толпы и играть на этом» [303], «когда Ельцин начинает говорить, эффект не пугающий, а завораживающий» [303], «массы тянутся к нему» [305].

Характеристики, которыми Б. Н. Ельцина награждал журнал «Time», можно разделить на две группы: определения политических ролей и эмоций [34] (см. Рисунок 11).

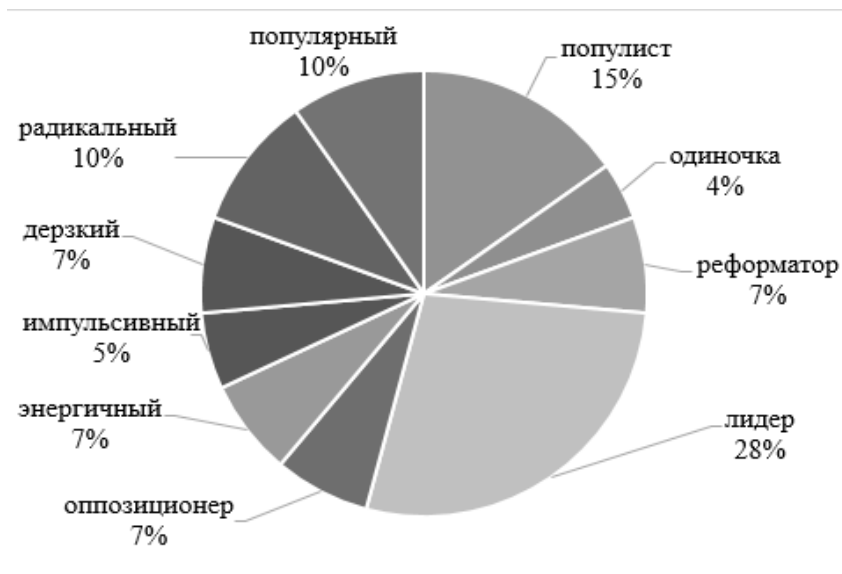

Рисунок 11. Характеристики Б. Н. Ельцина в журнале «Time» 1986-1991 гг.

Чаще всего для описания роль Б.Н. Ельцина на политической арене в «Time» прибегали к характеристикам «популярный» «популист», «одиночка», «реформатор», «лидер» и «оппозиционер». На уровне эмоций о нем чаще всего писали: «энергичный», «дерзкий», «импульсивный», «радикальный».

Описывая его деятельность, журналисты писали: *«энергичный руководитель-трудоголик»,* который *«не щадит ни себя, ни своих подчиненных»* [305]. По мнению авторов «Time», Б. Н. Ельцин *«закрепил за собой репутацию дерзкого индивидуалиста»* [389], стал *«символом протеста против диктаторской системы»* [317]. Журнал неоднократно подчеркивали популярность политика среди простого народа: *«Сочувствие Ельцина к простым людям — один из его самых замечательных политических даров»* [305]. Но, вместе с тем, отмечалось, что энергичность советского политика зачастую пугает и отталкивает народ: *«людей беспокоит его неустанная энергия, склонность работать на грани изнеможения, его отношение к политике как к смертельному бою»* [305].

Следует отметить, что все характеристики, относящиеся к личности Б. Н. Ельцина, использовались журналистами «Time» в период с марта 1990 сентябрь 1991 гг., в то время, как к теме его внешности чаще всего обращались в апреле и сентябре 1991 г., а политические действия описывались с равномерной частотностью на протяжении всего анализируемого периода [34].

Рассматривая образ Б.Н. Ельцина в диахроническом аспекте, можно отметить, что в разные периоды американские журналисты обращали внимание и фокусировались на различных качествах политика. В начале его политической карьеры, в 1986 году, при первых упоминаниях, его причисляют к группе *«реформаторов», «новому поколению Горбачёва»* [381]. Позднее, в 1987 году, его называют *«суперпродавцом перестройки»* [324] и *«единоличным агентом по защите прав потребителей»* [324].

К некоторым темам, таким как проверка качества товаров в магазинах или критика темпов строительства метрополитена и застройки Москвы, журналисты «Time» обращались неоднократно. Об этих проблемах и попытках Б.Н. Ельцина ускорить их разрешение писали в 1987, а затем и в 1991 году. В обоих случаях образ политика был крайне позитивным. Образ Б.Н. Ельцина в либеральном издании представлялся в качестве политика правдоруба, который близок к народу, активно и энергично высказывается по наболевшим вопросам и

привлекает к ним внимание партийной элиты без оглядки на собственное политическое положение. Так, в «Time» писали, что Б.Н. Ельцин *«ездил по городу на метро, что неслыханно для члена Политбюро, и ездил из дальних пригородов, чтобы проверить условия перевозки рабочих. Он даже врывался в мясные магазины, чтобы узнать, кто получает лучшие куски мяса. Эта шоковая тактика привела в восторг простых москвичей, но привела в ярость партию «мафия», старую сеть чиновников-распределителей и реальных гангстеров»* [305].

Однако, образ Б.Н. Ельцина был не идеальным. Американские журналисты писали, что у него порывистый, неуправляемый, характер: *«его грубый язык и показное поведение нажили ему врагов»* [324]. В многом, восторгаясь его напористостью и энергичностью, американцы критиковали советского политика за отсутствие гибкости и дипломатичности. Речь Б.Н. Ельцина, изобличающая зарождение культа личности Горбачёва и критикующую темпы перестройки характеризовали *«политически ошибочной»*, *«крайне запутанной и противоречивой»* [324], а его самого, в связи с этими высказываниями, *«политически незрелым»* [324], сравнивали с *«неуправляемой ракетой»* [324], подчеркивали, что *«люди стали возмущаться им как чужаком»* [324].

Позднее, в 1989 году Б.Н. Ельцина называли *«инакомыслящим»* [340], *«неугомонным»* [345], *«жестким»* [354] и *«радикальным»* [353] *«популистом»* [303; 353]. Но чаще всего его описывали как *«дерзкого»*.

Возвращение на политическую арену в 1990 году, вызвало прилив симпатий американских журналистов к советскому политику. О Б.Н. Ельцине писали: *«восстал из политических мертвецов»* [391], называли его *«самым популярным политиком в Советском Союзе»* [389] и *«гарантией того, что возврата к прошлому не будет»* [391]. Также отмечалась его *«приверженность к решительным мерам»* [433]. Его называли *«радикальным реформатором»* [433], отмечают, что он *«возглавляет вторую русскую революцию»* [317], которая может *«полностью изменить страну»* [317].

В 1991 году журналисты «Time» делают акцент на борьбе политика с официальным курсом Кремля [392]. На страницах журнала все чаще появляются такие эмоциональные характеристики как *«противник истеблишмента»* [434], *«ведущий реформатор»* [434], *«глава демократической оппозиции»* [356], *«поборник реформ»* [356; 357] и *«точка сплочения сил демократии в Советском Союзе»* [305].

Б. Н. Ельцина называют *«первой действительно популярной российской политической фигурой со времен большевистской революции»* [303], имея ввиду его популярность среди народа и, таким образом, противопоставляя М.С. Горбачёву, который имел большую популярность на международной арене, а не внутри страны. Начиная с февраля 1991 года, самой частой характеристикой Б. Н. Ельцина становится определение *«лидер»*, 38% от общего числа упоминаний, также в этот период выявляется высокая частотность у характеристик *«популист»* – 23%, *«оппозиционер»* – 19%, *«реформатор»* – 12%,

Начиная с июня 1991 года упоминания Б. Н. Ельцина в журнале «Time» носят явно восторженный характер. Они достигают пика в сентябре 1991 года в материалах, освещающих события Августовского путча. Б. Н. Ельцина называют *«одной из самых привлекательных и проблематичных политических фигур в эпоху Горбачёва»* [304], *«героем дня»* [432], *«грозной политической силой»* [304], *«восходящей звездой»* [304], *«гигантом»* [304], *«судьбой России»* [304], журналисты пишут о его *«впечатляющих личных и политических достижениях»* [304], основанных на *«избавлении от прошлого и использовании радикальных возможностей неопределенного настоящего»* [304]. На фоне этого эмоционального всплеска, восторгов в адрес *«республиканского лидера»* [320], теряется образ его главного противника – М. С. Горбачёва. И тем ироничнее выглядят публикации, вышедшие в свет чуть позднее, в ноябре 1991 года, в которых «Time» пишет о проблемах в *«постреволюционной России»* и метко подмечает, что *«Борис Ельцин начинает понимать, что значит быть Михаилом Горбачёвым»* [371]. Любопытен так же тот факт, что, называя Б.Н. Ельцина одной из самых значимых фигур, американские журналисты говорят «в эпоху

Горбачёва». Что, фактически ставит Главного секретаря ЦК КПСС на ступень выше: М.С. Горбачёв представляется, как человек создавший целую эпоху, а Б.Н. Ельцин – ее продолжение.

Следует отметить, что почти весь исследуемый период М. С. Горбачёв и Б. Н. Ельцин представляются как неустанное и ожесточенное соперничество. Пожалуй, только на заре карьеры, освещенной в «Time», в 1986 и 1987 годах, в трех публикациях, Б. Н. Ельцина называли «*близким соратником Горбачёва*» [405]. На первых этапах Б.Н. Ельцин описывался в либеральном издании как «*протеже Горбачёва*» [324], его «*близкий соратник*» [405] и «*союзник*» [333]. С 1988 года к этим определениям добавилось слово «*бывший*» [403]. В 1989 году Б. Н. Ельцина стали называть «*противником Горбачёва*» [359] и «*самым влиятельным критиком*» [359] лидера Советского Союза. К середине 1990 года политических лидеров называют «*общественными антагонистами и личными врагами*» [389], «*основными соперниками*» [368], которые объединяются ради общей экономической программы [368]. Взаимоотношения политиков описывают как «*неутихающее соперничество*» [368] и «*войну законов*» [316]. Подчеркивая ожесточенное противостояние, журнал цитирует М. С. Горбачёва, который называет Б. Н. Ельцина «*потрепанной старой грампластинкой*» [368], добавляя, что «*его потенциал как политического лидера невелик*» [368]. Начиная с февраля 1991 года их называют не иначе как «*заклятыми врагами*» [393], а наиболее частотными становятся определения Б. Н. Ельцина как «*главного*» [392] и «*заклятого*» [390] соперника М. С. Горбачёва. В материалах, посвященных анализу событий Августовского путча, когда поражение М. С. Горбачёва уже стало свершившимся фактом, ведущий корреспондент Д. Айкман задается пророческим вопросом: «*Если Горбачёва не будет, с каким противником Ельцин будет стремиться состязаться? Против советской бюрократии? Против Джорджа Буша? Или, как новоявленный Петр Великий, против непокорного, политически неискушенного русского народа?*» [304]. Во многом этот вопрос оказался пророческим и предугадал развитие нашей истории на годы вперед.

Говоря об образе Б.Н.Ельцина в американской прессе, нельзя обойти вниманием визуальный аспект. Наиболее яркие изображения, привлекающие интерес зарубежной общественности, были представлены обложками «Time». За весь период перестройки Б.Н. Ельцин появляется на них всего два раза, существенно уступая М.С. Горбачёву по популярности в данном плане. Оба номера «Time» с портретами Б.Н. Ельцина вышли в свет в 1991 году. Первый – в марте [306], второй – в сентябре [431] (См. Приложение 5). Следует отметить, что образы Б.Н. Ельцина, представленные на обложках кардинально различаются. В марте 1991 года «Time» представляет портрет советского политика крупным планом, в красно-оранжевых тонах. Снимок сделан во время выступления: Б.Н. Ельцин агрессивно вещает, лицо напряжено, от снимка исходит анегатив. Она подкрепляется заголовком «*Русский Вольнодумец*» (Russia's Maverick) [306]. Во вставке-комментарии отмечается: «*плохой парень в советской политике на этой неделе победил Горбачёва в решающем голосовании*» [306]. В результате синтеза изображения и текста американской аудитории представляется агрессивный политик-индивидуалист, диссидент, противостоящий официальному курсу партии и Генеральному секретарю ЦК КПСС. Причем, этот образ, несмотря на всю оппозиционность коммунистическому правительству, нельзя назвать позитивным.

Второе появление Б.Н. Ельцина на обложке «Time» было связано с Августовским путчем. И образ советского политика был гораздо позитивнее: улыбающийся советский политик на трибуне, размахивающий российским флагом и одной единственной надписью: «*Русская революция*» [374]. Данный номер можно считать спецвыпуском, посвященным «революции» в России, в котором события описываются крайне позитивно и эмоционально. Американские журналисты возлагают большие надежды на изменения в СССР и, во многом, связывают их с советским лидером.

Следует отметить, что образ Б.Н. Ельцина в период перестройки отличается тенденциозностью. Как правило, американские журналисты обращаются к нему в рамках информационных поводов. Многие материалы носят формат «стори». В

случаях репрезентации образа Б.Н. Ельцина нарратив строится в рамках литературной концепции. В обязательном порядке присутствует завязка, кульминация и развязка. В большинстве случаев в публикациях присутствует антагонист. На первых этапах этой ролью наделяют советское правительство, а на поздних, после 1989 года, ключевым антагонистом выступает М.С. Горбачёв. Можно предположить, что рост популярности Б.Н. Ельцина на страницах американской прессы связан с тем, что для публикаций журналистам был необходим «герой» – «свой», носитель стереотипов, рассматривающихся в позитивном ключе: защита слабых, стремление к демократии, открытость и эмоциональность, трудолюбивость и экспрессивность. Поскольку М.С. Горбачёв стремительно терял свою популярность (в связи с неудавшимися экономическими реформами и ростом социальных проблем в СССР), его место в американской прессе занял Б.Н. Ельцин.

Глава 3. Социальные изменения в Советской России в интерпретации американских СМИ

3.1. Гласность и перестройка в зеркале американских СМИ

Одним из ключевых понятий, формирующих политику Советского Союза в перестроечный период, можно считать «гласность» – политика максимальной информационной открытости. Она стала одним из основополагающих элементов либеральных реформ М.С. Горбачёва. Такой поворот в общественно-политической жизни СССР не мог остаться без внимания в американской прессе. Впрочем, как отмечает американский историк и политолог У. Лакер, в самом начале гласность была инструментом исключительно внутренней политики СССР и из нее «не делали всемирное шоу» [75, С. 108]. Первые упоминания о гласности в американской прессе появились в конце 1986 года [378]. В журнале «Time», при первых упоминаниях данного феномена, гласность определяли как «официально санкционированную открытость относительно недостатков и трудностей советского общества» [378]. В журнале «Commentary» на советский феномен гласности обратили внимание гораздо позднее (см. Рисунок 12). Первое упоминание появилось только в мае 1987 года [259]. Причем оно было единственным – американский политолог и экономист Н. Эбельстад отмечал, что последние десятилетия способствовали пониманию советской системы на Западе, в том числе и благодаря тактике советских пропагандистов, тщательно выстраиваемой с 60-х годов. По его мнению, «широко обсуждаемая политика гласности Горбачёва» [259] являла собой продолжением этой тактики.

Несмотря на тот факт, что гласность в отечественной историографии рассматривается как неотъемлемый элемент перестройки, в американской прессе

эти феномены рассматривались, как правило, по отдельности. В «Time» пересечение упоминаний составляет 11 статей, в «Commentary» – 7.

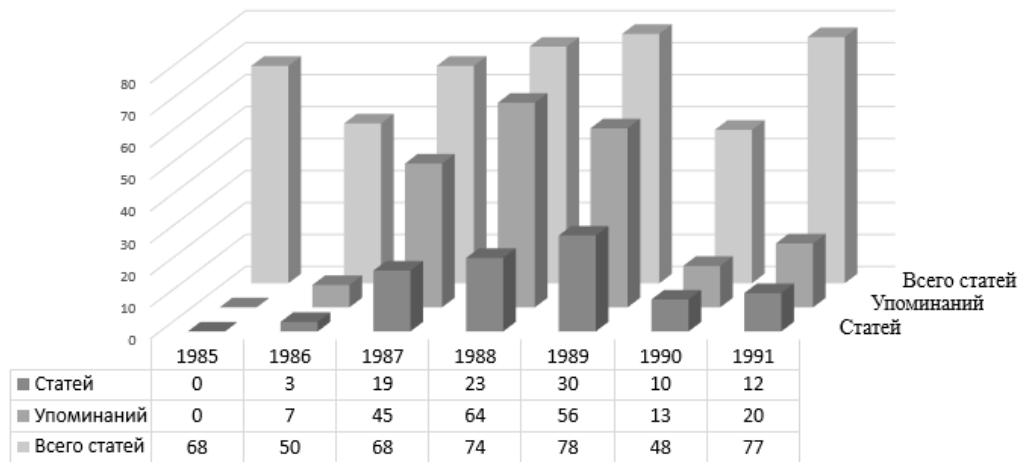

Рисунок 12. Упоминания «гласности» в журнале Time 1985-1991 гг.

Анализируя частотность упоминаний гласности в «Time» следует отметить, что существенный рост интереса прослеживается, начиная с 1987 года, пик приходится на 1988-1989 годы, а в «революционные» 1990-1991 годы проблеме гласности фактически не уделяют внимания. Примечательно, что американский либеральный журнал не писал об отмене цензуры в СССР в 1990 году, когда был введен новый закон «О печати и других средствах массовой информации», несмотря на то, что американцев волновал вопрос свободы прессы в Советской России.

Одна из основных характеристик гласности – «открытость» [309; 378] В либеральном «Time» вплоть до 1988 года в каждой публикации, упоминающей гласность, приводилось это пояснение в скобках: «glasnost (openness)» [409] или «glasnost, or openness» [411]. Примечательно, что сама суть реформ, реализуемых в Советском Союзе, не анализировалась. Это явление было своего рода «общим местом», редакция либерального журнала не считала необходимым давать какие-либо пояснения. В отличие от консервативного «Commentary», который обратил внимание на феномен гласности с существенным запозданием, но в 1988 году посвятил ей большую аналитическую статью [279].

Среди основных тем, в рамках которых рассматривались вопросы гласности, можно выделить следующие 11 групп: открытость к проблемам; дефицит товаров; движение противников гласности; обсуждение исторических вопросов; влияние гласности на различные аспекты культуры; гласность и КГБ; гласность и диссиденты; влияние гласности на политику и процессы реформ; рост этнических проблем, неготовность населения к гласности. Также предлагались различные точки зрения американских специалистов на сущность и специфику гласности в СССР. Чаще всего в «Time» писали об этнических проблемах и сепаратистских настроениях, спровоцированных гласностью, об открытости и готовности Советов обсуждать любые проблемы, о дефиците в СССР и изменениях в области культуры (см. Рисунок 13.)

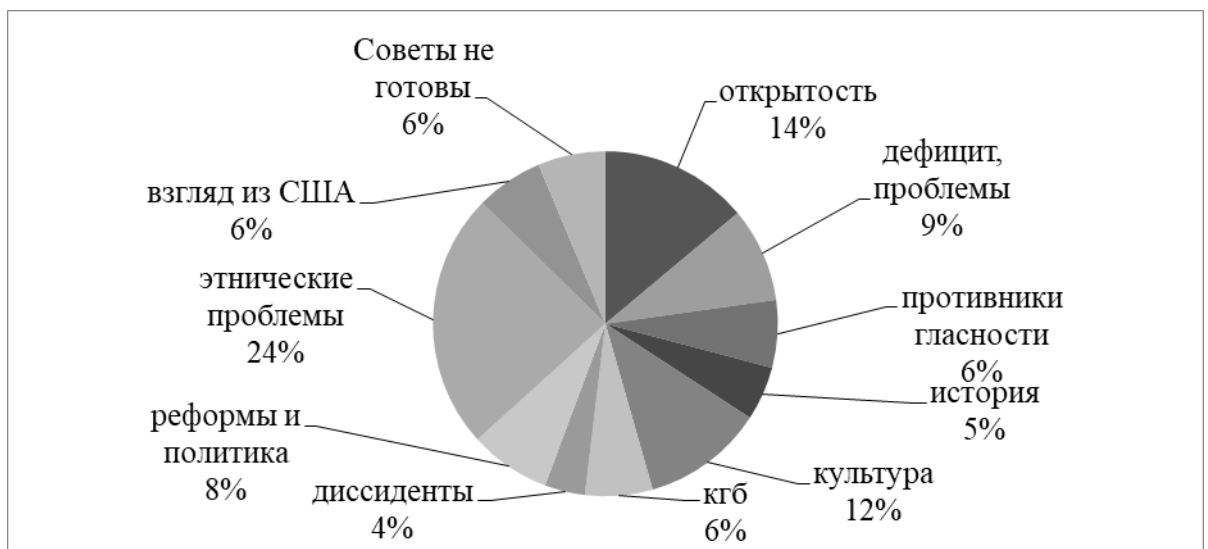

Рисунок 13. Распределение тем, связанных с гласностью в журнале «Time» 1986-1991 гг.

Примечательно, что темы реформ и политики не пересекались с описаниями противников гласности. В то время как в освещении вопросов культуры прослеживались пересечения с тематикой КГБ. Так, например, в феврале 1989 года в «Time» писали о том, что в советских газетах был опубликован объемный отчет с фотографиями, который «дал многим советским гражданам возможность впервые заглянуть внутрь зловещего здания КГБ» [367]. А в июле того же года в материале с ироничным заголовком «Бюро находок» рассказывали о решении московского правительства выпустить новые карты, которые «будут

включать около 90% улиц города» [376], что является несомненным достижением, поскольку раньше «площадь Дзержинского, где располагался штаб-квартира КГБ, отсутствовала на большинстве карт советского производства» [376]. Однако, отмечалось, что на картах, по-прежнему, будут отсутствовать дороги в закрытые города, а контроль полиции, по-прежнему, очень высок. Говоря о пересечении тематик, следует отметить, что чаще всего писали об открытости и дефиците, об открытости и росте этнических проблем, о влиянии открытости на политику. Примечательно, что все темы рассматривались преимущественно в позитивном ключе. Исключение составляют только обсуждения этнических проблем и вопросов дефицита товаров – в этих материалах картина представлялась сугубо негативная.

Для более четкого понимания специфики репрезентации Советской России следует рассмотреть каждую из представленных тематических групп более подробно (см. Рисунок 14).

Рисунок 14. Диаграмма связей тем публикаций, посвященных гласности в «Time» 1986-1991 гг.

Ключевая характеристика гласности – открытость, к новому, готовность обсуждать спорные и сложные проблемы. В либеральном «Time», начиная с 1986 года, подчеркивали «официально санкционированную открытость относительно недостатков и трудностей советского общества» [378], писали о том, что советская государственная пресса «исследовала проблемы советского общества с

беспрецедентной откровенностью» [309], включая такие табуированные сюжеты, как наркомания и проституция, землетрясения, затопление подводных лодок [309], освещение этнических беспорядков, и других внутренних проблем [309].

Отношение к подобной открытости было неоднозначным. Например, в материалах, посвященных увольнению Ельцина в 1987 году, «Time» говорит о том, что гласность используется в качестве инструмента политического давления: *«Эта история не оставляла сомнений в том, что Горбачёв не только согласился на политическое убийство своего протеже, но и взял на себя инициативу по его организации. <...> он [Горбачёв] не побоится повторить это упражнение с другими, кто пересечет границы гласности»* [324]. Также в 1987 году «Time» предположили еще один вариант использования гласности в политических целях. Обсуждая положение диссидентов в СССР, они обращали внимание, что освобождение Сахарова и направление на демократизацию общества *«соответствует призывам Горбачёва»* [414]. Однако, гласность рассматривается не только как возможность *«обеспечить критику в однопартийном Советском Союзе»* [414], но и как возможность скрыть неподходящие мнения, поскольку при обилии высказываний они могут *«удобно затеряться в шуме гласности»* [414].

Несмотря на позитивные моменты, у гласности все же были и отрицательные стороны. Обозреватели «Time» отмечали, что освещение социальных и экономических проблем вызывала отрицательные настроения и волнения в обществе [414]. В определенной мере этот феномен коррелируется с сетевой моделью установки повестки дня. Возможность донести до общества наличие экономических и этнических проблем формировало негативную картину мира, которая вела к росту социального недовольства и, в свою очередь, запускала новый виток обсуждения проблем, укрепляя негативную атмосферу. У.Р. Доэрнер прозорливо замечал: *«Гласность сделала дефицит еще более острым»* [326]. Причем сами американцы называли происходящее в СССР *«чумой потребительского дефицита»* [326].

Большое внимание журналы уделяли *прогрессу в культурной сфере*. В 1988 году в свет вышло наибольшее количество публикаций, посвященных этой теме. Американские журналисты писали: «*драматические потрясения изменили советское общество*» [329], «*гласность и перестройка сотворили чудеса в некоторых областях*» [329].

Внимание американцев привлекло открытие выставки авангардного искусства в Москве. Журналисты писали, что «*изобразительное искусство гораздо медленнее, чем литература и музыка, извлекало выгоды из гласности*» [308]. Также в этом году обратили внимание на то, что годовой обмен студентов между СССР и США — это «*огромный прорыв эпохи гласности*» [362], это событие «*немыслимое несколько лет назад*» [362]. В «Time» также отмечали, что Большому театру достаточно сложно существовать в условиях свободной рыночной конкуренции [329] — руководству «Большого» пришлось пересматривать «*консервативные неэффективные*» [329] методы работы.

В либеральном «Time» уделяли большое внимание гласности на советском телевидении. Изменения называли «*революционными*» (seem revolution) [360]. Писали, что миллионы советских людей смотрят телешоу и находят их «*загораживающими*» [360]. Отмечается, что телевидение «*исследует границы гласности*» [360]. Среди революционных изменений в этой области отмечалось вовлечение зрителей в процесс создания телешоу. Например, в программах, посвященных качеству продуктов в СССР, зрителей призывали присылать товары (например, хлеб со стеклянной крошкой) для телевизионного музея низкопробных товаров. Таким образом, зритель вовлекался в процесс, содействовал разоблачению недобросовестных производителей, способствовал актуализации передач и т. д. Рассматривая гласность на советском телевидении, «Time» цитирует Д. Захарова, который подчеркивал: «*Чем больше гласности на телевидении, тем больше гласности будет в повседневной жизни*» [360]. Однако, к гласности на телевидении относились все-таки критично и, признавая ее позитивное влияние, выделяли все же некоторые недочеты. Писали, что телевизионная гласность «*имела свои сбои*» [360]. Например, отмечалось, что

советские ведущие не были готовы к импровизации в прямом эфире, журналисты не верили, что *«все возможно»* [360]. Также, анализируя изменения на советском телевидении, американские журналисты отмечали, что Советам необходима конкуренция общенациональных каналов, поскольку работа центрального телевидения похожа на *«закрытый черный ящик»* [360], а в период перестройки *«нет места такой монополии»*. Но, цитируя советских журналистов, «Time» отмечает, что *«советское телевидение все еще находится в колыбели»* [360] и, вместе с тем американцы признавали, что советские средства массовой информации сделали большой шаг вперед, поскольку еще в 1985 году было *«невозможно представить»*, что советские журналисты смогут *«вести прямые трансляции и задавать сложные и острые вопросы»* [360]. Однако, следует отметить, что репрезентация реформ гласности и их влияния на телевидение было неоднозначным. Американские журналисты стремились представить различные точки зрения. Например, в 1988 году они обращали внимание, что советское население недовольно растущей свободой слова. Считалось, что средства массовой информации *«зашли слишком далеко в своей кампании с ее новообретенным аппетитом к разоблачению»* [325], журналистов в СССР называли *«князьями экстремизма»* [325].

Рассматривая публикации, посвященные различным культурным изменениям в СССР, следует отметить два материала, посвященных ***вопросам картографии в СССР***, которые вышли в сентябре 1988 года и в июле 1989 года. Первая публикация вышла с заголовком *«Советский Союз. Как пройти к могиле Ленина?»* [373]. Вторая – также с ироничным заголовком *«Путешествия: бюро находок»* [376]. В этих статьях отмечается, что в Советском Союзе сложно ориентироваться, поскольку *«Кремль намеренно фальсифицирует практически все карты страны за последние 50 лет по приказу тайной полиции»* [373]. Вместе с тем, отмечалось, что на картах неправильно обозначены высоты, улицы и дома, а точные карты в Советском Союзе, начиная с 1930-х годов, считались государственной тайной [373]. «Time» пишет о том, что *«люди жаловались и не узнавали свою родину на картах»* [376], но благодаря гласности в Советском

Союзе начали печатать точные карты и у общественности появилась возможность с ними ознакомиться. Возвращаясь к этой теме в 1989 году, «Time» отмечали, что дипломаты, приезжавшие в СССР, арендовали специальный транспорт, в котором были американские снимки со спутников, такие карты считались шпионскими. Американские журналисты иронично писали о советских страхах предоставлять точные карты туристам. Отмечалось, что все основные достопримечательности были отмечены, но при этом площадь Дзержинского, на которой находилось здание КГБ, на всех старых картах отсутствовала. Аккуратно транслировалась идея, что Россия – полицейское государство, что службы правопорядка неустанно следят за туристами, а основная идея для путешественников в СССР: *«Если вы не знаете, как куда-то попасть, то вам туда не надо»* [376]. Но *«в эпоху гласности чиновники наконец-то решили ввести новые карты Москвы»* [376], которые будут включать около 90% улиц города. Отмечалось, что это нововведение крайне своевременно, поскольку потепление отношений привлекло большое количество туристов. Так, по подсчетам «Time», количество поездок американцев в Советский Союз с 1984 года удвоилось, составив в 1988 году более 75 тысяч туристов [376]. Однако, американцы подчеркивают, что *«старые привычки сложно искоренить»* (old habits die hard) [376], и в путеводителях, которые предлагают туристам, не указаны города, *«закрытые для посетителей»* [376], то есть закрытые военные города. И прослеживаются намеки на то, что Советский Союз – это все еще полицейское государство. Цитируется впечатление одного из путешественников: *«Полиция следит за тем, чтобы вы находились на правильной дороге»* [376]. Таким образом, тон публикаций остается достаточно неоднозначным. С одной стороны, отмечается усиление туристического потока, потепление отношений, стремление советской власти изменить ситуацию, сделать и страну вообще и столицу в частности, более комфортной для путешествий. С другой стороны, прослеживаются связи с полицейским государством, упоминается КГБ, что делает образ достаточно смешанным. Возможно, это является стереотипным наследием образов Советской России: представляется старая негативная картинка, и на нее накладываются надежды на изменения,

стереотип о том, что Россия благодаря гласности, стремится измениться, и движется в верном направлении.

Рассматривая частотность упоминания «гласности» в консервативном «Commentary», следует отметить, что интерес авторов к данной проблематике не уступал, а в некоторых случаях даже превышал интерес либерального «Time» (см. Рисунок 15).

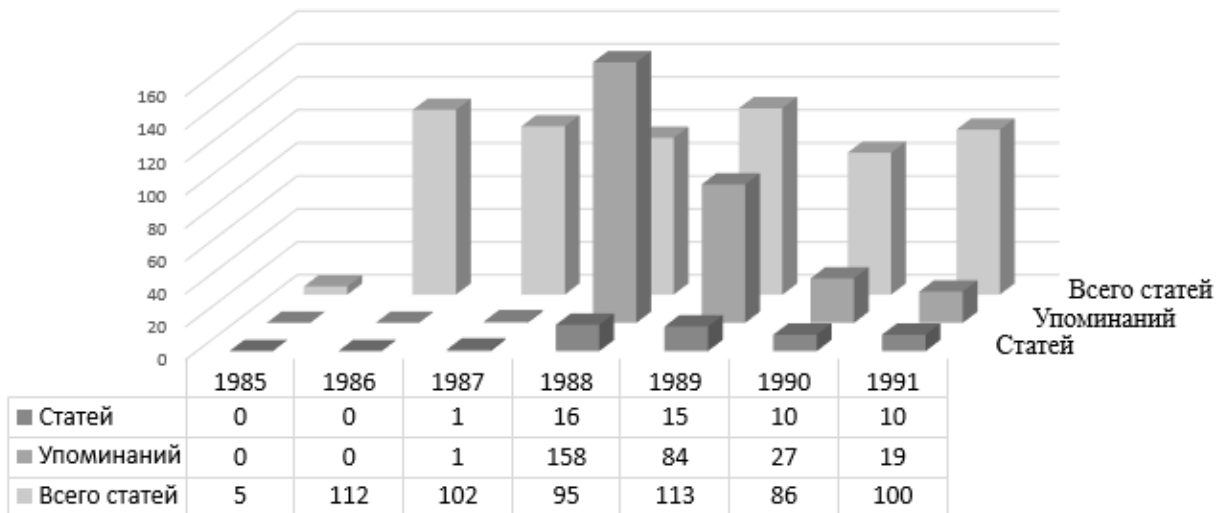

Рисунок 15. Упоминания «гласности» в журнале «Commentary» 1985-1991 гг.

Материалы консервативного «Commentary», как правило, более аналитичны. Публикации «Time» рассматривали отдельные вопросы, связанные с гласностью. В редких случаях предлагалось пересечение проблематики – усиление свободы слова и рост этнических волнений, или гласность в культурной сфере, которая сопровождалась открытостью по отношению к КГБ. Однако, эти факт носили скорее иллюстративный характер и не затрагивали долгосрочных перспектив российско-американских взаимоотношений. Статьи в «Time» имели явно новостную тенденцию, отражали различные информационные поводы, тяготели к новостному формату. В то же время авторы «Commentary» стремились рассмотреть феномен гласности с различных позиций, представить читателю объемную, всестороннюю, картину происходящего. Возможно, это можно объяснить спецификой изданий. Консервативный ежемесячник «Commentary» мог позволить себе, как традиционные «толстые» журналы, публиковать объемные

аналитические материалы и эссе. В то время как либеральный еженедельник «Time» был вынужден соблюдать журналистскую оперативность, выдавать информацию о событиях по мере их появления, что диктовало формат и объем публикаций.

Несмотря на то, что тональность публикаций «Commentary» несет явно негативную окраску, следует отдать должное авторам – они старались подходить к трактовке событий гласности максимально непредвзято и рассматривать их с различных точек зрения.

Анализируя публикации «Commentary», нужно выделить две основные статьи, затрагивающие феномен гласности в полном объеме. Это материал британского и американского историка и политолога В.З. Лакёра «*Гласность и ее пределы*» [279] и аналитический комментарий эстонского историка и философа А.Порка о видах гласности – ответ на статью В.З. Лакёра [288]. Эти публикации рассматривают историко-теоретические аспекты феномена гласности. В середине 1988 года В.З. Лакёр подробно и обстоятельно рассматривает гласность во всех ее проявлениях и представляет идеи, которые журналисты «Time» выявляют по крупицам на протяжении следующих трех лет. Он отмечает, что гласность – это «*специфический русский феномен*» [279] – не один из элементов демократического строя, но «*попытка совместить недемократический или антидемократический режим правления с определенной степенью культурной свободы*» [279]. Он подчеркивает, что гласность не является предвестником демократии, а скорее наоборот показывает, что в СССР явные проблемы в этой области: «*если бы были демократические свободы, не было бы необходимости в гласности как отдельном элементе политической системы*» [279]. Вместе с тем В.З. Лакёр признаёт: «*гласность открыла одну из самых захватывающих глав в истории русской культуры*». Он отмечает невероятную культурную свободу, которая по его признанию, была абсолютно невозможна за несколько лет до этого, говорит о том, что у писателей и художников появилась возможность представить свету те произведения, которые раньше были запрещены, отмечает возникновение неформальных сообществ и свободу слова. Примечательно, что в

«Commentary» этому аспекту не было уделено фактически никакого внимания. Если в «Time» подробно рассказывалось о советских попытках вернуть на родину культурных деятелей-эмигрантов, о произведениях, вызвавших общественный резонанс, то в «Commentary» таких материалов не было. Так, например, фильму Тенгиза Абуладзе, вызвавшему сильный общественный резонанс как в СССР, так и за рубежом, в «Time» была посвящена целая статья [404]. В то же время в «Commentary» о нем кратко упомянул только В.З. Лакёр. «Time», как отмечалось ранее, писал и о произведениях Евтушенко [436], в то же время в «Commentary» о нем не упоминают, несмотря на специфику издания. Также интерес вызывает тот факт, что В.З. Лакёр, известный историк и политолог, называет 1987 год *«годом чудес»* [279], проводя аналогии с периодом расцвета английской культуры и литературы, которые трактовались, как крайне важные и позитивные. Происходящее в Советском Союзе, в культурной области, он называет *«настоящим культурным расцветом»*, *«освобождением <...> из ледяных тисков цензуры»*, *«временем огромного духовного брожения и творческой открытости»* [279], которого в Советском Союзе не видели на протяжении 60 лет. Вместе с тем, это единственная публикация в «Commentary», затрагивающая проблему культурных изменений в СССР.

В «Commentary» рассматривался достаточно широкий круг вопросов, связанных с реализацией политики гласности в СССР (см. Рисунок 16). Следует отметить, что в большинстве случаев в статьях затрагивались несколько смежных тем. Зачастую освещение позитивных элементов реализации политики гласности в СССР соседствовало с критическими замечаниями. Как правило, освещение проблематики имело политическую направленность. В большинстве случаев поднимался вопрос, каким образом Советскому Союзу следует избавиться от коммунистической или (чаще) социальной доктрины. Примечательно, что в «Commentary», в отличие от «Time», не затрагивался вопрос этнических волнений в СССР, фактически не уделялось внимание культурным изменениям в Советском Союзе. Фактически проблема гласности рассматривалась как политический феномен, а не социальный, инструмент, применяемый во внутренней и внешней

политике Советов, а также предлагались варианты последствий использования такого инструмента.

Рисунок 16. Диаграмма связей тем публикаций, посвященных гласности в «Commentary» 1988-1991 гг.

В рамках освещения в консервативном «Commentary» темы гласности можно выделить три основных направления. Первое предполагало, что гласность – это советская уловка, направленная на достижение определенных целей. Второе направление включало в себя разбор различных кризисных ситуаций в СССР, как уже вызванных гласностью, так и предполагаемых. Третье, самое малочисленное направление, представляло собой описание успехов гласности.

Перестройка: надежда на реструктуризацию или политическая уловка

Эпоха М.С. Горбачёва ознаменовала не только серьёзные изменения во внутренней политике Советского Союза, но и кардинальные изменения на мировой арене. Ключевыми понятиями, характеризующими последние годы существования СССР, можно назвать новое мышление, гласность и перестройку.

Считается, что первые годы, когда Горбачёв руководил Советским Союзом, были подготовительным этапом, а в 1989–1990-е первые годы стали расцветом перестройки. Частично данная тенденция прослеживается и в публикациях американской прессы. Пик публикационной активности, включающий в себя упоминания перестройки, переходит на 1988–1989 годы. В этот период внимание американских журналистов фокусируется на процессах изменения в

советском обществе, на вопросах гласности и экономической реструктуризации, перестройке. Следует отметить, что в американской прессе интерес к гласности преобладал над интересом к перестройке (см. Рисунок 17)

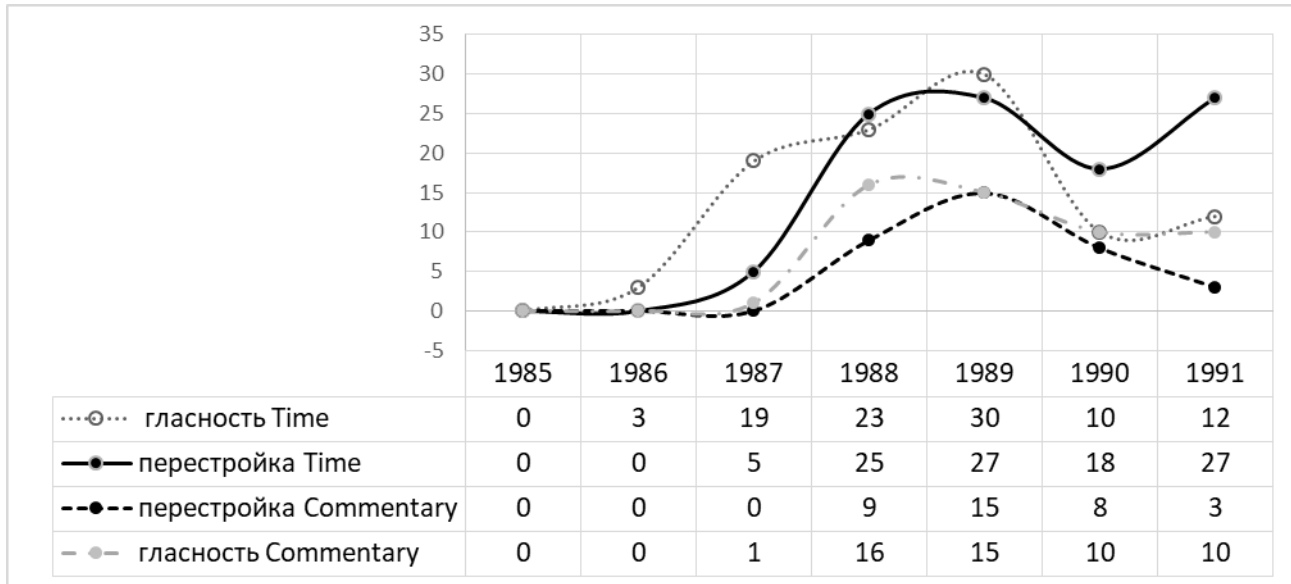

Рисунок 17. Соотношение количества статей с упоминанием гласности и перестройки в журналах «Time» и «Commentary»

Несмотря на то, что гласность являлась одним из элементов перестройки, инструментом для реализации социальных и экономических реформ в Советском Союзе, фокус внимания американской прессы был сосредоточен, в первую очередь, на демократических свободах, а не на экономических проблемах СССР. Также, стоит отметить, что темы гласности и перестройки пересекались достаточно редко в рамках одной статьи. Так, в либеральном «Time» перестройка и гласность упоминаются совместно в 11 публикациях, а в консервативном «Commentary» этот показатель равен 7 статьям. Причем, чаще всего пересечение тематики прослеживается в 1989 году. Чаще всего темы перестройки и гласности пересекались в контексте растущего дефицита [326], вопросов признания роли партии в реализации перестройки [328], обсуждении сепаратистских настроений в странах Балтии [295; 372; 386], а также скептицизм по поводу перспективности перестройки [263; 291]. При этом, частотность собственно-упоминаний гласности имеет достаточно высокий показатель в рамках публикаций, посвященных перестройке (см. Рисунок 18). Примечательно, что ни в консервативном

«Commentary», ни в либеральном «Time» не представлено ни одной публикации, в которой подробно рассматривались бы суть и концепции советской политики экономической реструктуризации. Можно предположить, что специфика изданий была направлена, в первую очередь, на освещение социального аспекта международных отношений. Однако, это не отменяет того факта, что сведения, представленные как «общее место» – известные всем читателям – все же не были прокомментированы в достаточной мере. Возможно, в этом недостатке осведомленности кроется причина малого количества публикаций, посвященных перестройке, по сравнению с аналогичными показателями упоминания материалов о гласности. Не имея достаточной базы для анализа, американские журналисты не могли представить своей аудитории обоснованные прогнозы и выводы.

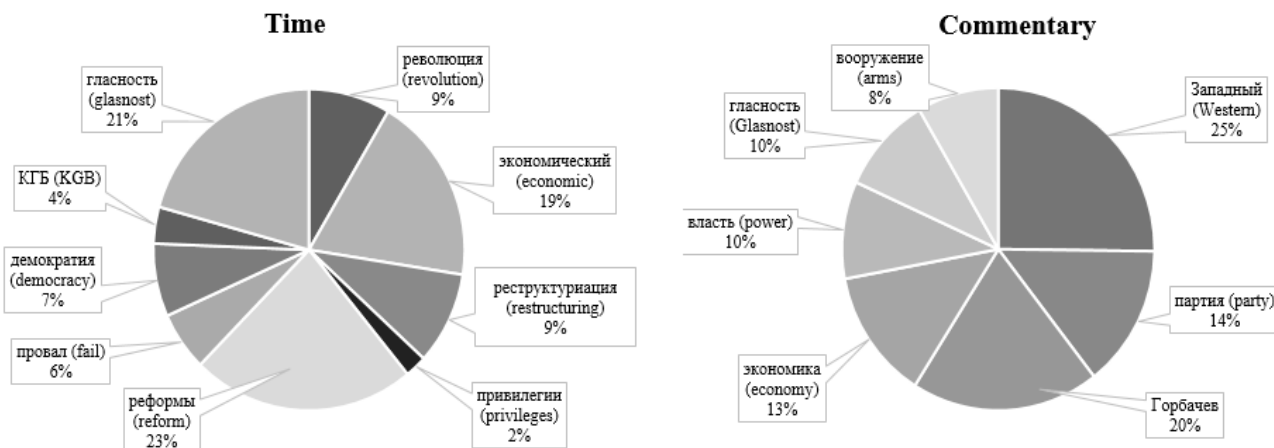

Рисунок 18. Частотные лексемы журналов «Time» и «Commentary» в статьях, посвященных перестройке в 1985-1991 гг.

Анализ частотных лексем в публикациях, посвященных перестройке, позволяет выявить основные фокусы интереса американской прессы в данном направлении. Так, в либеральном «Time» чаще всего говорили о влиянии гласности (73%) на процесс реформ (23%) в СССР и рост демократизации советского общества (7%), отмечали экономические аспекты процессов (19%). В 1987-1988 году достаточно часто перестройка упоминается с пояснением в

скобках «реструктуризация» [416] или «реструктуризация экономики» [323] это упоминание представляет собой устойчивую формулу, аналогичную формулировке «гласность-открытость». В «Commentary» фокус интереса был смещен в сторону экономических проблем в СССР (13%), вопросов манипулирования общественным мнением Запада (25%) и влиянием перестройки на процессы разоружения (8%), существенное внимание уделялось роли М.С. Горбаева в планировании и реализации перестройки (20%), а также роли партии (14%) и различных аспектах борьбы за власть внутри Советского Союза (10%). Следует отметить, что одной из ведущих тем, как для «Time», так и для «Commentary» в рамках обсуждения процессов перестройки, была гласность, несмотря на низкий уровень частотности пересечения данных лексем.

В консервативном «Commentary» можно выделить пять основных тематических направлений трактовки перестройки в Советском Союзе (см. Рисунок 19). Изменения в СССР рассматривались как кризис, политический парадокс, инструмент манипуляций, как не до конца продуманный процесс и полумеры, а также анализировался ряд положительных аспектов.

Рисунок 19. Диаграмма связей тем публикаций, посвященных перестройке в журнале «Commentary» 1985-1991 гг.

Американские журналисты писали о том, что перестройка представляет собой парадокс советской политической системы, поскольку, с одной стороны, она требует отказа от социализма и реализации свободной экономики, а с другой

стороны, эти реформы разрушают систему. Во многом, эти обсуждения пересекаются с проблематикой гласности. В рамках данной тематики также обсуждалось, что свобода голоса, свобода слова, неизменно будет приводить к подрыву устоявшейся политической системы, поскольку население будет иметь все больше и больше автономии, а у правительства будет все меньше и меньше рычагов давления. Эта же тема активно поднималась и при обсуждении перестройки, но в контексте гласности брался скорее социальный аспект, а в риторике, посвященной перестройке, больше внимания уделялось экономической специфике.

Еще одной ключевой темой при обсуждении перестройки на страницах консервативного «Commentary» можно считать экономические вопросы. Ключевой темой был кризис в Советском Союзе. Причем, она объединяла в себе три направления. Во-первых, политический кризис или кризис партийного руководства. Во-вторых, идеологический кризис или перспективы краха социалистического строя. В-третьих, экономический кризис и связанные с ним темы необходимости реструктуризации – перестройки экономики вообще и принципов производства и распределения товаров в частности, а также вытекающая из этой темы проблема дефицита товаров, перспектива голода в Советском Союзе. Достаточно любопытен тот факт, что, обсуждая перестройку и особенно события 1991 года, и консервативный «Commentary» и либеральный «Time» активно апеллировали к образу революции 1917 года. Но обсуждая кризис и дефицит, не производилось отсылок к голоду 1921 года, несмотря на то что в американской прессе были материалы, в которых говорилось, что продолжение политики перестройки и экономической реструктуризации ведет Советский Союз к нехватке продовольствия и голоду. Американцы прямо говорят о том, что в Советском Союзе вполне вероятно начнется голод [286; 294; 347], но, вместе с тем, исторические параллели в данном случае они по какой-то причине упускают. При том, что американская помощь в 1921–1923 году имела колоссальное влияние для поддержки Советского Союза, для спасения советского населения, и, во многом, имела большой общественный резонанс в Соединенных Штатах

Америки. Обсуждение дефицита и кризиса в Советском Союзе было сопряжено, с одной стороны, с идеями о том, что Советский Союз должен оживить экономику, а с другой стороны, делались отсылки к тому, что реализовать перестройку Советский Союз не сможет без помощи Запада.

В либеральном «Time» теме перестройки уделяли гораздо больше внимания, что проявлялось не только в большем количестве публикаций, но и в диверсификации тем (см. Рисунок 20).

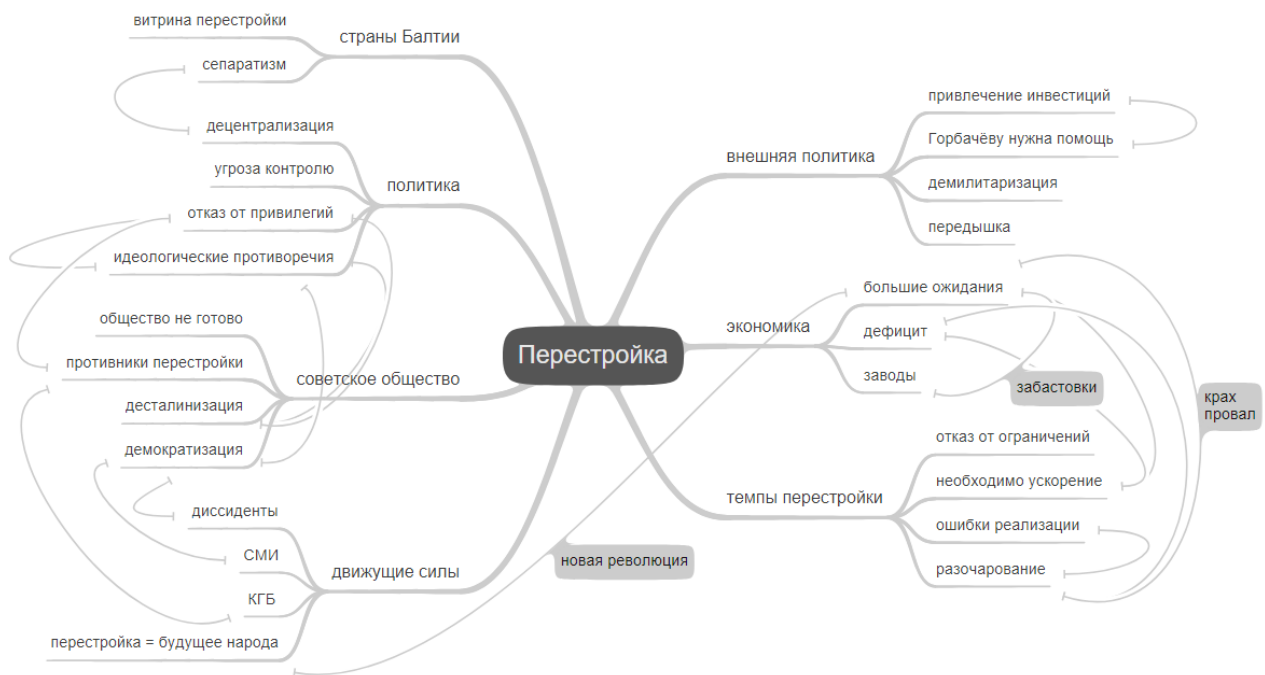

Рисунок 20. Диаграмма связей тем публикаций, посвященных перестройке в журнале «Time» 1985-1991 гг.

В качестве основных направлений интерпретации событий, связанных с темой перестройки, освещаемых в «Time», можно выделить 7 групп: движущие силы перестройки, внешняя политика СССР, проблемы Прибалтийских республик, изменения в социальном строе СССР, проблемы реализации перестройки и ее темпов, сопряженные с этим темы экономических проблем в СССР, прочие аспекты внутренней политики СССР.

В материалах, связанных со внешней политикой, можно выделить четыре направления. Журналисты писали, что перестройка направлена на то, чтобы привлечь зарубежные инвестиции. Эта тема была сопряжена с концепцией, что

М.С. Горбачёву нужна помощь при реализации задуманных реформ, в том числе и экономическая. Также высказывалась теория, что перестройка представляет собой передышку – Советский Союз набирается сил для нового противостояния на международной арене. Озвучивались предположения, что перестройка направлена на демилитаризацию, на получение преференций в вопросах обсуждения разоружения

3.2. Интерпретация Августовского путча в американских СМИ

В августе 1991 года в СССР произошло беспрецедентное событие – попытка политического переворота, которую также называют Августовским путчем. Вне всяких сомнений, событие подобного масштаба не могло не привлечь внимания прессы во всем мире. «Революционные» события в СССР вызвали взрывной рост публикаций в американской прессе. Как отмечалось ранее, среднее число публикаций, посвященных Советскому Союзу и его персоналиям, колебалось в рамках 5-7 материалов в месяц для журнала «Time» и 5-7 для журнала «Commentary» (см. Рисунок 21) После Августовского путча количество статей резко выросло. Так, в журнале «Time» в сентябре 1991 года вышло 23 публикации, посвященных событиям в СССР. Причем, два номера фактически представляли собой спец выпуски (September 2, 1991, Vol. 138 No. 9; September 9, 1991, Vol. 138 No. 10). В первом сентябрьском выпуске «Time» (Vol. 138, №9) Августовскому путчу было посвящено 10 публикаций, во втором (Vol. 138, №10) – 13 (см. Приложение 6). В журнале «Commentary» рост числа публикаций не столь высок, однако, корреляция повышения интереса к событиям в СССР также прослеживается. Количество статей в «Commentary» выросло примерно на 40% и составило 10 публикаций за сентябрь 1991 года, причем прослеживается не только рост самих публикаций, но и увеличение их объема (см. Рисунок 21).

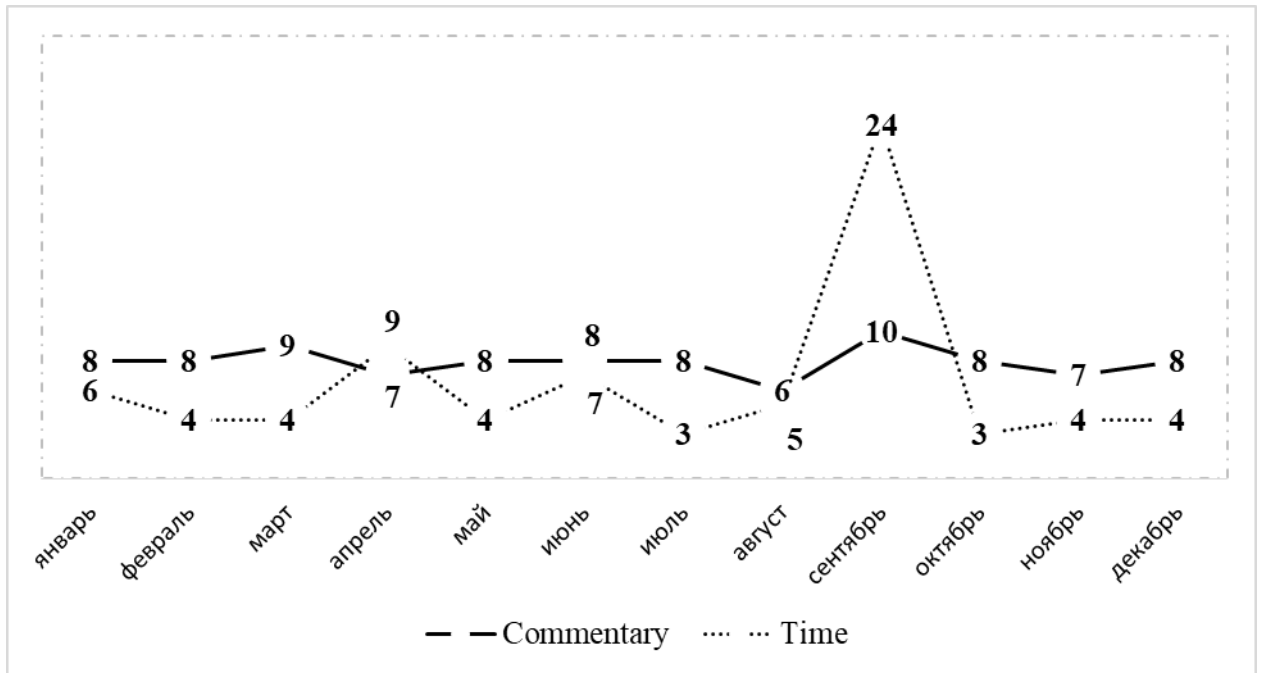

Рисунок 21. Количество публикаций, посвященных СССР, в журналах «Time» и «Commentary» в 1991 г.

Следует отметить, что более явный интерес проявил журнал «Time» – в сентябре вышло колоссальное количество статей, посвященных событиям в России. Весь раздел «международные отношения» в первом сентябрьском номере (September 2, 1991), насчитывающий 10 статей, был посвящен Советскому Союзу. Как можно проследить по графику, это превышает месячную «норму», характерную для издания. Причем, все эти статьи шли под рубрикой «Русская революция». В следующем номере (September 9, 1991) появились и иные темы, интересные для американских журналистов. Наряду с событиями в СССР, рассматривались проблемы, не имеющие отношения к Советскому Союзу: аборты, расизм, медицинское страхование и др. Однако, высокий интерес к Августовскому путчу сохранялся до конца месяца. Но уже в следующем месяце, как мы можем видеть из графика, тема исчерпала себя и количество публикаций о России стало рекордно низким.

Следует также отметить диверсификацию рубрик в журнале «Commentary» и «Time». Все публикации, затрагивающие проблематику Августовского путча, представленные в «Time» относились к рубрике «Мир», в то время как в

«Commentary 6 материалов вышли в разделе «Культура и цивилизация», 2 – в разделе «Литература» и 2 – в разделе «Европа».

Для более глубокого понимания нюансов репрезентации образа Советской России в американских СМИ следует рассмотреть феномен отражения Августовского путча на трех уровнях: макроуровень – темы, которые затрагивают журналы при освещении указанной проблематики; микроуровень – собственно-лексический, представляющий наиболее частотные лексемы и коллокации; а также особенности визуальной репрезентации событий. Однако, следует отметить, что последний аспект актуален, в первую очередь, для журнала «Time», известного своими яркими, «говорящими», обложками (см. Приложение 5) В этом плане «Commentary» существенно уступает, поскольку до 2009 года обложки издания представляли собой список наиболее резонансных, по мнению редакции, статей. Начиная с апреля 2009 года, на обложках журнала стали появляться графические элементы, а первая фотография была использована только в октябрьском номере в 2011 году (см. Приложение 7).

Анализ визуальных материалов изданий позволяет выявить яркие образы, подкрепляющие вербальную составляющую. Но следует учитывать, что различные символы и образы могут считываться в различных аудиториях по-разному. Рассматривая процесс репрезентации Августовского путча в американской прессе, следует особое внимание уделить визуальным образам, представленным на обложках журнала «Time» (см. Приложение 6).

Обложки «Time» имеют не только художественное, но и историческое значение [169]. Иллюстрации издания очень ярко и наглядно демонстрируют, как менялось отношение журналистов к событиям в Советской России. В первом сентябрьском выпуске (September 2, 1991) на обложке представлен Б.Н. Ельцин. Улыбающийся советский лидер стоит на трибуне на фоне голубого неба и держит в руках развевающийся красный флаг. На первом плане крупная красная надпись «Русская Революция» [374]. Подобным образом достаточно часто изображали американских лидеров в различные позитивные моменты. Ассоциативно обложка пересекается с идеями выборов, демократическими концепциями. Внимание

читателей сосредоточено на центральной надписи. Обложка очень лаконична. На ней почти нет дополнительных элементов. Только вставка «*Специальный репортаж*» и подписи мелким кеглем «*Август 1991*» и «*Борис Ельцин*». В результате происходит конвергенция образа революции и Б.Н. Ельцина, а спокойный фон, типичное изображение политического лидера создают позитивные ассоциации. В то же время уже следующий номер (September 9, 1991) принципиально отличается. На обложке представлено фото с митинга. На первом плане портрет В.И. Ленина, облитый красной краской, словно кровью. По центру крупная надпись: «*Вакуум власти*» и комментарий «*Порывая с прошлым. Борясь за будущее. Размышляя о том, что лучше*». Причем верстка выполнена таким образом, что первые слова этих фраз создают дополнительную смысловую нагрузку. Глаголы выделены контрастным, желтым, цветом. На верхней части обложки вынесен риторический вопрос: «*Разве счастливые люди появляются таким образом?*» [375]. Следует отметить, что синергия иллюстрации и текста создает своего рода послание внутри послания. Читатель видит окровавленный портрет коммунистического лидера в толпе и текст: «*Разве счастливые люди рождаются так? Порывая, Борясь, Размышляя. Вакуум власти*» [375]. Подобный образ очень эмоционален, он вызывает напряжение. Риторические вопросы добавляют иллюстрации нервозности, негодующие люди и «кровь» – негативные ассоциации, а отсылки к бессилию власти – страх или раздражение. Эти эмоции во многом коррелируют с тональностью самих публикаций в журнале.

Либеральный «Time» выходил чаще, чем консервативный «Commentary». В связи с чем в еженедельнике представлена более динамичная картина общественного мнения. Первой реакцией американской общественности на Августовский путч можно считать восторг. События в Советской России воспринимаются как сближение братских народов, возврат на правильный, демократический, путь развития, исправление исторической несправедливости вообще и ошибок коммунистов в частности. Активную роль играют американские стереотипы о демократии, как единственно правильном варианте политического

строю для развитой страны; мессианские идеи и стремление помочь «тёмному» русскому народу, который наконец-то прозрел и готов сбросить оковы царизма и тоталитаризма; идеи о правильности революционного типа изменений социума.

Анализ материалов на микроуровне, с опорой на частотные лексемы и коллокации, позволяет абстрагироваться от авторского стиля тех или иных журналистов, уйти от, собственно-публицистического, эмоционального, и выявить ключевые аспекты в трактовке событий Августовского путча. Статистические данные, базирующиеся на корпусах изучаемых текстов, позволяют выявить повторяемость образов, что дает возможность говорить о стабильности трансляции тех или иных идей. При анализе публикаций, вышедших в свет в период с сентября по август 1991 года, можно выявить две группы частотных лексем. Первая – лексемы, характерные как для либерального, так и для консервативного издания. Вторая – слова, характерные только для одного из рассматриваемых журналов (см. Рисунок 22)

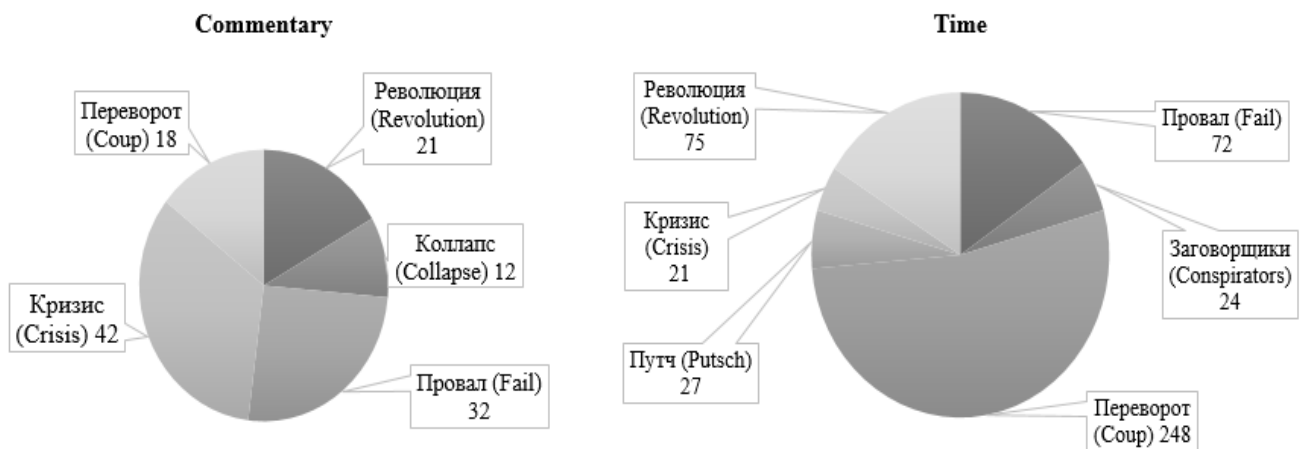

Рисунок 22. Частотные лексемы журналов «Time» и «Commentary», сентябрь-август 1991.

В рамках освещения Августовского путча наиболее частотными лексемами, присущими, как для журнала «Time», так и для журнала «Commentary» стали «революция», «переворот», «кризис», «провал». Следует отметить, что на страницах «Commentary» также упоминался «коллапс» Советской системы [255] и экономики [271]. Часто поднимается тема окончания холодной войны. В то время

как «Time» писал о «заговорщиках» [319; 418] и о «путче» [319; 415]. В статьях отмечается высокая частотность коллокатов «разгар кризиса» [428], «напуганы кризисом» [432], неконституциональность переворота [415], «революцию» называют большевистской [319; 361] и «Русской» [355; 374], о перевороте часто говорят «неудавшийся» [361]. В плане частотных коллокаций также представляет интерес динамика образа «русского человека». Так, в 1990 году в материалах, в которых упоминались «русские люди», наиболее частотными были коллокаты «убиты», «боятся», «ограблены». В то время как в 1991 году наиболее частотными становятся упоминания о «голосованиях», «новых людях» и «силе народа» [32].

Общая тональность публикаций «Commentary» достаточно нейтральна, основной упор делается на аналитические рассуждения. В то время как материалы «Time» представляют собой классический образец американской публицистики, в основе которой лежит активный сторителлинг, базирующийся на комментировании актуальных событий, в рамках которых мнения авторов не слишком устойчивы и постоянно колеблются [137]. Сам нарратив в «Time» конструируется как «стори». В каждой статье, как в художественном произведении, в обязательном порядке присутствуют завязка, кульминация, развязка, столкновение положительного героя, «своего», и отрицательного, «чужого». Тексты насыщены патетическими высказываниями.

В рамках макро-анализа можно выделить несколько основных направлений трактовки Августовского путча и его последствий. Отмечалось, что происходящее в Советской России – это уникальное событие, имеющее международное значение. С этой темой было сопряжена идея, что наша страна встала на верный путь развития. Однако, достаточно часто американские журналисты отмечали, что русский народ достаточно темный и пассивный. Еще одна высокочастотная тема – описание России как тоталитарного государства, причем данная характеристика приписывалась не только советскому периоду, но и более ранним историческим периодам. Помимо социальных вопросов, американцев очень сильно волновала проблематика ядерного оружия и вопросы окончания холодной войны. Для более

глубокого понимания риторики по каждому из указанных вопросов, следует тщательно рассмотреть каждую из выделенных тем. Выделенные темы и специфику их взаимодействия возможно представить в виде ментальной карты (см. Рисунок 23)

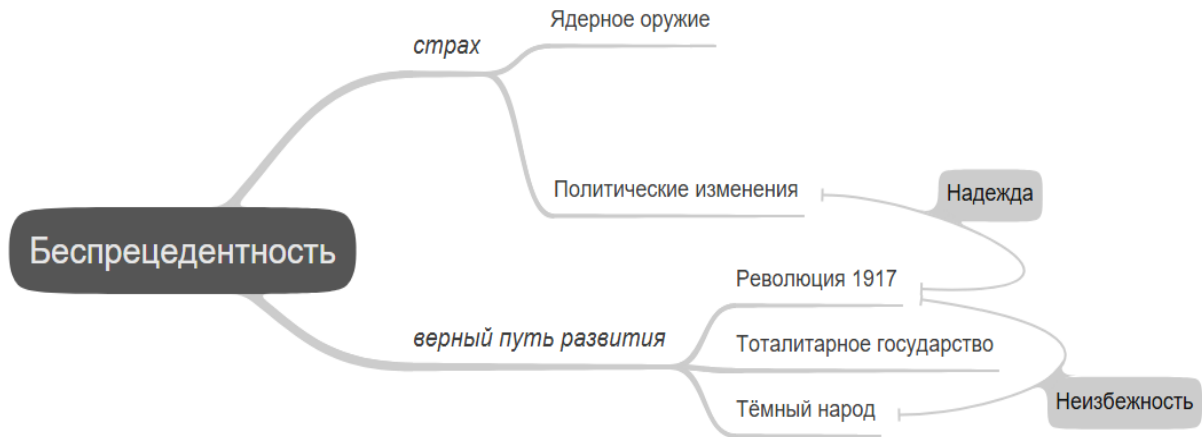

Рисунок 23. Диаграмма связей тем публикаций, посвященных Августовскому путчу в журналах «Commentary» и «Time».

Темой, объединяющей все публикации, можно считать концепцию беспрецедентности и уникальности Августовского путча. В «Commentary» подчеркивалось, что все, происходящее в СССР, имеет мирную природу и представляет собой результат социальных противоречий внутри страны: *«Никогда прежде столь огромная и сверхмощная империя не рушилась в мирное время, без шока от военного поражения и исключительно по внутренним причинам»* [281]. Августовский путч называли *«великим поляризующим событием в политике 20-го века»* [281]. Как бы ни разнилась интерпретация отдельных событий и точек зрения на них, общий вектор был неизменен. Вместе с тем, для консервативного «Commentary» характерным аспектом в анализе событий в СССР можно считать идею о закономерности развала Союза. Обозреватели журнала были уверены, что Советский Союз находится в глубочайшем кризисе и у партийного руководства *«нет решений, только тактические ходы»* [255], а все

действия принимаются исходя из *«надежды на то, что рано или поздно народ устанет»* [255]. При этом в сентябрьском номере «Commentary» были представлены две диаметрально противоположные точки зрения. Американский историк М. Малиа допускал, что *«советское предприятие было в какой-то мере успешным»* [281] и *«может обладать моральной ценностью»* [281], несмотря на то, что это общество не является капиталистическим. Он даже озвучивал идею, что советские идеи вполне могли бы быть применимы для развития в других регионах: *«советский случай можно было бы считать моделью «экономики развития» для третьего мира»* [281]. Поскольку даже самый яростный противник СССР не мог отрицать стремительный рост индустриализации, массового образования и урбанизации в Советской России. В какой-то мере М. Малиа даже допускал сближение СССР с западными державами, что позволит Советам *«реализовать свой демократический потенциал»* [281] и обратить внимание на *«человеческие потребности»* в капиталистических странах [281]. Однако, он в своем материале отмечает, что *«крах коммунизма»* [281] – это *«беспрецедентная катастрофа»* [281], к которой привело *«наследие Великого Октября»* [281], а значит, американским историкам и политологам необходимо произвести переоценку *«ленинского феномена»* [281].

Рассуждая о специфике Советского Союза и его историческом пути, другой автор «Commentary», В.К. Буковский отмечает, что Россия, как и другие *«континентальные империи»* «распалась» после Первой мировой войны [255]. По мнению автора, *«Российская империя»* была *«склеена»* [255] марксистской идеологией. Успех этому предприятию принесли, помимо прочего, внешние угрозы – гражданская война, а позднее – Вторая мировая. В.К. Буковский уверен: *«Советский Союз должен был распасться, как только клей потеряет свою связующую силу»* [255]. Он подчеркивает, что коммунистическая партия в СССР потеряла свою значимость и представляет собой *«источник нестабильности»* [255], а значит, распад Советского Союза неизбежен. Предпосылок к такому распаду несколько. Во-первых, потеря *«революционного*

энтузиазма» [255], благодаря которому *«люди вступали в партию или слушали ее»* [255]. Во-вторых, благодаря гласности и перестройке, партия потеряла *«свое исключительное право повышать или увольнять, обогащать или обеднять любого человека в стране»* [255], а значит утратила ключевой инструмент влияния на общество. Таким образом, советское общество претерпело ключевую трансформацию. Партия стала не *«абсолютным хозяином»* [255], а *«старшим партнером»* [255], а народу обещали большую культурную и политическую автономию. Однако, как справедливо отмечает, В.К. Буковский, перед лицом данных социальных и политических изменений стоит ключевое препятствие -- сама партия. Поскольку реформы, с одной стороны, должны проводиться через партийный аппарат, а с другой направлены на ограничение его влияния. Это приводит к *«структурному ограничению»* [255], которое делает невозможным глубинные реформы, а реформы, не реализованные в полной мере, не сработают. И противоречие это *«слишком сильно, чтобы его можно было устранить мирным путём»* [255]. А значит, распад Советского союза насильственными, или революционными, методами неизбежен.

Эти идеи находят свое отражение и в высказываниях М. Малиа. Он уверен, что результатом социальных и политических изменений, производимых под руководством М.С. Горбачёва, Советский Союз должен распасться. Однако, американский историк высказывает свою точку зрения гораздо агрессивнее, нежели советский социолог и диссидент В.К.Буковский. М.Малиа пишет, что *«шесть лет Горбачёва и гласности»* привели не к реформам коммунистического строя, а к его *«распаду и гибели»* [281], а сама перестройка *«однозначно закончилась «катастрофой»* [281]. Примечательно, что неудачу советских реформ и внутреннее политическое противоречие М. Малиа интерполирует на всю советскую историю. Он пишет, что неудавшийся, прерванный, *«августовский переворот»* продемонстрировал, что *«предприятие, начатое в октябре 1917 года»* показало свою несостоятельность – *«закончилось банкротством»* [281]. Примечательно, что американский историк в начале своей публикации допускавший, что Советский Союз мог бы служить примером для развития

третьих стран и обогатить европейский опыт, ближе к середине публикации кардинально меняет вектор и тональность высказывания. Он едко спрашивает: *«Как могло такое фантастическое предприятие, как большевизм, и в отсталой, разваленной России, так долго считать себя всемирно-исторической альтернативой «капитализму»? И как большевики так долго умудрялись, на виду у внешнего мира, выходить сухими из воды с тем, что с самого начала было всемирно-историческим мошенничеством?»* [281]. По сути, это высказывание как нельзя полно концентрирует в себе не только отношение американцев к коммунистическим идеям, но и реализацию стереотипа о темном и отсталом народе, который сошел с пути правильного развития. Особенно показателен тот факт, что это едкое, саркастичное и крайне негативное высказывание принадлежит ученому – историку и советологу.

В журнале «Time» обращали внимание на неоднозначность Августовского путча и событий, которое оно вызывает: *«Мир наблюдал за этим зрелищем со сложными чувствами: удивление, облегчение для народов республик [...], определенное очарование и некоторый страх перед тем, что ждет впереди»* [363]. Причем, этот «страх» американские журналисты транслировали в нескольких направлениях. С одной стороны, их волновали политические перестановки в СССР, а с другой проблемы ядерной безопасности в условиях нестабильности в СССР. «Time», анализируя Августовский путч, отмечал, что результатом стал *«гигантский вакуум власти»* [172] в Советской России и *«ключевой вопрос десятилетия»* состоит в том, каким образом он будет заполнен [172].

Ключевыми лексемами, отражающими эмоциональный настрой американских журналистов, в рамках данной тематики можно назвать такие характеристики как *«беспрецедентная катастрофа»* [281], *«беспрецедентное событие»* [363], *«вакуум власти»* [172].

Идея *«вакуума власти»* [172] была тесно сопряжена с вопросами ядерной безопасности. Наиболее эмоционально по данному вопросу высказывался Л.Морроу в «Time». Он писал: *«Целая империя мчалась сквозь тьму с грузом ядерного оружия на борту»* [363] и путь это определялся как *«распад»* [363].

Л.Морроу подчеркивал, что в попытке переворота «одним из самых леденящих душу аспектов» [363] был тот факт, что «в течение 76 часов сверхсекретные коды ядерного оружия» находились в руках «авантюристов» [363].

Страх перед возможной военной угрозой на фоне беспрецедентных политических изменений, все же сопровождался в американской прессе определенными нотами надежды. В рамках данного дискурса представляется выделить два направления: рефлексию по поводу окончания холодной войны и обсуждение «русской революции» [355; 374]. Американские журналисты высказывают единую точку зрения по поводу вопроса холодной войны. Обозреватель «Time» С.В. Клауд назвал происходящее «новой эрой» [322]. По его мнению, «Холодная война официально закончилась [...] с крахом переворота в Москве и последующим разгромом Коммунистической партии» [322]. Подобные оценки прослеживаются и в журнале «Commentary». Так, например, обозреватель О. Харрис писал: «Холодная война закончилась сокрушительной победой [...] демократическо-капиталистической идеологии» [271]. Примечательно, что, размышляя о феномене холодной войны и специфике ее окончания, журналисты проявляют высокий уровень самокритичности и признают, что эта парадигма стала определяющей для американской жизни. В «Time» писали, что «В течение двух поколений американцы в значительной степени определяли свою страну и, в некоторой степени, себя в терминах холодной войны» [322]. В «Commentary» отмечали, что «холодная война была на самом деле одним из самых стабильных конфликтов в истории» [271]. И в понимание «стабильности» вкладывалась не только идея неизменности данного состояния, но и мысль о том, что подобный статус – залог безопасности. О.Харрис признавал, что большая часть американцев «прожили всю свою взрослую жизнь до сих пор на фоне холодной войны» [271]. Размышляя о специфике конфликта, он отмечал, что в этот, несомненно, длительный период, не только не было мировых войн, но и «никогда не было серьезной опасности ее возникновения» [271]. Вся ситуация, по его определению, была «исключительно стабильной» [271]. Возможно, именно поэтому стремительные, революционные, изменения во внутренней политике СССР

вызывали у американцев страх. Холодная война была стабильным, неизменным, фактом. А изменение этого состояния провоцировали опасные состояния. Ситуация, подкрепленная опасностью ядерного удара, ввиду неопределенности контроля «красной кнопки», воспринималась как крайне опасная.

К тому же, как отмечалось ранее, для внешней политики США, транслируемой, в том числе и через СМИ и укрепившейся в стереотипах в общественном мнении, было характерным связывать политический строй страны с ее действиями на международной арене [192, С. 6]. В связи с чем, озвучивалась точка зрения, что холодная война может возобновиться. В «Time» иронично отмечали, что в начале «переворота» «Пентагон отряхнул свой план действий на случай возобновления холодной войны», который, впрочем, вскоре «вернулся в архив», поскольку этот переворот «провалился» [207].

Анализируя «Советский коллапс» [255] В. Буковский на страницах «Commentary» предполагает, что «Советы еще не проиграли, а мы еще не победили» [255]. Любопытен тот факт, что в «Commentary» события в СССР сравнивают, в некоторой мере, с конфликтом в Ираке [255]. Консервативное издание предупреждает, что выводы о завершении конфликта могут быть «поспешными» [255]. А американское «печальное наследие самоуспокоенности» [271] несет опасность для общества в период «новой эпохи», которая является «опасно нестабильной» [271]. Если «Commentary» рассматривали проблему завершения холодной войны, в контексте Августовского путча, как проблему историко-философскую, то внимание журналистов «Time» было сосредоточено, в том числе, и на сугубо практических аспектах. Риторика «Time» более эмоциональная, но направлена в будущее. Журналисты, рассуждая о возможности возрождения холодной войны, говорили о том, что мир «сильно напуган» этим «кошмаром». И, вместе с тем, выдвигали теории, как предотвратить подобное развитие событий. Одной из ключевых идей было укрепление экономики СССР [432]. По мнению аналитиков, это было наилучшей гарантией того, что «Советский Союз никогда больше не будет захвачен сторонниками жесткой линии» [432]. По этому вопросу «Commentary» почти не

высказывались. Единственное замечание о допустимости, или необходимости, экономической помощи Советской России в этот период носило скептический характер. По мнению консерваторов, если холодная война окончена целиком и полностью, то нет никакой необходимости в поддержке СССР и *«не нужно платить за отступление Советов»* [255]. Но если в американском обществе все еще силен страх перед холодной войной, если существуют опасения, что вернуться *«сторонники жесткой линии»* [255], то глобальное противостояние еще далеко от завершения.

Впрочем, социальная проблематика волновала американскую прессу не меньше экономических вопросов взаимодействия с СССР. Одним из ключевых направлений обсуждения Августовского путча можно считать синергию трех тем: революции, падения тоталитарного государства и воплощение воли народа. Они объединялись между собой, с одной стороны – идеей неизбежности распада СССР, и идеей возвращения России на «верный» путь развития. Исходя из логики американских журналистов, Августовский путч и последовавший за ним распад СССР – это результат неверной политики внутри страны.

Однако, следует отметить, что американские журналисты сходились во мнении по главному вопросу. Они не могли отрицать значимость событий 1917 года. Как либеральные, так и консервативные издания проводили параллели Революции 1917 года и Августовского путча. Но в подходах к представлению этой идеи все же прослеживаются различия. В либеральном «Time» ярко выражена тенденциозность к репрезентации событий. Отношение к Августовскому путчу в либеральном еженедельнике «Time» кардинально меняется с течением времени. С одной стороны, можно предположить, что это связано с необходимостью журналистов очень оперативно выдавать информацию и на рефлексию и глубокую аналитику у них не хватило времени. С другой стороны, можно расценивать данный феномен как специфику американской журналистики как таковой, для которой характерны фокус на злободневности [137, С. 54] и тяготение к сторителлингу [137, С. 54]. С третьей стороны, следует учитывать влияние социальных и этнических стереотипов на

процессы формирования медийной повестки дня и функционирование общественного мнения в США. В рамках медийного дискурса, посвященного революционности Августовского путча, наиболее ярко выражены стереотипы о мессианской идее США [192, С. 6], убежденность в том, что развитие государства и общества невозможно в условиях автократии [192, С. 6], уверенность, что американский (демократический) путь развития единственно верный [161, С. 3], представление русского народа как безвольного раба [161, С. 51-52].

Первые оценки событий в «Москве» были очень позитивными в первом сентябрьском выпуске (September 2, 1991), а ко второму выпуску (September 2, 1991) прогнозы стали более мрачными и критичными. Так, 2 сентября на страницах «Time» можно было встретить следующие высказывания: *«Россия и другие республики могут в конечном итоге превратиться во что-то уникальное, неожиданное, даже блестящее»* [363].

В то же время в «Commentary» представлялись попытки проанализировать политические процессы в России. Августовский путч представлялся как совершенно закономерное, неизбежное, явление. Американский историк М. Малиа настаивает, что *«все предприятие, попросту говоря, было неправильным с самого начала»* [281]. По его мнению, события 1917 года не были *«продуктом логики исторических процессов»* и представляли собой не что иное как *«заговорщический государственный переворот»*, совершенный *«безжалостной бандой идеологов»*, которая использовала *«доверчивость либералов и незрелость масс»* [281]. Примечательно, что данные стилистические приемы своей тенденциозностью также характерны для американской прессы наличием положительных и отрицательных героев, патетикой [137]. Рассуждая об исторической природе 1917 года, М. Малиа настаивал, что революция стала возможна исключительно благодаря *«разрушительному действию»* [281]. Первой мировой войны. В его анализе четко прослеживаются ключевые американские стереотипы о России. М. Малиа уверен, что каждая страна на финальном этапе своего развития должна прийти к демократии, как к единственно верному варианту общественного регулирования. В связи с чем Октябрьскую революцию

он рассматривает как *«грубое вмешательство в многообещающее развитие страны в направлении конституционной демократии»* [281].

Реализацию ранне-советских реформ М. Малиа называет *«Завоеванием России»* и *«конфискацией власти»* [281], что позволяет предположить, что Россия нуждается в спасении и освобождении. Эта идея запускает стереотип мессианства [188, С. 2], необходимости *«Крестового похода за свободу России»* [188, С. 3]. Эти устремления укрепляют рассуждения о тоталитарной природе коммунистического строя. По мнению М. Малиа советское правительство стало *«усиленной, террористической, версией старого, полицейского, режима»* [281]. Американский историк подчеркивает, что СССР представляет собой исключительно тоталитарное государство и говорит о его *«моральном единстве с нацизмом и фашизмом»* [281]. Причем, по частотности лексем «тоталитарный» и «тоталитаризм» в его публикации занимают третье место, уступая только лексемам «русский» и «революция» [281].

В отличие от консервативного «Commentary», либеральный «Time» встретил новости о событиях в Советской России позитивно. Журналисты называли Августовский путч *«чудом»*, *«одним из поворотных моментов мировой истории»* [382]. Прослеживается тенденция смешения образов революции 1917 года и Августовского путча. Если консервативный «Commentary» достаточно взвешенно рассматривает развитие СССР в диахроническом аспекте, то «Time» восторженно определяет события в Советской России в образах созвучных революции 1917 года. Это проявляется не только на уровне частотных лексем (см. Рисунок 23), где «Революция» занимает второе место по частоте употребления [382; 418; 355] но и в различного рода отсылках и аллюзиях. Наиболее яркими можно назвать последние фразы репортажа Дж. Чёрча, освещавшего путч. Подводя итог августовских событий, он писал: *«Три дня, которые потрясли мир, закончились»* [319]. Даже самый неискушенный читатель мог понять, что это прямая отсылка к книге Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир», в которой американский репортер изложил события Октябрьской революции, которую видел собственными глазами. Эта книга имела большой

успех в США, оказав существенный вклад в формирование образа России за рубежом. Аналогичное высказывание встречается в другой статье, вышедшей в том же номере. Л. Морроу в материале, озаглавленном лаконично «Русская революция» пишет: *«Три дня на прошлой неделе разрушили 10 веков гражданской спячки»* [382]. Это высказывание не только отсылает читателей к Октябрьской революции и труду Рида, но и актуализирует стереотип о темном и пассивном русском народе, а также вербализирует мессианский стереотип американцев, надежду, что Россия наконец вступила на верный путь развития.

Еще одна явственная параллель между событиями 1917 и 1991 года прослеживается в описании Б.Н. Ельцина. Советского лидера сравнивали в В.И. Лениным. Например, в статье Дж. Чёрч использовал всемирно известный пропагандистский образ «Ленин на броневике». Американский журналист, описывая события путча писал: *«Ельцин <...> взобрался на бронированный грузовик возле Белого дома, чтобы объявить о принятии командования»* [319]. Примечательно, что незадолго до этого в «Time» уже использовался этот же образ в визуальном формате [363]. (см. Рисунок 24).

Рисунок 24. Иллюстрация к статье Л. Морроу «Советский Союз: начиная нулевой год» (The Soviet Union: Starting at Year Zero) [363].

Идеи о синонимичности Октябрьской революции и Августовского путча в журнале «Time» сопровождаются очень оптимистичными прогнозами. Причем, прогнозы эти подкреплены мессианским стереотипом. Ж.А. Чейни в

происходящем видит *«шанс построить новую, лучшую страну»* [313]. Но у либеральных аналитиков нет четкого ответа, какой же будет эта новая страна, по каким моделям и критериям она будет построена [383]. Причем, среди публикаций «Time», несмотря на общий позитивный настрой, не было единого мнения по данному вопросу. С одной стороны, выдвигались идеи о том, что Августовский путч *«провозгласил конец тоталитаризма»* [382] и позволил русским уйти от *«кошмара тоталитарной утопии»* [383]. А с другой, в качестве вероятного исхода рассматривались не только возможности демократии, сопряженной с плюрализмом культур, наций и языков, подобно Швейцарии, но и *«Ливан в худшем проявлении его дикости»* [383]. Высказывалось и мнение, что результат Августовского путча может превратить Россию в *«место, которое никто никогда раньше не видел»* [383], а сами русские находятся в *«нулевом году некоего нового порядка, который они должны для себя изобрести»* [383]. Примечательно, что ведущую роль, как в процессе создания нового государственного строя, так и в самом путче, американцы отдавали именно народу, а не политикам. Из пассивных наблюдателей, не способных повлиять ни на что, находящихся под гнетом тоталитаризма, русские, буквально за неделю, трансформировались в активную политическую силу. Возможно, американские журналисты, таким образом, проводили параллели со своим собственным обществом. Также можно предположить, что Августовский путч способствовал реализации не только мессианского стереотипа, но и возродил идеи об общности русских и американцев [48, С. 28]. Поскольку, мнению американцев, обе наши страны *«родились в революции»* [191, С. 13], а значит, Августовский путч позволит русским исправить все ошибки прошлого и вновь вернуться на путь братского, демократического, народа.

Как уже отмечалось ранее, с темой революции в американской прессе тесно сопряжена идея «русского человека». В размышлениях о судьбе народа четко прослеживается еще один этнокультурный стереотип. Русские в американском сознании представляются темными, необразованными, не готовыми к борьбе за демократию [48, С. 308; 161, С. 51-52]. В консервативном «Commentary» большая

часть риторики, посвященной этому вопросу, в рамках интерпретации событий Августовского путча, направлена в прошлое. Максимальное внимание анализу судьбы русского народа и его роли в революции уделил М. Малиа. По его мнению, дореволюционное российское общество было крайне «хрупким», «крайне уязвимым [...] для переделки сверху» [281]. И «вину за катастрофу» [281], за революционные изменения, он возлагает на «непримиримость государства, жестокость масс и фанатизм интеллигенции» [281]. В его представлении русский народ – это, с одной стороны, крестьяне, у которых «крепостное право впиталось в их суть», лишённые «как частной собственности, так и чувства закона» [281]. А с другой – интеллигенция, не готовая «к политике компромисса», настроенная радикально до состояния «революционного терроризма» [281]. И этот «максимализм» «заразил» рабочий класс и крестьянство [281]. Таким образом, русский народ предстает агрессивным, обессиленным, бешеным. А значит, нуждается в поддержке и скорейшем исцелении.

В то же время публикации «Time» направлены в будущее. С огромным оптимизмом Л. Морроу размышляет о русском народе. Важно отметить, что журналист, описывая события в Советском Союзе, говорит о «русском народе» (Russian people) [382], а не о советском. Это крайне важный аспект. Он отражает преемственность этносоциальных стереотипов: образы, описывающие людей в Царской России, переносились на советский период, оставались практически идентичными. Американцы не учитывали ни политические, ни социальные, ни экономические изменения, которые потрясли нашу страну. Не принимали во внимание, что Царская Россия и Советский Союз представляли собой совершенно разные государства. Не принимали во внимание и тот факт, что социальные изменения в нашей стране охватывали как минимум три поколения и длились более 70 лет. С другой стороны, подтверждается концепция подмены понятий «советский» и «русский», в рамках которой американцы не делают различий между различными историческими периодами в российской истории, что приводит к смешению понятий и образов [69].

В публикациях «Time», посвященным революции и русскому народу, прослеживается главенство двух стереотипов. Первый – идеи о пассивном, инертном, темном населении. Второй – концепция о том, что русские – родственный американцам народ, который проходит через аналогичные революционные процессы, дабы прийти, в конечном итоге, к верной цели – демократическому обществу. Причем, второй стереотип доминирует. В рамках социальных изменений пассивность русского человека представлена как свойство характера, которое русские наконец-то смогли преодолеть. Л. Морроу, описывая Советский Союз в 70-х годах, приводит цитату Н.Я. Мандельштам, в которой супруга знаменитого поэта говорит о том, что *«силы добра инертны», «массы не имеют в себе сил для борьбы и будут молчаливо соглашаться со всем, что бы ни случилось»* [382]. Отдавая дань стереотипам, М. Морроу отмечает: *«До прошлой недели русский характер считался политически пассивным, даже восприимчивым к жестокому правлению»* [382]. Причем, корреспондент «Time», анализируя настроения общественного мнения в США отмечает, что Августовский путч даже в некоторой мере воспринимался как ретроградное движение, протест против Горбачёвских реформ, *«подтвердил норму»,* поскольку *«Горбачёв и гласность были отклонением»* [382]. Однако, почти сразу обозреватель «Time» отвергает эту идею. Он пишет о том, что *«русский народ преобразился за годы»* [382]. Концепцию этого преобразования, столкновения старого и нового можно считать характерной особенностью публикаций либерального «Time» в рамках освещения Августовского путча. Наиболее точно это описал Л. Морроу, назвав Августовский путч *«переворотом старого образца в обществе нового образца»* [313]. Эта идея объединяет в себе две концепции. С одной стороны, реально-историческую, поскольку советское общество во всех смыслах можно было назвать новым. Не только потому что оно кардинально отличалось от того, что представляла собой Царская Россия, но и потому что являлось продуктом новой идеологии. С другой стороны, эта идея воплощает американскую мессианскую идею, согласно которой образец общества новый именно для России, которая, наконец, направилась по верному пути развития.

Тексты «Time» насыщены политическими метафорами. Идея столкновения старого и нового выражается, в том числе и в описании роли русского народа в Августовском путче. Л. Морроу пишет: «*Они отменили крепостное право в советской политической жизни*» [382], благодаря «*акту воли и отсутствию страха*» [382] русский народ «*совершил своего рода чудо*» [382] – избавился от «*тысячелетнего самодержавия*» [382]. Таким образом, в журналистском тексте переплетаются, идея о темных «крепостных», о наследии Царской России, о современной [ему] Советской России. В результате не только происходит запуск устоявшихся стереотипов о замученных людях и царизме-тоталитаризме, но и реализуется подмена понятий Россия-СССР. В результате образы смешиваются, подкрепляют друг друга и получают подтверждение в общественном сознании, готовя базис для новой ступени – перехода советских стереотипов на современную Россию.

В ходе анализа публикаций, посвященных Августовскому путчу в американской прессе, был выявлен существенное логическое противоречие. Оно представлено в виде столкновения концепций беспрецедентности и неизбежности политических и социальных изменений в СССР. С одной стороны, Августовский путч определяют как «*событие, не имеющее аналогов в западной истории*» [281]. Высказывались идеи, что «*никогда ранее полностью зрелая империя [...] не отрывалась от своих основ*» [363]. Однако, вместе с тем американские журналисты проводили четкие параллели с революцией 1917 года. Опираясь на идеи о несостоятельности коммунистических идей и советского пути развития, представляют Августовский путч как единственно возможный исход, подтверждающий «*несостоятельность*» [281] идей Октябрьской революции.

Заключение

В диссертации проведено исследование образа СССР в американских общественно-политических журналах в период перестройки (1985-1991 гг.) на примере либерального новостного еженедельника «Time» и консервативного ежемесячника «Commentary».

В теоретической части работы была проанализирована специфика создания и функционирования журналистской информации, а также ее влияние на картину мира аудитории. В частности, отмечается, что отличительная особенность журналистской информации состоит в социальной значимости сообщений о событиях, которые определяют информационную картину дня. Опираясь на теоретические источники, делается вывод, что информация имеет свойство искажаться в процессе перцепции и не вся журналистская информация усваивается аудиторией в полном объеме. Данный феномен влияет в последующем на формирование информационной картины дня, поскольку, обладая определенными исходными данными, происходит перестройка общественного сознания и поведения. В рамках деятельности журналистов акцент делается на резонансную информацию, которая соответствует интересам целевой аудитории, вписывается в информационную повестку дня и соответствует социальным мифам и стереотипам выбранной аудитории.

Основываясь на статистических данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), был выявлен существенный рост к проблемам медиаобразов в рамках научных исследований, что подтверждает актуальность данной работы.

Теоретический анализ литературы по проблеме исследования позволил установить специфику медиаобраза, представляющего собой особый тип реальности, часть коллективного сознания, отраженные в журналистском тексте,

который можно считать зеркалом социального отношения, зеркалом социальных стереотипов по отношению к широкому ряду проблем и явлений. Также следует отметить, что в результате теоретического анализа материала было выявлено, что одним из ключевых аспектов медиа при создании образов является удвоение смысла, процесс, в рамках которого транслируемые факты действительности способствуют пробуждению новых смыслов и созданию новых понятийных концептов. При этом следует учитывать, что этот процесс идёт в двух направлениях. С одной стороны, средства массовой информации, предлагая новые инпуты, предлагая новые сведения, влияют на формирования картины мира и исторического сознания индивидов. И, вместе с тем, новые концепты и новые смыслы, функционируя в общественном сознании, влияют в том числе и на авторов журналистских текстов, в результате чего влияние происходит не только на аудиторию, но и на самих журналистов.

В исследовании, при решении поставленных задач, возникла необходимость раскрыть сущностные характеристики феноменов социальных и этнических стереотипов. Опираясь на существенный массив теоретических материалов подтверждено, что стереотипы оказывают существенное влияние на процессы мышления, являясь их фасилитаторами, а также выполняют защитную функцию когнитивных процессов. В рамках данного исследования важное значение имеет тот факт, что стереотипы выполняют регулятивную функцию в социуме, реализуют культурные установки и служат оправдательным механизмом при разграничении социальных и этнических групп.

Основываясь на синергии теоретических подходов по трактовке медиаобразов и влияния на них социальных и этнических стереотипов, автором был выбран имагологический подход к анализу эмпирического материала. В рамках первой главы рассматриваются теоретические подходы к вопросу изучения образов государств и их жителей в инокультуре – имагологии. Приведены основные тенденции развития имагологической науки, начиная с 1940-х годов до современного этапа. Представленные ключевые положения трудов французских компаративистов Ф.М. Гийяра, А. Лортолари, М. Кадо и

Ш. Корбе, обосновавших имагологию в качестве самостоятельного научного направления, представлены основные современные труды ведущих зарубежных ученых в данной области. В рамках разработки теоретического аспекта были также выделены и обоснованы три этапа развития отечественной имагологии, что являет собой неоспоримую теоретическую новизну и значимость данной работы.

Основываясь на ключевых понятиях: медиаобраз, этностереотип, имагология, – в теоретическом разделе диссертации произведен анализ работ, посвященный специфике формирования образа России в США в различных исторических периодах. Изучены работы ведущих американских историков, а также отечественных исследователей. Изучен феномен информационной войны и пропаганды. Отмечается, что специфика холодной войны заключается в глобальном идеологическом и политэкономическом противостоянии при отсутствии непосредственно «горячего» конфликта. В качестве основных причин противостояния выделены: конфликт цивилизаций, экономическое соперничество и столкновение национальных интересов, идеологический конфликт.

Выявлены основные стереотипы, характеризующие Россию в американском сознании. Их можно представить в виде трех обширных групп: политические, социальные и религиозные стереотипы.

Политические стереотипы: невозможность мирной гуманистической политики в условиях автократии; синонимичное восприятие царизма, тоталитаризма, диктатуры и коммунизма; четкие параллели между авторитаризмом и деспотизмом; невозможность построения благополучного общества в социальном строе, отличном от демократического; восприятие революции как единственно правильного пути; распространение демократии – моральный долг американцев.

Социальные стереотипы: восприятие царизма и коммунизма как квинтэссенции жестокости; русский народ темный и аполитичный; концепция «русские – братский народ», основанная на общих тенденциях социополитического развития (большая территория, преобразования через революции и т. д.).

Религиозные стереотипы: коммунизм – враждебная религия; идея американского мессианства и наставления на путь истинный; концепция непогрешимости американского пути. Данные теоретические положения служат базисом для дальнейшего исследования эмпирического материала.

Вторая глава диссертации посвящена изучению динамики образа СССР в американской прессе. На базе обширного эмпирического материала, представленного 1076 публикациями (Time 463, Commentary 613), были выявлены ключевые темы и понятия, вокруг которых формируется фокус интереса американских журналистов по отношению к СССР. В результате установлено, что на социальном уровне внимание американских журналистов, в большей степени, привлекали проблемы реализации «политики экономической реструктуризации» – перестройки и «открытости» – гласности. Также высокий уровень интереса американских журналистов привлек Августовский путч. Интерпретация социальных изменений в СССР велась, по большей части, в объективном ключе с опорой на факты, которые выступали непосредственными информационными поводами. При обсуждении перестройки акцент делался на экономические проблемы и неспособность советского правительства их решить. При обсуждении гласности акцент делался на демократизацию общества. При этом отмечалось, что растущее самосознание советского народа ведет к росту управленческих сложностей.

Третья глава диссертации посвящена анализу образов политических лидеров в СССР. При их описании прослеживаются три основных тенденции: перенос концепций американской политической системы, описание действий политиков в формате «стори», радикализация образов. Представляется возможным отметить, что при появлении нового действующего лица на политической арене, ему приписываются положительные характеристики, которые в последствии имеют тенденции к ухудшению. Образ М.С. Горбачёва подвергался изменениям под воздействием различных политических событий. В начале – сдержанно позитивный, в 1987-1988 гг. – очень позитивный ввиду политического сближения СССР и США, а 1989-1991 – негативный, поскольку

именно на него возлагали ответственность за неудачи в перестройке, экономических проблемах и т. д. Образ Б.Н. Ельцина также подвергается динамике. Изначально представленный в качестве соратника М.С. Горбачёва, он постепенно переходит в ряды оппозиции. Причем, данный переход освещается крайне эмоционально: политика награждают самыми разными эпитетами от «диссидента» и «одиночки» до «надежды России». При этом большая часть материалов строится на описании противостояния ведущих советских политиков. Следует также отметить, что помимо ведущих политиков на страницах американской прессы присутствуют скрытые фигуры, представленные такими акантами как «Кремль» и «Москва». Они представляют собой сущности, имеющие собственные волю и позицию, как правило, оппозиционную М.С. Горбачёву и Б.Н. Ельцину. Данная интерпретация событий позволяет предположить, что американские журналисты, рассматривая советскую политику, делают это через призму американского политического строя, в рамках которого «Белый дом» являет собой отдельную независимую силу, оппозиционную президенту. Таким образом, при освещении событий в СССР упускается национальная и политическая специфика, что позволяет говорить о некорректной трактовке событий.

Наибольшее количество стереотипов реализуется в американской прессе при освещении событий Августовского путча. При описании этих событий можно выделить два ключевых периода. Первый характеризуется оперативной реакцией журналов на происходящее за рубежом. Августовский путч трактуется крайне позитивно. Реализуются социальные стереотипы о братских народах, о темном русском, который встал на верную дорогу, о перспективах правильного (демократического) развития, об окончании длительного периода царизма, угнетения и тоталитаризма. Дальнейшие прогнозы, однако, представляются в более негативном ключе. Реализуются стереотипы о вакууме власти после переворота, страхи о возобновлении холодной войны и разочарование в том, что советские люди не смогли в полной мере сбросить тоталитарный гнёт.

Проведенный анализ образов СССР в американской прессе в период перестройки позволил подтвердить гипотезу, что образ страны и ее жителей в инокультуре динамичен, подвержен влиянию внешних факторов. Традиции и стереотипы страны-реципиента являются стабилизирующим фактором в процессе формирования медиаобраза, однако, существенное влияние на него оказывают события на международной арене и личностные факторы политиков.

В результате исследования были решены все поставленные задачи:

1) Проанализированы существующие в российском и зарубежном научном дискурсе подходы к изучению образов стран в инокультуре. Выявлено, что в изучении образов стран в инокультуре в отечественном и зарубежном научном дискурсе преобладают три ключевых подхода: исторический, социологический и филологический [248]. На данный момент приобретает популярность комплексный компаративный (имагологический) подход, включающий в себя основные инструменты и методы исторического, филологического и социологического подхода. По мнению ряда отечественных и зарубежных исследователей, имагология представляет собой наиболее перспективный подход по изучению образов стран в инокультуре, поскольку позволяет охватывать широкий круг проблем и вопросов, рассматривать их с использованием междисциплинарного научного аппарата и интерполировать результаты на различные области исследований.

2) Определено, что имагология позволяет исследовать медиаобразы стран в инокультурах комплексно, учитывая исторический и литературный генезис таких образов, а также позволяя выявлять динамику этносоциальных стереотипов под влиянием политической обстановки, специфику их реализации в медиа. Имагологический подход позволяет проследить влияние литературы на формирование этносоциальных стереотипов, изучать их динамику под влиянием различных исторических и политических факторов, а также интерпретировать синергию данных процессов при отображении образов стран и их жителей в инокультуре посредством различных медиаканалов.

3) Была изучена специфика формирования образов нашей страны в американской прессе, выявлены ключевые медиаобразы и их изменение в диахроническом аспекте. Было выявлено, что американские стереотипы о нашей стране имеют устойчивую структуру и переносятся с одного исторического периода на другой (Царская Россия, СССР), однако, они не имеют однозначно позитивной или негативной коннотации и ключевое влияние на формирование образа нашей страны за рубежом оказывают новостные информационные поводы. Среди ключевых образов нашей страны, транслируемых в США, следует выделить следующие: идея *«братских народов»* (общность исторического развития наших стран, обусловленная обширной географией и мультикультурностью населения), концепция *русского* (в последствии – советского) человека как *«тёмного», ведомого и слабого, демонизация власти* (государство – тоталитарный угнетатель), *романтизирование революции, мессианские идеи* (моральный долг американцев – направить русский народ на истинный, демократический, путь развития). Отмечается, что данные стереотипы актуализируются в различные периоды под влиянием общественно-политической повестки дня и особенно чувствительны к высказываниям лидеров мнений в стране, транслирующей образы (в данном случае – в США) и к новостной повестке дня.

4) Было проведено эмпирическое исследование образа СССР в американских общественно-политических журналах «Time» и «Commentary», изучены основные медиаобразы и их динамика на последних этапах холодной войны. Выявлено, что ключевые образы, связанные с нашей страной, представленные в журналах «Time» и «Commentary» на последнем этапе холодной войны, имеют исторические корни. Прослеживается смешение концепций царизма и образа М.С. Горбачёва, Революции 1917 года и Августовского путча, перенос стереотипов об «угнетённом народе» (образы диссидентов, проблемы Прибалтийских республик). В период революционной неопределенности актуализируются стереотипы о «братском народе» и идеи о возвращении на исторически верный, демократический, путь развития. В

результате в американском сознании функционирует образ «Советской России», который не корректно отражает актуальную действительность и приводит к непониманию происходящих процессов и ложным выводам.

5) Изучены ключевые причины, влияющие на динамику образа СССР в американских медиа на последнем этапе холодной войны. Выявлено, что недостаточная осведомленность американской прессы о сути реализуемых в СССР реформ приводила к недоверию к изменениям в Советском Союзе в одних случаях (политика гласности, еврейский вопрос, проблемы диссидентов) и к завышенным ожиданиям (перестройка, экономические реформы, Августовский путч), которые приводили в дальнейшем к разочарованию. Оба этих аспекта негативно влияли на имидж нашей страны в США. Наибольший эффект в улучшении имиджа Советской России в США сыграла политика открытости и гласности. В то же время, отказ в предоставлении информации и закрытость при обсуждении проблемных вопросов (например, авария на Чернобыльской АЭС, политика по отношению к диссидентам на первых этапах, даже отсутствие определенных локаций на картах) приводили к росту негативных мифов, домыслов и актуализировали стереотипы о закрытом агрессивном тоталитарном государстве.

Доказано, что медиаобраз России представляет собой образ страны, ее жителей и политических лидеров, транслируемый средствами массовой информации США через призму этнокультурных стереотипов. Данный образ является представлением совокупности факторов: реакций на действия политических акторов; комплекса медийных традиций по освещению событий, сформированных в американской прессе; ряда американских этнокультурных стереотипов, связанных с Россией. В американском медиадискурсе периода завершения холодной войны функционирование медиаобраза России происходит в рамках категоризации, основывающейся на мифологизации и стереотипизации образа «чужого».

Подтвержден тезис о том, что американские стереотипы о России имеют устойчивую структуру и переносятся с одного исторического периода на другой

(Царская Россия, СССР), но они не имеют однозначно позитивной или негативной коннотации и ключевое влияние на формирование образа нашей страны за рубежом оказывают новостные информационные поводы. На основании интертекстуального и сравнительного анализа доказано, что использование одних и тех же стереотипов в американских медиа в разных контекстах приводит к смешению образов и искаженному пониманию исторических и политических реалий, таких, как смешение образов царизма и личности М.С. Горбачёва, Революции 1917 года и Августовского путча и т. д. В результате в американском сознании функционирует образ России, который не корректно отражает актуальную действительность и приводит к непониманию происходящих процессов и ложным выводам.

На основании контент-анализа выявлено, что недостаточная осведомленность американской прессы о сути реализуемых в СССР реформ приводила к недоверию к изменениям в Советском Союзе в одних случаях (политика гласности, еврейский вопрос, проблемы диссидентов) к завышенным ожиданиям, которые приводили в дальнейшем к разочарованию (перестройка, экономические реформы, Августовский путч). Оба этих аспекта негативно влияли на имидж нашей страны в США.

Данные выводы позволяют предположить, что наибольший эффект в улучшении имиджа Советской России в США сыграла политика открытости и гласности. Разъяснительные материалы, открытость советских политиков, а также доступ к статистическим и архивным данным не только позволил повысить уровень экспертизы американских аналитиков (журналистов), но и позволил продемонстрировать линейность, прозрачность и демократический характер советской политики, что, в свою очередь, привело к позитивизации образа России в американских СМИ. А также, отказ в предоставлении информации и закрытость при обсуждении проблемных вопросов (например, авария на Чернобыльской АЭС, политика по отношению к диссидентам на первых этапах, даже отсутствие определенных локаций на картах) приводили к росту негативных мифов,

домыслов и актуализировали стереотипы о закрытом агрессивном тоталитарном государстве.

Для системного решения задач исследования автором была разработана и апробирована система анализа публицистических материалов, основанная на квалиметрическом и квантитативном анализе лексических единиц и коллокаций, позволяющая выявить фокус интереса американской прессы к определенным событиям и явлениям, и представить его в абсолютных показателях, представляющих возможность последовательного сравнения с данными аналогичных групп. Данный подход позволил повысить уровень достоверности результатов, их верифицируемость и воспроизводимость. Полученные результаты позволили наглядно произвести систематизацию тем, посвященных СССР, в американской прессе в период 1985-1991 гг., определить специфику их освещения, а также выявить влияние определенных стереотипов на формирование образов СССР, его населения и политических лидеров, в рамках обсуждаемых тем.

В результате исследования была подтверждена гипотеза: образ страны и ее жителей в инокультуре динамичен, подвержен влиянию внешних факторов. Стереотипы, имеющие устойчивую структуру, оказывают влияние на репрезентацию событий в американской прессе, но не несут в себе однозначно позитивных или негативных коннотаций. При влиянии внешних факторов (информационных поводов) они могут выступать как аргументами негативного, «демонического» имиджа России, так и иллюстрациями позитивных изменений в социальном строе Советского Союза. Причем, значение имеют как социальные изменения (например, реформа гласности в СССР), так и личностные качества политических лидеров (например, М.С. Горбачёв и Дж. Буш). Таким образом, стереотипы оказывают тормозящий, сдерживающий, эффект, выступая в качестве элемента стабильности и охраны существующих представлений, а внешние факторы позволяют актуализировать более мягкие, лояльные, образы или наоборот – более негативные.

Представляется возможным предположить, что образы и стереотипы, функционировавшие в американской прессе в период холодной войны, получили существенное подкрепление в период перестройки, что привело к их трансферу на современные политические реалии. Таким образом, эти элементы были включены в сетевую модель повестки дня и за счет многократного повторения заняли место центральных, системообразующих, узлов.

На основе системного анализа теоретических положений диссертации, включающих вопросы теории медиа, стереотипов и имагологии, автором был разработан уникальный образовательный продукт – рабочая программа дисциплины «Имагология: особенности формирования образа России в зарубежных СМИ» (см. Приложение 8), ориентированный на студентов специальности «журналистика», а также позволяющий расширить компетенции и повысить квалификацию журналистов-международников, направленный на развитие умений и опыта при анализе проблем межкультурной коммуникации.

Данное исследование имеет перспективы дальнейшего развития по реализации компаративного анализа образа России в американской прессе, а также изучения стратегий формирования и динамики образа России в медиа других стран. Теоретические положения представляют основу для дальнейшего развития имагологического направления для изучения медиаобразов стран и государств в инокультуре, в частности, в средствах массовой информации.

Список литературы

1. Арбатов, Г.А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях / Г. А. Арбатов. – М.: Политиздат, 1970. - 349 с.
2. Артановский С.Н. Проблема этноцентризма, этнического своеобразия культур и межэтнических отношений в современной зарубежной этнографии и социологии // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука / С.И. Артановский; под ред. Ю.В. Маретин, Б.Н. Путилов; АН СССР. ИЭ. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. — С. 11–40.
3. Артемов, В.Л. Анатомия лжи / В.Л. Артемов. – М.: Политиздат, 1973. - 191 с.
4. Балалуева, И. А. Медиаобраз и социообраз: процессы взаимоуправления в информационном обществе /И.А. Балалуева // Право и управление. XXI век. - 2014. - № 4 (33). - С. 86-91.
5. Барабаш, В. В. «Красный воробей»: образы Холодной войны в американском кинематографе [Электронный ресурс] / В.В. Барабаш, Е.А. Котеленец, М.Ю. Лаврентьева, М.С. Ковригина, Д.В. Суржик // История – 2020. – Том 11. – 12 (98). - Режим доступа: <https://history.jes.su/S207987840013038-0-1> (дата обращения: 16.06.2025).
6. Барабаш, В. В. Государственная пропаганда и информационные войны. / В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец. – М.: Ассоциация исследователей российского общества, 2015. - 400 с.
7. Барабаш, В.В. Образы России в мире / В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец. – М.: АИРО XXI, 2010. – 296 с.
8. Барт, Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика : перевод с французского / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст., Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. - 615 с.
9. Баталов, Э.А. Идеологическая борьба или психологическая война? / Э.А. Баталов, И.Е. Малашенко, Ю.Б. Кашлев. - М.: Политиздат, 1986. – 189 с.

10. Бауман, З. Мыслить социологически / З. Бауман; Пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. - М.: Аспект-пресс, 1996. - 254 с.
11. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин.-М.: Художественная литература, 1990. — 543 с.
12. Белоусова, Ю.В. Генезис образа и его функционирование в медиапространстве / Ю.В. Белоусова. - СПб.: Алетейя, 2015. - 130 с.
13. Бергельсон, М.Б. Лингвистический анализ стереотипов: баланс между текстом и смыслом/ М.Б. Бергельсон, А.Е. Некрасова // сб. ст. по материалам конф. «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». РГГУ, Москва. - 2010. - Вып. 9 (16). - С. 30-35.
14. Бессонов, Б.Н. Идеология духовного подавления / Б. Н. Бессонов. - М.: Мысль, 1971. - 294 с
15. Богдан, Е. Н. Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Богдан Елена Николаевна. - М.:, 2007. - 219 с.
16. Богдан, Е.Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики / Е.Н. Богдан // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. -2007. - №4. - С. 122-127
17. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. А. Качалова. - М.: ПОСТУМ, 2016. - 238 с.
18. Бурдьё, П. Различение: социальная критика суждения / П. Бурдьё; пер. с фр. О.И. Кирчик . - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 680 с.
19. Валуженич, А.В. Внешнеполитическая пропаганда США: Ист.-полит. очерк / А.В. Валуженич. - М.: Междунар. отношения, 1973. - 216 с.
20. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер; пер. с нем. Ю.Н. Давыдов. — М.: Прогресс, 1990. - 808 с.
21. Волкова, В.Б. Стереотип в процессах социального восприятия / В.Б. Волкова, Е.В. Малёко, М.В. Кривошлыкова // Манускрипт.- 2017. - Vol. 1 (75). - С. 67-70.

22. Галинская, Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике/ Т.Н. Галинская // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2013. - № 11. - С. 91-94.
23. Гасанов, И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага» / И.Б. Гасанов. - М.: РАУ, 1994. - 40 с.
24. Глебова, И. И. Коммуникативные измерения глобальных процессов / И. И. Глебова // Синтез цивилизации и культуры : Международный альманах. – 2003. – С. 243-256.
25. Головин, С.Ю. Словарь психолога-практика / С.Ю. Головин. – Минск : Харвест, 2007. – 976 с.
26. Горбачёв, М.С. Неоконченная история: три цвета времени : беседы М. С. Горбачёва с политологом Б. Ф. Славиним / М. С. Горбачёв, Б. Ф. Славин. – М.: Междунар. отношения, 2005. - 226 с.
27. Гречко, П. К. Постмодерный конструктивизм / П.К. Гречко // Вопросы социальной теории. -2013.- Том VII. - Вып. 1-2. - С. 25-42
28. Грицанов, А.А. Социология: энциклопедия Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. — Минск.: Книжный Дом, 2003.— 1312 с.
29. Гуо, Л. Расширенное представление об эффектах установления повестки дня. Изучение третьего уровня установления повестки дня / Л. Гуо, Ву Х. Тьен, М. МакКомбс // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2019. - № 4 (1). – С.62-83.
30. Давыдов, М. Е. Эволюция взглядов Дж. Л. Гэддиса на причины холодной войны/ М.Е. Давыдов // Вестник Томского государственного университета. - 2011. - № 343. - С. 90-94
31. Давыдов, С.Г. 2019. Маккомбс без Шоу: о новой волне исследований установления повестки дня / С.Г. Давыдов // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2019. - №4 (1). – С.196-199.
32. Дагаева, К. И. Особенности образа СССР на страницах американской прессы в последние годы существования Советского Союза / К. И. Дагаева //

- Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 147-160
33. Дагаева, К. И. Роль стереотипов в интерпретации образа России в инокультуре: от травелогов до современных медиа / К. И. Дагаева // Наука и школа. – 2024. – № 4. – С. 57-63.
34. Дагаева, К. И. Сравнительный анализ образа Б. Н. Ельцина в американской прессе / К. И. Дагаева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 156-166.
35. Данилова, А.А. Интерпретация текста и языковое манипулирование в текстах современных западных средств массовой информации / А.А. Данилова // Вопросы интерпретации текстов: лингвистика и история литературы. М.: МАКС-Пресс, 2004. - С. 66-78
36. Данилова, А.А. Лексические способы языкового манипулирования сознанием в западных средствах массовой информации / А.А. Данилова // Актуальные вопросы внешней и внутренней лингвистики. – Сборник статей преподавателей и аспирантов. Отв. ред. – профессор А.А. Волков, ред.-сост. А.А. Любимова. М.: Маск-Пресс, 2006. - С. 43-73
37. Данилова, А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А.А. Данилова. - М.: КДУ, 2014. – 234 с.
38. Данилова, А.А., Любимова Т.М. Феноменология речедеятельности на родном и иностранном языках в системе лингвистической самоидентификации личности, этноса и государства /А.А. Данилова, Т.М. Любимова // Информационные войны. - 2022. - № 2. - С. 77-82
39. Данилова, А.А. Интерпретация языкового манипулирования в контексте проблем адекватного перевода / А.А. Данилова // Теория и практика перевода. - М.: Издательство Тезаурус, 2005. - С. 22-28
40. Джоуэт, Г. С., Пропаганда и внушение/ Г.С. Джоуэт, В.О. Донелл // Реклама : внушение и манипуляция. Медиаориентированный подход . - Самара: Бахра-М, 2001. С. 186—208.

41. Добросклонская, Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов/ Т.Г. Добросклонская. - М.: УРСС Эдиториал, 2005. - 288 с.
42. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т.Г. Добросклонская. - М.: Флинта; Наука, 2008. - 264 с.
43. Драчева, Ю.Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах /Ю.Н. Драчева // Вестник Череповецкого государственного университета. - 2009. -№2 (89). - С. 134-146
44. Дубоссарская, М.Л. Свой-чужой-другой: к постановке проблемы /М.Л. Дубоссарская // Наука. Инновации. Технологии. -2008ю - № 1. - С. 167-174.
45. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение/ Э. Дюркгейм; пер. с фр. А. Гофман.- М.: Канон, 1995.— 352 с.
46. Ерофеев, Н.А. Туманный Альбион : Англия и англичане глазами русских, 1825-1853 гг. / Н. А. Ерофеев. - Москва : Наука, 1982. - 320 с.
47. Журавлёва, В. И. Понимание России в США : образы и мифы, 1881-1914 / В.И. Журавлёва. - М.: Изд. центр Российского гос. гуманитарного ун-та, 2012. - 1140 с.
48. Журавлёва, В.И. Общее прошлое русских и американцев = Common past of Russians and Americans : The common past of Russians and Americans : курс лекций / В.И. Журавлёва; пер. на англ. Дж. Маккензи. - М.: РГГУ, 2021. – 617 с.
49. Завадский, И.И. Информационная война - что это такое? / И.И. Завадский // «Конфидент». - 1996. - № 4. - С. 14-18
50. Зайцев, Е. Б. Межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве : На примере употребления словосочетаний - символов в материалах веб-сайта медиагруппы "Чайна Дэйли", КНР: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Зайцев Евгений Борисович. – М., 2003. – 199 с.
51. Зелянская, Н. Л. Медиаобраз политика: интернет-сообщество как агент политической реальности / Н.Л. Зелянская// Политическая лингвистика. - 2014. - № 4 (50). -С. 120-126

52. Земсков, В. Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты / В. Б. Земсков. — М.:«ЦГИ Принт», 2015. — 510 с.
53. Зубанова, Л. Б. Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации / Л. Б. Зубанова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2008. — № 2(14). — С. 6-17.
54. Зуляр, Ю.А. Идеология и реклама /Ю.А. Зуляр // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. - 2007. - №1. - С. 150-164.
55. Иванян, Э.В. Пропаганда на службе внешней политики США. Формы, методы и органы психологической войны США после второй мировой войны (1945-1965 гг.): автореф. дис. . канд. истор. наук: : 07.00.00 / Иванян Эдуард Александрович. - М., 1965. - 17 с.
56. Ивашев, А.А. Американская стратегия психологической войны против СССР на начальном этапе холодной войны : 1946-1953 гг.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / Ивашев Андрей Андреевич. - Краснодар, 2007. - 224 с.
57. Каменева, В.А.Манипуляция и/или пропаганда? Функциональные особенности социальной рекламы / В.А. Каменева // Политическая лингвистика. - 2013. - № 2. - 2013. — С. 35-39.
58. Каропова, С. Г. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект /С.Г. Каропова, С.В. Некрасов, А.Н. Пинчук // Вестник НГУЭУ. -2020. - № 4. - С. 212-229
59. Качмазова, А.У. Когнитивные механизмы этностереотипизации «Своих» и «Чужих» /А.У. Качмазова, Т.Ю. Тамерьян // Политическая лингвистика. - 2014.- №4. - С. 298-305
60. Кислякова, Е.Ю. Концептуальная триада «свой - чужой – иной» в английском и русском языках:Теоретико-методологический аспект/ Е.Ю. Кислякова, В.В. Соломина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2011. - № 3 (10). - С. 72-76.
61. Климова, С.Г. Критерии определения групп «мы» и «они» / С.Г. Климова // Социсследования. - 2002. - № 6. - С. 83-95

62. Ковалева, С.Е. Медиаобраз экрана в постсовременном пространстве: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 Ковалёва Светлана Евгеньевна. - Саранск, 2013. - 157 с.
63. Ковригина, М.С. Особенности отражения образов России в прессе США в период холодной войны : 1946-1991: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Ковригина Маргарита Саркисовна. – М., 2020. – 272 с.
64. Кожевникова, Т.А. К вопросу о лингвистической имагологии / Т.А. Кожевникова// Иностранные языки в высшей школе. - 2016. - № 3 (38). - С. 56-62
65. Колоницкий, Б. И. "Его превосходительство" "министр народной правды": А.Ф. Керенский в политическом сознании (март-апрель 1917 г.) / Б. И. Колоницкий // Власть, общество и реформы в России (XVI - начало XX века) : Материалы научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 08–10 декабря 2003 года / Санкт-Петербургский государственный университет; Российская Академия наук, Отделение историко-филологических наук; Санкт-Петербургский институт РАН. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. – С. 341-353
66. Кон, И.С. Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предрассудков) / И.С. Кон // Новый мир. - 1966. - №9. - С. 188-204
67. Конюхов, Н.И. Психологические термины и психокосмические концепции в истории, социологии, экономике, маркетинге, медицине / Конюхов Н. И. - Москва : Гарант. - 2018. - 500 с.
68. Короченский, А.П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка/ А.П. Короченский. - Ростов на Дону: Международный институт журналистики и филологии. 2002. -272 с. [С.22]
69. Котеленец, Е.А. Подмена понятий “Россия” и “СССР” в газете “The New York Times” (1946-1991) / Е.А. Котеленец, М.С. Затуловская // Научный диалог. - 2019. - № 4. - С.154-166

70. Красавченко, Т.Н. Золушка компаративистики – имагология: о статусе, теории и истории / Т.Н. Красавченко // Современная наука о литературе: основные тенденции и проблемы. – 2018. - № 2018. – С. 46-73.
71. Красных, В. В. Этнопсихология и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. - 284 с.
72. Крашенинникова, В.Ю. Россия - Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России / В.Ю. Крашенинникова. - Москва: Европа, 2007. - 388 с.
73. Кунина, А.Е. Идеологические основы внешней политики США/ А.Е. Кунина. - Москва : Политиздат, 1973. - 223 с.
74. Кцоева, Г.У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов / Г.У. Кцоева // Психологический журнал. - 1986. - № 2. - С. 41—51.
75. Лакер У. Гласность за рубежом: новое мышление в международной политике / У. Лакер // Проблемы Восточной Европы. – 1989. - № 25-26. – С. 105-137
76. Липман У. Общественное Мнение /У. Липпман ; перевод с английского Е. Абаевой. - Москва : АСТ, 2023. - 446 с.
77. Лотман Ю. М. Семиосфера / М.Ю. Лотман. - Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 2000. - 704 с.
78. Любимова, А.А. Языковые аспекты воздействия на общественное сознание : На сопоставительном материале средств массовой информации конца XX - начала XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Любимова Анна Александровна. – М., 2006. - 240 с.
79. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека / М. Маклюэн ; Пер. с англ. В.Г. Николаева. - М.; КАНОН-пресс-Ц ; Жуковский : Кучково поле, 2003. - 462 с.
80. Малышева, Е. Г. Формирование медиаобраза региона в федеральных телевизионных СМИ (на материале текстов об Омске) /Е.Г. Малышева, Н.А. Гриднев // Научный диалог. - 2016. - № 12 (60). - С. 134-144. [С. 136]

81. Мансурова, В.Д. Журналистская картина мира как тип социокультурной реальности: дисс. док. философ. наук : 09.00.11 / Мансурова Валентина Дмитриевна. - Барнаул, 2003. - 275 с.
82. Мансурова, В.Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации / В.Д. Мансурова. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. - 237 с.
83. Марущак, А.В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве / А.В. Марущак // Журналистский ежегодник. -2012. -№1.- С. 93-96
84. Марчан, К.В. Еще раз о функциях публицистического текста / Марчан К.В. // Матер. Международной науч.-практ. конф. «Журналистика в современном обществе: функции, проблематика и методы» (24 декабря 2010). – М.: ИГУМО и ИТ, 2011. – С. 172-174.
85. Марчан, К.В. От информационного противостояния и давления – к информационной войне / К.В. Марчан, В.В. Тулупов // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. - 2022. - № 1. - С. 135–140
86. Метелкина, Ю.С. Социальные стереотипы - процессы формирования, виды и использование в политике : Информационный подход: дисс. ... канд. социол. наук: 23.00.02 / Метелкина Юлия Сергеевна. - Новосибирск, 2002. - 142 с.
87. Минда, Л. Понятия «Имагология» и «Имиджелогия» в российской и китайской социогуманитарной науке /Л. Минда // Общество: философия, история, культура. - 2017. - №8. - С. 186-190.
88. Михальская, Н. П. Пути развития английского романа 1920—1930-х гг.: дис. ... докт. филол. наук : 10.00.00 / Михальская Нина Павловна. — Москва, 1968. - 979 с.
89. Новиков, А.Л. Этнические стереотипы в контексте межкультурной коммуникации: психологические и семантические аспекты / А.Л. Новиков, И.А. Новикова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика - 2019. - Vol. 10 (4). - С. 977-989
90. Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение : Открытие спирали молчания / Э. Ноэль-Нойман. - М.:Прогресс : Весь мир 1996. – 351 с.

91. Осипов, Г.В. Социологический энциклопедический словарь / Г.В. Осипов. - М.: ИНФРА-М, 1998. - 488 с.
92. Ощепков, А. Р. Образ России по французской прозе XIX века : дисс. ... док. филол. наук: 10.01.03 / Ощепков Алексей Романович. – М., 2011. - 410 с.
93. Ощепков, А.Р.Русский концентр во французском литературном сознании XIX века / А.Р. Ощепков, В.П. Трыков // Знание. Понимание. Умение. - 2010. - № 2. - С. 146-151.
94. Панина, М.Е. Понятийно-терминологические системы и методологии анализа образа "другого" в художественно-публицистических текстах / М.Е. Панина // Известия Восточного института. - 2015. - № 2 (26). - С. 80-89
95. Паустовский, К.Г. Крик среди ночи /К.Г. Паустовский/ Собрание сочинений в девяти томах. Том 4. Повесть о жизни. - М.: Худож.лит., 1981.- 734 с.
96. Пашковская, Т. Г. «Горби - человек, изменивший мир»: эволюция образа М. С. Горбачёва в англоязычной прессе (1985-1991 гг.) / Т.Г. Пашковская, Е.В. Шестиалтынова , Е.В. Токарев // Манускрипт. - 2019. - Vol. 12 (9). - С. 45-49.
97. Пашковский, П.И. Западные исследователи о роли М. Горбачёва в процессе дезинтеграции СССР / П.И. Пашковский // International scientific review. - 2016. - № 4 (14). - С. 272-274
98. Песков, Д. С. Остров Россия [Электронный ресурс] /Д. С. Песков // РБК. - 2022. 06.09. - - - Режим доступа: URL:<https://www.rbc.ru/opinions/economics/09/06/2022/62a0e95b9a79472d8b713207>
99. Платон, Диалоги / Платон; Пер. Н. Горбова. - М.: «Мысль», 1986. - 607 с.
100. Погорелко, А. М. Смысловые маркеры дискурса холодной войны / А.М. Погорелко, Т.Н. Герасина // Политическая лингвистика. - 2016. - №.2. - С. 93-101
101. Поляков, О. Ю. Образы и «Миражи» Хуго Дизеринка (к программе Аахенской школы компаративистики) / О.Ю. Поляков // Вестник Вятского государственного университета. - 2013. - №3 (1). - С. 121-125

102. Поляков, О.Ю. Имагология: теоретико-методологические основы / О.Ю. Поляков, О.А. Полякова. - Киров: ООО "Радуга-ПРЕСС", 2013. - 162 с.
103. Почепцов, Г.Г. . Информационные войны / Г. Почепцов. - Москва : Рефлбук : Ваклер, 2000. – 573
104. Пратчетт Т. Правда / Т. Пратчетт; Пер. Р. Деимидов.— «Эксмо», 1999. – 512 с.
105. Пронин, Е. И. Выразительные средства журналистики : дисс. ... док. филол. наук : 10.01.10 / Пронин, Евгений Иванович. – М., 1984. - 395 с.
106. Пронин, Е.И. Психологические проблемы современной журналистики / Е.И. Пронин// Журналистика в 2000 г. Реалии и прогнозы развития: Материалы международной конференции (Секция «Медиапсихология»). - М.: МГУ, 2001. - С. 7-14.
107. Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики / Е.П. Прохоров. — М.: Аспект Пресс, 2011. — 351 с.
108. Ржешевский, О.А. Война и история: буржуазная историография США о второй мировой войне / О. А. Ржешевский. - Москва : Мысль, 1984. - 333 с.
109. Ручкин, А. Б. От «врагов народа» до «друзей нации»: русская диаспора в российско-американском диалоге / А.Б. Ручкин // Знание. Понимание. Умение. — 2014. — № 2. — С. 40-50
110. Садохин, А.П. Основы этнологии / А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. - 351 с.
111. Саид, Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э.В. Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. — СПб.: Русский мир, 2006. — 639 с.
112. Севостьянов, Г.Н. Американская историография внешней политики США. 1945-1970 / Г. Н. Севостьянова. - М.: Наука, 1972. - 403 с
113. Сезонов, Т.В. Концептуализация медиаобраза IT-GIRL в российском медиапространстве глянцевого журналов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Сезонов Тихон Владимирович. – М., 2015. - 177 с.
114. Сенявский, А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования "образа врага" (на материалах российской истории XX в.) / А.С.

- Сенявский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. - 2006. - № 2. - С. 54-72.
115. Славин, Б. Ф. Методология анализа и понимания советской истории / Б. Ф. Славин. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2012. – С. 140-150.
116. Славин, Б. Ф. О социальной природе советского общества / Б. Ф. Славин // Свободная мысль. – 2013. – № 4(1640). – С. 207-218.
117. Современный толковый словарь русского языка/ гл. ред. С.А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
118. Солдаткина, Я. В. Современная словесность: актуальные тенденции в русской литературе и журналистике / Я.В. Солдаткина. — М.: Московский педагогический государственный университет, 2015. — 160 с.
119. Солдаткина, Я.В. Political media memes' persuasion and functioning in social media (Восприятие и функционирование политических медиаприемов в социальных медиа) / Я.В. Солдаткина, И.С. Кузнецов // Вестник Российского государственного университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. - 2017. - Т.22. - № 2. - С. 333-339.
120. Солдаткина, Я.В. Современный медиатекст: культурологические и функциональные свойства / Я.В. Солдаткина // Журналистика в контексте времени. Коллективная монография под ред. Т.Н. Владимировой, В.А. Славиной, Н.В. Кодола. М., МПГУ, 2020. С. 33-51
121. Солдаткина, Я.В., Славина В.А. Медиакультура как феномен информационной эпохи / Я.В. Солдаткина, В.А. Славина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. - 2021. - Т. 26.- № 2. -С. 286-293
122. Солдатова, Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. - М.: Смысл, 1998. - 389 с.
123. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин.- Москва: Политиздат, 1992. - 534 с.

124. Степин, В.С. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. III / Ин-т философии РАН; Нац. общ.-науч. фонд; науч.-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. - М.: Мысль, 2010.- 692 с.
125. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология: Практикум / Т.Г. Стефаненко. - М.: Аспект Пресс, 2006. – 208 с.
126. Столбникова, Е. А. Развитие критического мышления студентов педагогического вуза в процессе медиаобразования (на материале рекламы) : дис. ... канд. педагог. наук : 13.00.08 / Столбникова Елена Анатольевна. – Ростов-на-Дону, 2005. – 211 с.
127. Супонова, К. В. Стереотип как предмет научного изучения в отечественных исследованиях / К.В. Супонова // Дискуссия. - 2011. - №10. - С. 86-88
128. Татарко, А.Н. Методы этнической и кросскультурной психологии / А.Н. Татарко, Н.М. Лебедева. - М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. - 240 с.
129. Тер-Минасова, Д.И. Лингвокультурологические особенности трактовки термина "имидж" в русском языке / Д.И. Тер-Минасова // Англистика XXI века. - 2012. - С. 129-132.
130. Тиханович, А. Н. «Умом Россию не понять.»: авто- и гетеростереотипы / А.Н. Тиханович, К.В. Тиханович // Вестник Череповецкого государственного университета. - 2014. - № 6 (59). - С. 80-83
131. Трушина, Л.Е. Реклама в информационном пространстве современного общества / Л.Е. Трушина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. - 2007. - № 4. - С. 215-223
132. Трушина, Л.Е. Социокультурное значение рекламы / Л.Е. Трушина // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. - 2007. - № 3. - С. 160-164.
133. Трыков, В. П. Западная литературоведческая "россика" рубежа XX-XXI веков: основные фигуры, тенденции и подходы / В.П. Трыков, А.Р. Ощепков //

- Вестник Международной академии наук (Русская секция). - 2008. - № 2. - С. 70-75
134. Трыков, В.П. Имагология и имагопоэтика / В.А. Трыков // Знание. Понимание. Умение. - 2015. - № 3. - С. 120-129
135. Тулупова, К.В. Публицистическая природа дискурса / Тулупова К.В. // Средства массовой информации в современном мире: Молодые исследователи: Матер. VII межвуз. науч.-практ. конф. студ. и аспирантов. (г. Санкт-Петербург, 28 февраля – 1 марта 2008 г.). – СПб.: Лаборатория операт. печати фак-та жур-ки СПбГУ, 2008. – С. 268-270
136. Тулупова, К.В. Текст перед лицом современных лингвистических теорий/ К.В. Тулупова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. - 2006. – №2. - С. 228-230
137. Ужегова, З.А. Образ «новой» России на Западе : По материалам американской и британской прессы : дис. ... канд. культурол. наук : 24.00. / Ужегова Зарина Асурбековна. – М., 1999. - 228 с.
138. Узнародов, И.М. СССР и окончание холодной войны /И.М. Узнародов // Научная мысль Кавказа. - 2016. - №1 (85). - С. 27-37
139. Федоров, А.В. Медиаобразование: история, теория и методика / А. В. Федоров. – Ростов-на-Дону : Издательство "ЦВВР", 2001. – 708 с.
140. Федоров, А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности / А.В. Федоров. Таганрог: Таганрогский государственный педагогический институт, 2010. - 64 с.
141. Феллоуз, Э. У. «Пропаганда»: история слова / Э.У. Феллоуз // Политическая лингвистика. - 2009. - № 29. С. 155-159
142. Фрейнберг, А. Костин заявил о конце глобализации и «холодной войне 2.0» [Электронный ресурс]/ А. Фрейнберг // Ведомости, 14.06.2022 Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/14/06/2022/62abec439a7947583c1c1d32>
143. Хабермас, Ю. Структурные изменения публичной сферы / Ю.Хабермас ; Пер. с немецкого В. В. Иванова. - Москва : Весь Мир, 2016. - 342 с.

144. Хайдеггер, М. Время и бытие. Статьи и выступления / М.Хайдеггер; Пер. с нем. В. В. Бибихина. - Москва : Ad Marginem, 1997. - 451 с.
145. Хлебников, Г. В. Правила на журналистском поле: вклад Пьера Бурдьё в социологию средств массовой информации/ Г. В. Хлебников, Марльер Ф. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2003. – № 3. – С. 68-73
146. Хочунская, Л. В. Медиаобраз как диалог ценностей / Л.В. Хочунская. - М.: Российский университет дружбы народов, 2011. - 247 с.
147. Циденков, К. М. Холодная война нового типа: происхождение и перспективы России / К.М. Циденков // Актуальные проблемы современных международных отношений. - 2015. - №6. С. 130-135
148. Черкасова, М. Н. Медиасобытие и медиаобраз с точки зрения медиалингвистики и медиакритики (на примере языка вражды) / М. Н. Черкасова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 18(89). – С. 250-257
149. Чернышов, Ю.Г. Дискуссии о ксенофобии и этноконфессиональных конфликтах (предисловие ответственного редактора)/ Ю.Г. Чернышов // Дневник Алтайской школы политических исследований. - 2006. - № 22. - С. 3-10.
150. Чернявская, Ю.В. Психология национальной нетерпимости /Ю. В. Чернявская. – - Минск : Харвест, 1998. - 511 с
151. Шампарова, С.И. Образ России в американском медиа дискурсе : вторая половина XX – начало XXI века : дис. ... канд. культурол. наук : 24.00.01 / Шампарова Светлана Игоревна. - Иваново, 2022. - 129 с.
152. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр; Пер. с нем. Ю.И. Айхенвальд. – М.: Харвест, 2007. – 848 с.
153. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер; пер. Н. Ф. Гарелина. - Новосибирск : ВО "Наука", 1993. – 674 с.

154. Щукин, Д.А. Интерпретация образа врага в моральном дискурсе : дис. ... канд. философ. наук : 09.00.05 / Щукин Денис Андреевич. - Санкт-Петербург, 2012. - 193 с.
155. Южакова, Ю.В. Этнические стереотипы в английском политическом дискурсе / Ю.В. Южакова, Л.С. Полякова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. - 2018. - № 7(85). - С. 199-202
156. Юсупова, А.М. Журналистика как фактор формирования социальных иллюзий : на примере общественно-политических изданий Уральского федерального округа : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Юсупова Альбина Муратжановна. - Екатеринбург, 2016. - 228 с.
157. Ядов, В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности / В.А. Ядов // Социальная психология : хрестоматия / сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – Москва : Аспект Пресс, 2000. – С. 416-432.
158. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; Пер. с нем. М.И. Левина. - М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
159. Allport, G.W. The Nature of Prejudice / G.W. Allport. - Cambridge: Addison-Wesley Pub. Co., 1954. - 350 p.
160. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. New-York: Verso, 1983. - 160 p.
161. Bailey, T.A. America Faces Russia: Russian-American Relations From Early Times to Our Own Day / T.A. Bailey. – New York : Cornell University Press, 1950. – 375 p.
162. Barkhoff, J. National Stereotyping, Identity Politics, European Crises/ J. Barkhoff, J. Leerssen // Studia Imagologica. Brill. - 2021. - Vol. 27. - P. 1-12
163. Blažević, Z. Global Challenge: The (Im)Possibilities of Transcultural Imagology / Z. Blažević // Umjetnost riječi. - 2014. - Vol.58. - P.355–367
164. Bolkhovitinov, N.N. The Beginnings of Russian-American Relations: 1775-1815 / N.N. Bolkhovitinov. - Massachusetts: Harvard University Press, 1975. - 594 p.
165. Cadot, M. La Russie dans la vie intellectuelle française (1839-1856) / M. Cadot. - Paris: Fayard, 1967. – 643 p.

166. Carré, J.-M. Les écrivains français et le mirage allemand. 1800-1940 /J.-M. Carré. - Paris: Boivin, 1947. - 223 p.
167. Charlier, G. Jourda (Pierre). L'Exotisme dans la littérature française depuis Chateaubriand. Le Romantisme /G. Charlier // Revue belge de philologie et d'histoire. - 1939. - Vol. 18. - P. 541-542
168. Chermann, Ch. National Images in Visual Narratives: The (Re)Presentation of National Characters in the Flemish Comic Series Suske en Wiske /Ch. Chermann // Studia Imagologica. - Vol. 30. - 2022. - P. 349–369
169. Chua-Eoan, H. Inside the red border : a history of our world, told through the pages of TIME magazine / ed. H. Chua-Eoan // New York, NY : Time Home Entertainment, 2013. - 272 p.
170. Corbet, Ch. A l'ère des nationalismes. L'Opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894) / Ch. Corbet. -Paris: Didier, 1967. – 330 p.
171. Cortese, J. Internet Learning and the Building of Knowledge / J. Cortese. NY: Cambria Press, 2007. - 216 p.
172. Cox, A.M. In a National Tailspin, the Soviet Union Must Fill the Power Vacuum : Reform: Leaders try to link a fragmenting union. But Western aid is key, and that depends on a central government [Электронный ресурс] /A.M. Cox // Los Angeles Times. - Sept. 29, 1991 12 AM PT. - Режим доступа: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1991-09-29-op-4446-story.html>
173. Cross, S. Mikhail Gorbachev: Legacy of a Leader Who Changed the World [Электронный ресурс]/ S. Cross // Wilson Center. - September 9, 2022. - Режим доступа: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/mikhail-gorbachev-legacy-leader-who-changed-world>
174. Danesi, M. Dictionary of media and communications /M. Danesi. - N.Y.: Sharpe, 2009. - 333 p.
175. Doorslaer, L. Stereotyping by Default in Media Transfer / L. Doorslaer // Studia Imagologica. Brill. - 2021. - Vol. 27. - P. 205-220
176. Dukić, D. Axiological Foundations of Imagology /D. Dukić // New Perspectives on Imagology. Brill. - 2022. - Vol. 30. - P. 70–92

177. Dukić, D. *Imagology today: Achievements, Challenges, Perspectives: Imagologie heute: Ergebnisse, herausforderungen, Perspektiven* / D. Dukić. - Berlin: Bouvier Verlag, 2012. - 212 p.
178. Dyserinck, H. *Ausgewählte Schriften zur Vergleichenden Literaturwissenschaft* / H. Dyserinck. - Berlin: Frank & Timme, 2015. - 316 p.
179. Dyserinck, H. *Zum Problem der "images" und "mirages" und ihrer Untersuchung im Rahmen der Vergleichenden Literaturwissenschaft* /H. Dyserinck // *Arcadia*. - 1966.- P. 107-120
180. Dyserinck, H. *Komparatistische Imagologie und ethnische Identitätsproblematik* /H. Dyserinck // *Bilder vom Eigenen und Fremden aus dem Donau-Balkan-Raum: Analysen literarischer und anderer Texte*, ed. G. Schubert and W. Dahmen. - München: Südosteuropa-Gesellschaft, 2003. – P. 15-36.
181. Edtstadler, K. *Introduction New Perspectives on Imagology* / K.Edtstadler, S. Folie, G. Zocco // *Studia Imagologica*. - Vol. 30. - 2022. - P. 1-46
182. Engerman, D.C. *Ideology and the origins of the Cold War, 1917-1962* /. D.C. Engerman // *Cambridge History of the Cold War*. – 2010. – Vol. 1. – P. 20-45
183. Erb, R. *Die Diskriminierung von Minderheiten—Wie entstehen Vorurteile? // Entfesselte Feindbilder. Über die Ursachen und Erscheinungsformen von Fremdenfeindlichkeit*. - Berlin: Edition Sigma, 1995. - P. 12–24.
184. Fellows, E. W. *Propaganda: ' History Of A Word* / E.W.Fellows // *American Speech* 34. *American Speech*. -1959. - P.182--189
185. Fischer, M.S.*Komparatistische Imagologie. Für eine interdisziplinäre Erforschung national-imagotyper Systeme* / M.S. Fischer // *Zeitschrift für Sozialpsychologie*. - 1979. - Vol. 10. P. 30–44
186. Fiske, J.*Reading television* /J. Fiske, J.Hartley. - London:Routledge, 1978. – 200 p.
187. Flynn, P. *On Translated Images, Stereotypes and Disciplines* / P. Flynn, J. Leerssen, L. Doorslaer // *Interconnecting Translation Studies*. -2015. - P. 2–18

188. Foglesong, D.S. The American mission and the “Evil Empire”: the crusade for a “Free Russia” / D.S. Foglesong. - New York: Cambridge University Press, 2007. - 352 p
189. Fowler, C. Chasing Tales. Travel Writing, Journalism and the History of British Ideas about Afghanistan / C. Fowler. - Amsterdam, New York: Rodopi, 2007.- 283 p.
190. Gaddis, J.L. The United States and the end of the cold war: implications, reconsiderations, provocations / J.L. Gaddis. - New York: Oxford University Press, 1992. - 320 p.
191. Gaddis, J.L. The Cold War. A new history / J.L. Gaddis. - New York : Penguin Press, 2005. – 352 p.
192. Gaddis, J.L. The long peace / J.L. Gaddis. - New York: Oxford University Press, 1987. - 352 p.
193. Gaddis J.L. The Cold War. A New History / J.L. Gaddis. - New York : Penguin Press, 2005. – 352 P.
194. Gaddis, J.L. The United States and the origins of the cold war, 1941-1947 / J.L. Gaddis. - New-York:Oxford University Press, 1972. - 396 p.
195. Göttlich U. Mass Media / U. Göttlich // *Imagology. The cultural construction and literary representation of national characters.* - Amsterdam, New York: Rodopi, 2007. - P. 354–357
196. Gosser, P. Les temps de la guerrefroide: reflexions sur l’histoire de la guerre froide et sur les causes de sa fin / P. Gosser.- Paris: Edition Complexe, 1995.- 465 p.
197. Guyard, M.-F. La littérature comparée / F.-M.Guyard. - Paris: PUF, 1951. – 128 p.
198. Hafez, K. Die politische Dimension der Auslandsberichterstattung. /K. Hafez. - Baden-Baden: Nomos, 2002. - 211 p.
199. Horz, A. “... the first singer, a born German”: Notions of Nationality as a Field of Conflict in Operatic Music of the 1770s. / A. Horz // *Studia Imagologica.* - Vol. 30. - 2022. - P. 403–417
200. *Imagologica [Электронный ресурс]* / Bibliographyю - Зужим доступа: <https://imagologica.eu/bibliography>

201. Irwin, W.H. Propaganda and the News: Or, What Makes You Think So? / W. H. Irwin. - New York: Praeger, 1970. - 325 p.
202. James, W. The Principles of Psychology / W. James. - New York: Henry Holt and Company, 1918. - 689 p.
203. Jenkins, H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide / H. Jenkins. - New York : New York University Press, 2006. - 336 p.
204. Jones, J. The Kremlin's second in command, Mikhail Gorbachev / J. Jones. - New York: UPI NewsTrack, 1985. - P. 13-20
205. Jourda, P. L'exotisme dans la littérature française depuis Chateaubriand. Le romantisme/ P. Jourda. - Paris: Boivin, 1938. - 210 p.
206. Kaplan S. Cognitive Maps in Perception and Thought / S. Kaplan // Image and Environment: Cognitive Mapping and Spacial Behavior, Chicago: Aldine, 1973. - P.63-78
207. Kempster, N. Washington in High Gear for the Coup : Soviet Union: Moscow-watchers could do little but observe during the last hectic weeks. Now a reappraisal is beginning [Электронный ресурс] / N. Kempster // Los Angeles Times, 31/08/1991. - Режим доступа: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1991-08-31-mn-1243-story.html>
208. Leerssen, J. Enmity, Identity, Discourse: Imagology and the State / J. Leerssen // Studia Imagologica. - Vol. 30. - 2022. - P. 49-69.
209. Leerssen, J. Imagology: On using ethnicity to make sense of the world / J. Leerssen // Les stéréotypes dans la construction des identités nationales depuis une perspective transnationale. - 2016. - Vol. 10. - P. 13-31
210. Leerssen, J. Research [Электронный доступ] / J. Leerssen. - Режим доступа: <https://leerssen.nl/research/researchintro>
211. Leerssen, J. Studia Imagologica: Amsterdam Studies on Cultural Identity / J. Leerssen, Y. Rodríguez Pérez // Studia Imagologica. Leiden, The Netherlands: Brill. - 1992 - Vol. 1. - P. 2-22.
212. Leerssen, J. The Rhetoric of National Character: A Programmatic Survey / J. Leerssen // Poetics Today 21. -2000. - №2. - P. 267–292.

213. Leffler, M.P. For the soul of mankind: the United States, the Soviet Union, and the Cold War / M.P. Leffler. - New-York:Hill and Wang, 2008. – 608 p.
214. Leffler, M.P. Origins of the Cold War/ M.P. Leffler, D.S. Painter.- Oxon:Abingdon, 2005.- 368 p.
215. Lippmann, W. Public opinion / W.Lippmann.-New York: Macmillan, 1922. – 427 p.
216. London, J. Revolution and Other Essays / J. London. - M.:RUGRAM. - 2018. - 192 p.
217. Lortholary, A. Le Mirage russe en France au XVIII siècle / A. Lortholary. - Paris: Boivin, 1951. – 411 p.
218. Lozinski, G. La Russie dans la littérature française du Moyen âge / G. Lozinski // Revue des études slaves. - 1929. -T. IX.-№ 1-2. -P.71-88; 253-269.
219. Mansuy, A. Le monde slave et les classiques français aux XVI-XVII siècles / A. Mansuy. - Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion, éditeur, 1912. - 510 p.
220. Matlock, J. F. Autopsy on an Empire: the American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union / J.F. Matlock. - New York: Random House, 1995. - 836 p.
221. Mccombs, M. Agenda-setting Function of Mass Media. Public Opinion / M. Mccombs, D.L. Shaw, D.L. // The Public Opinion Quarterly. - 1972. - Vol. 36 (2). - 176–187 p.
222. McLuhan, M. Understanding Media: The Extensions of Man / M. McLuhan. - New-York: McGraw-Hill, 1964. - 359 p.
223. National Stereotyping, Identity Politics, European Crises // Studia Imagologica. - Vol. 27. - 2021. - 284 p.
224. Nazi Characters in German Propaganda and Literature // Studia Imagologica. - Vol. 24. - 2018. - 151 p.
225. New Perspectives on Imagology // Studia Imagologica. - Vol. 30. - 2022. - 432 p.
226. Newswires, J. In This Power Game Moscow's Mayor Wears a Headband [Электронный ресурс] /J. Newswires // The Wall Street Journal. - 10.11.97. - Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB876521312528188000>

227. Nicklas H. Die Rolle von Images in der Politik. Die Ideologie und ihre Bedeutung für die Imagebildung am Beispiel des Ost-West-Konflikts /H. Nicklas, A. Ostermann // Völker und Nationen im Spiegel der Medien. Arbeitshilfen für die politische Bildung, 1989. - P. 22–35.
228. Orwell, G. You and the Atomic Bomb [Электронный ресурс] /G. Orwell // Tribune. — GB, London. — October 19, 1945. - Режим доступа: https://orwell.ru/library/articles/ABomb/english/e_abomb
229. Otten, S., Matschke K. 2008. Dekategorisierung, Rekategorisierung und das Modell wechselseitiger Differenzierung /S. Otten, K. Matschke K. // Stereotype, Vorurteile und soziale Diskriminierung. Theorien, Befunde und Interventionen. - Weinheim: Beltz, 2008. - P. 292–300
230. Quasthoff, U. Soziales Vorurteil und Kommunikation. Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps / U. Quasthoff. - Frankfurt am Main: Athenaeum, 1973. - 312 p.
231. Reagan, R. Address to the National Association of Evangelicals ("Evil Empire Speech") [Электронный ресурс] / R. Reagan // Voices of Democracy: The U.S. Oratory Project. University of Maryland, College Park. - 1983. - March 8. - Режим доступа: <https://voicesofdemocracy.umd.edu/reagan-evil-empire-speech-text/>
232. Sagan S. Nuclear Instability in South Asia / S. Sagan // The Use of Force. Military Power and International Politics. - 2004. - P. 370–381.
233. Schäfer, B. Entwicklungslinien der Stereotypen- und Vorurteilsforschung / B. Schäfer // Vorurteile und Einstellungen. Sozialpsychologische Beiträge zum Problem sozialer Orientierung. Festschrift für Reinhold Bergler. - Cologne: Deutscher Instituts-Verlag, 1988. P. - 11–65
234. Squires, J. D. British Propaganda at Home and in the United States from 1914 to 1917 / J.D. Squires. -Cambridge, Mass., 1935. - 113 p.
235. Studia Imagologica. Amsterdam Studies on Cultural Identity [Электронный ресурс] // Brill. - Режим доступа: <https://brill.com/display/serial/IMAG>

236. Syndram, K.U. The Aesthetics of Alterity: Literature and the Imagological Approach /K.U. Syndram // Yearbook of European Studies. -1991. - Vol. 4. - P. 177–191
237. Szczypa, P. Irish Stereotype in American Cinema / P. Szczypa // Studia Imagologica. - Vol. 29. - 2021. - 261 p.
238. Sault, R. Rethinking theory and history in the cold war: The state Military Power and Social Revolution / R. Sault. - London:Routledge, 2001. – 256 p.
239. Tannenwald, N. The Nuclear Taboo: the United States and Normative Basis of Nuclear Non-Use /N. Tannenwald // International Organization. - 1999. - Vol. 53(3). - P. 433–468
240. Thiele, M. Categories, Stereotypes, Images, and Intersectionality / M. Thiele// Studia Imagologica. - Vol. 30. - 2022. - P. 277–296.
241. Vlasta, S. Imagology and the Analysis of Identity Discourses in Late Eighteenth- and Nineteenth-Century European Travel Writing by Charles Dickens and Karl Philipp Moritz /S. Vlasta // Studia Imagologica. - Vol. 30. - 2022. - P. 112–127.
242. Vulto, R. Singing the Dutch: An Extended Imagological Approach to Constructions of “Dutchness” in Late Eighteenth-Century Political Songs /R. Vulto // Studia Imagologica. - Vol. 30. - 2022. - P. 385–402.
243. Wellek, R. The Crisis of Comparative Literature / R. Wellek // The Princeton Sourcebook in Comparative Literature: From the European Enlightenment to the Global Present, edited by David Damrosch, Natalie Melas, and Mbongiseni Buthelezi. - Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009. - P.161-172
244. Wellek, R.The Concept of Comparative Literature / R. Wellek // Yearbook of Comparative and General Literature. - 1953. - №2. - P 1–5
245. Wilke, J. Imagebildung durch Massenmedien / J. Wilke // Völker und Nationen im Spiegel der Medien. - Bonn:Arbeitshilfen für die politische Bildung, 1989. - P. 11-21
246. Wilson, W. The New Democracy: Presidential Messages, Addresses, and Other Papers (1913-1917) /W. Wilson. - New York: Harper, 1926, - 955 p.

247. Windahl, S. Using communication theory. An introduction to planned communication / S. Windahl, B. Signitzer, J.T. Olson. - London: SAGE Publications, 1992. -312 p.
248. Woolf, L. Inventing Eastern Europe The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment / L. Woolf. - California: Stanford university press, 1994. – 419 p.

Источники

Commentary

249. Alexander, E. Shcharansky's Secret [Электронный ресурс] / E. Alexander // Commentary. - 1986. -October. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/edward-alexander/shcharanskys-secret/>
250. Bell, D. American Jews and Israel – A Symposium [Электронный ресурс] / D. Bell // Commentary. - 1988. - February. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/lionel-abel-2/american-jews-and-israel-a-symposium/>
251. Besançon, A. Gorbachev Without Illusions [Электронный ресурс] / Besançon// Commentary. - 1988. -April. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/alain-besancon/gorbachev-without-illusions/>
252. Breindel, E.M. Do Spies Matter? [Электронный ресурс] / E. M. Breindel // Commentary. - 1988. - March. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/eric-breindel-2/do-spies-matter/>
253. Bukovsky, V. The Soviet Union / by Our Readers [Электронный ресурс] / V. Bukovsky// Commentary. - 1987. - February. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/reader-letters/the-soviet-union/>
254. Bukovsky, V. To the Editor [Электронный ресурс] / V. Bukovsky // Commentary. - 1988. - November. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/reader-letters/glasnost/>
255. Bukovsky, V. What to Do About the Soviet Collapse [Электронный ресурс] / V. Bukovsky // Commentary. - 1991. - September. - Режим доступа:

- <https://www.commentary.org/articles/vladimir-bukovsky/what-to-do-about-the-soviet-collapse/>
256. Bukovsky, V. Will Gorbachev Reform the Soviet Union? [Электронный ресурс] / V. Bukovsky // Commentary. - 1986. - September. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/vladimir-bukovsky/will-gorbachev-reform-the-soviet-union/>
257. Codevilla, A. How Eminent Physicists Have Lent Their Names to a Politicized Report on Strategic Defense [Электронный ресурс] / A. Codevilla // Commentary. - 1987. - September 1987. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/angelo-codevilla/how-eminant-physicists-have-lent-their-names-to-a-politicized-report-on-strategic-defense/>
258. Codevilla, A. KGB: The Inside Story, by Christopher Andrew and Oleg Gordievsky [Электронный ресурс] / A. Codevilla // Commentary. - 1991. - February 1991. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/angelo-codevilla/kgb-the-inside-story-by-christopher-andrew-and-oleg-gordievsky/>
259. Eberstadt, N. The Latest Myths About the Soviet Union[Электронный ресурс] / N. Eberstadt // Commentary. - 1987. - May. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/nick-eberstadt/the-latest-myths-about-the-soviet-union/>
260. Epstein, E. J. Petropower and Soviet Expansion [Электронный ресурс] / E.J. Epstein // Commentary. - 1986. - July. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/edward-epstein-3/petropower-and-soviet-expansion/>
261. Epstein, J. The American 80's: Disaster or Triumph? / Symposium [Электронный ресурс] / E.J. Epstein // Commentary. - 1990. - September. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/william-phillips-3/the-american-80s-disaster-or-triumph/>
262. Fairbanks, Ch. H. Gorbachev's Cultural Revolution [Электронный ресурс] / Ch. H. Fairbanks // Commentary. - 1989. - August. - Режим доступа:

- <https://www.commentary.org/articles/charles-fairbanks-2/gorbachevs-cultural-revolution/>
263. Forbes, J. To the editor. The Soviet Threat [Электронный ресурс] / J. Forbes // Commentary. - 1989. - March. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/reader-letters/the-soviet-threat/>
264. Friedberg, M. Utopia in Power: The History of the Soviet Union from 1917 to the Present, by Mikhail Heller and Aleksandr M. Nekrich [Электронный ресурс] / M. Friedberg // Commentary. -1987. - March. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/maurice-friedberg-2/utopia-in-power-the-history-of-the-soviet-union-from-1917-to-the-present-by-mikhail-heller-and-aleksandr-m-nekrich/>
265. Gilder, G. The American 80's: Disaster or Triumph? [Электронный ресурс] / G. Gilder // Commentary. - 1990. - September. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/william-phillips-3/the-american-80s-disaster-or-triumph/>
266. Glynn, P. The Dangers Beyond Containment [Электронный ресурс] / P. Glynn // Commentary. - 1989. - August. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/patrick-glynn/the-dangers-beyond-containment/>
267. Gottfried, P. Buchanan Pro & Con Our Readers [Электронный ресурс] / P. Gottfried // Commentary. - 1991. - May. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/reader-letters/buchanan-pro-con/>
268. Greenberg, A.S. Gorbachev's Russia / by Our Readers [Электронный ресурс] / A.S. Greenberg // Commentary. - 1990. - July. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/reader-letters/gorbachevs-russia/>
269. Grivnina, I. Soviet Dissidents / by Our Readers [Электронный ресурс] / I. Grivnina // Commentary. -1988. - November. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/reader-letters/soviet-dissidents/>
270. Harries, O. Mortal Rivals, by William G. Hyland [Электронный ресурс] / O. Harries // Commentary. - 1987. - November. - Режим доступа:

- <https://www.commentary.org/articles/owen-harries-2/mortal-rivals-by-william-g-hyland/>
271. Harries, O. The Cold War & the Intellectuals [Электронный ресурс] / O. Harries // Commentary. - 1991. - September. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/owen-harries-2/the-cold-war-the-intellectuals/>
272. Herf, J. Peace and Survival, by David Gress [Электронный ресурс] / J. Herf // Commentary. - 1986. - February. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/jeffrey-herf/peace-and-survival-by-david-gress/>
273. Hook, S. Philosophy & Faith / by Our Readers [Электронный ресурс] / S. Hook // Commentary. - 1987. - November. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/reader-letters/philosophy-faith/>
274. Johnston, W. The Grand Failure, by Zbigniew Brzezinski [Электронный ресурс] / W. Johnston // Commentary. - 1989. - July. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/whittle-johnston/the-grand-failure-by-zbigniew-brzezinski/>
275. Judis, J.B. The American 80's: Disaster or Triumph? / Symposium [Электронный ресурс] / J.B. Judis // Commentary. - 1990. - September. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/william-phillips-3/the-american-80s-disaster-or-triumph/>
276. Kagedan, A. Gorbachev and the Jews [Электронный ресурс] // Commentary. - 1986. - May. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/allan-kagedan/gorbachev-and-the-jews/>
277. Kennedy, P. The American 80's: Disaster or Triumph? / Symposium [Электронный ресурс] / P. Kennedy // Commentary. - 1990. - September. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/william-phillips-3/the-american-80s-disaster-or-triumph/>
278. Kramer, H. The Importance of Sidney Hook [Электронный ресурс] / H. Kramer // Commentary. - 1987. - August. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/hilton-kramer-2/the-importance-of-sidney-hook/>

279. Laqueur, W.Z. Glasnost & Its Limits [Электронный ресурс] / W.Z. Laqueur // Commentary. - 1988. - July. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/walter-laqueur/glasnost-its-limits/>
280. Luttwak, E.N. Gorbachev's Strategy, and Ours [Электронный ресурс] / E.N. Luttwak // Commentary. - 1989. - July. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/edward-luttwak-2/gorbachevs-strategy-and-ours/>
281. Malia, M. The Hunt for the True October [Электронный ресурс] / M. Malia // Commentary. - 1991. - October. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/martin-malia/the-hunt-for-the-true-october/>
282. Novak, M. "Pledging Allegiance" / To the Editor [Электронный ресурс] / M. Novak // Commentary. - 1991. - April. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/reader-letters/pledging-allegiance/>
283. Novak, M. Pledging Allegiance, by Sidney Blumenthal [Электронный ресурс] / M. Novak // Commentary. - 1990. - December. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/michael-novak-2/pledging-allegiance-by-sidney-blumenthal/>
284. Novak, M. The American 80's: Disaster or Triumph? / Symposium [Электронный ресурс] / M. Novak // Commentary. - 1990. - September. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/william-phillips-3/the-american-80s-disaster-or-triumph/>
285. Orlov, Y. Before and After Glasnost [Электронный ресурс] / Y. Orlov // Commentary. - 1988. - October. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/yuri-orlov/before-and-after-glasnost/>
286. Pipes, R. Gorbachev's Russia: Breakdown or Crackdown? [Электронный ресурс] / R. Pipes // Commentary. - 1990. March. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/richard-pipes-2/gorbachevs-russia-breakdown-or-crackdown/>
287. Pipes, R. Team B: The Reality Behind the Myth [Электронный ресурс] / R. Pipes // Commentary. - 1986. - October. - Режим доступа:

<https://www.commentary.org/articles/richard-pipes-2/team-b-the-reality-behind-the-myth/>

288. Pork, A. To the Editor. Glasnost [Электронный ресурс] / A. Pork // Commentary. - 1989. - June. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/reader-letters/glasnost-2/>
289. Puddington, A. Dissidents in Decline [Электронный ресурс] / A. Puddington // Commentary. - 1985. - December. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/arch-puddington-2/soviet-dissent-by-ludmilla-alexeyeva-soviet-psychiatric-abuse-by-sidney-bloch-and-peter-reddaway/>
290. Puddington, A. Ethiopia: The Communist Uses of Famine [Электронный ресурс] / A. Puddington // Commentary. - 1986. - April. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/arch-puddington-2/ethiopia-the-communist-uses-of-famine/>
291. Puddington, A. Life Under Communism Today [Электронный ресурс] / A. Puddington // Commentary. - 1989. - February. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/arch-puddington-2/life-under-communism-today/>
292. Puddington, A. Soviet Dissent, by Ludmilla Alexeyeva; Soviet Psychiatric Abuse, by Sidney Bloch and Peter Reddaway [Электронный ресурс] / A. Puddington // Commentary. - 1985. - December. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/arch-puddington-2/soviet-dissent-by-ludmilla-alexeyeva-soviet-psychiatric-abuse-by-sidney-bloch-and-peter-reddaway/>
293. Puddington, A. The Anti-Cold War Brigade [Электронный ресурс] / A. Puddington // Commentary. - 1990. - August. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/arch-puddington-2/the-anti-cold-war-brigade/>
294. Revel, J.-F. Hastening the Death of Communism [Электронный ресурс] / J.-F. Revel // Commentary. - 1989. - October. - Режим доступа:<https://www.commentary.org/articles/jean-franois-revel/hastening-the-death-of-communism/>

295. Revel, J.-F. Is Communism Reversible? [Электронный ресурс] / J.-F. Revel // Commentary. - 1989. - January. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/jean-franois-revel/is-communism-reversible/>
296. Rosen, S. Star Wars, by Alun Chalfont [Электронный ресурс] / S. Rosen // Cmmentary. - 1986. - July. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/stephen-rosen/star-wars-by-alun-chalfont/>
297. Sharansky, N. As I See Gorbachev [Электронный ресурс] / N. Sharansky // Commentary. - 1988. - March. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/natan-sharansky-3/as-i-see-gorbachev/>
298. Steinberg, G.M. Star Warriors, by William J. Broad / G. M. Steinberg // Commentary. - 1986. - March. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/gerald-steinberg/star-warriors-by-william-j-broad/>
299. Sutherland, P.E. To the Editor [Электронный ресурс] / P.E. Sutherland // Commentary. - 1988. - September. - Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/reader-letters/dorris-lessing/>

Time

300. ABC NEWS Revolt Against Communism [Электронный ресурс] // Time. - 1989. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/covers/0,16641,19890619,00.html>
301. Afanasyev, Y. The Soviet Empire: Essay: Why the Empire Should Crumble / Y. Afanasyev [Электронный ресурс] // Time. - 1990. - Monday, Mar. 12. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,969598,00.html>
302. Aikman, D. Interview with Boris Yeltsin: One Bear Of a Soviet Politician [Электронный ресурс] / D. Aikman // Time. - 1989. - Mar. 20. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,957279,00.html>

303. Aikman, D. Portrait of A Populist [Электронный ресурс] /D. Aikman // Time. - 1991. - Mar. 25. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972589,00.html>
304. Aikman, D. Rising Star: The Man Who Rules Russia [Электронный ресурс] / D. Aikman // Time. -1991. - Monday, Sept. 02. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973731,00.html>
305. Aikman, D. Soviet Union: A Call to Civil War?! [Электронный ресурс] /D. Aikman // Time. -1991. - Mar. 04. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972456,00.html>
306. Avakian-Woodfin Camp, A. Boris Eltsin. Russia's Maverick [Электронный ресурс] /A. Avakian-Woodfin Camp // Time. - 1991. -March 25. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/covers/0,16641,19910325,00.html>
307. Blackman, A. Soviet Union In the School of Democracy [Электронный ресурс] / A. Blackman // Time. - 1989. - Monday, Oct. 16. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,958779,00.html>
308. Blake, P. Beyond The Wildest Expectations [Электронный ресурс] /P. Blake // Time. - 1988. -Monday, July 18. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,967908,00.html>
309. Blake, P. Press: Different Degrees of Candor [Электронный ресурс] /P. Blake // Time. - 1986. -December 15. - Режим доступа: <https://time.com/archive/6679803/press-different-degrees-of-candor/>
310. Blake, P. Soviet Union: Rise of a Secret Policeman [Электронный ресурс] / P. Blake // Time. - 1982. -Monday, June 07. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,951779,00.html>
311. Bossu R. Eduard Shevardnadze [Электронный ресурс] / R. Bossu // Time. - 1989. -May 15. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/covers/0,16641,19890515,00.html>
312. Brosan, R. Changing U.S.S.R. [Электронный ресурс] /R. Brosan // Time. -1989. - April 10. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/covers/0,16641,19890410,00.html>

313. Carney, J. A Country of Skeptics [Электронный ресурс] / J. Carney // Time. - 1991. - Monday, Sept. 09. - Режим доступа: <https://time.com/archive/6718496/a-country-of-skeptics/>
314. Church, G.J. Fresh Air, Fresh Ideas [Электронный ресурс] / G.J. Church// Time. - 1989. - Oct. 02. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,958669,00.html>
315. Church, G. J. Escalating the Propaganda War [Электронный ресурс] / G.J. Church // Time. - 1985. -Monday, Sept. 16. -. Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,959825,00.html>
316. Church, G. J. Soviet Union Next: A Crackdown - Or a Breakdown? [Электронный ресурс] / G.J. Church // Time. - 1990. -Monday, Dec. 31. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972080,00.html>
317. Church, G. J. Soviet Union Time of Troubles [Электронный ресурс] / G.J. Church // Time. - 1990. -Nov. 12. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,971668,00.html>
318. Church, G.J. Dustup in Moscow [Электронный ресурс] / G.J. Church // Time. - 1985. - Monday, Sept. 02. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,959699,00.html>
319. Church, G.J. Postmortem Anatomy of A Coup [Электронный ресурс] / G.J. Church // Time. - 1991. - Monday, Sept. 02. - Режим доступа: <https://time.com/archive/6718472/postmortem-anatomy-of-a-coup/>
320. Church, G.J. Soviet Union: Boris Looks Westward [Электронный ресурс] / G.J. Church // Time. - 1991. -June 24. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973255,00.html>
321. Church, G.J. Soviet Union: Who's That Man With the Tin Cup? [Электронный ресурс] / G.J. Church // Time. - 1991. - Monday, June 03. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973095,00.html>
322. Cloud, S.W. East-West Relations: After The War [Электронный ресурс] /S.W. Cloud // Time. -1991. - Monday, Sept. 09. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973774,00.html>

323. Doerner, W.D. Soviet Union The Call To Reform [Электронный ресурс] /W.D. Doerner/ // Time. -1987. - Monday, Feb. 09. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,963501,00.html>
324. Doerner, W.R. Soviet Union I Am Very Guilty [Электронный ресурс] /W.D. Doerner // Time. - 1987. -Monday, Nov. 23. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,966040,00.html>
325. Doerner, W.R. Soviet Union More Than Talk [Электронный ресурс] /W.D. Doerner // Time. - 1988. - Monday, July 11. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,967888,00.html>
326. Doerner, W.R. Soviet Union Why the Bear's Cupboards Are Bare [Электронный ресурс] /W.D. Doerner // Time. - 1989. - Monday, Jan. 16. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,956748,00.html>
327. East-West Brief Respite [Электронный ресурс] // Time. - 1985. - Monday, Dec. 16. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,960393,00.html>
328. Elson, J. The Union: Go Faster! No! Go Slower! Holding Back [Электронный ресурс] /J. Elson // Time. - 1989. -Monday, Apr. 10. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,957411,00.html>
329. Friedrich, O. Can The Bolshoi Adapt to the Times? [Электронный ресурс] / O. Friedrich // Time. - 1991. -Monday, July 08. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973335,00.html>
330. Garelik, G. Behavior: Here Come the Russian Shrinks! [Электронный ресурс] /G. Garelik // Time. - 1989. -Monday, Oct. 30. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,958893,00.html>
331. Greenwald, J. Soviet Union Rock 'N' Roll, Mounting Toll [Электронный ресурс] /J. Greenwald // Time. - 1986. -Monday, June 09. -. Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,961582,00.html>
332. Greenwald, J. Deadly Meltdown [Электронный ресурс] /J. Greenwald // Time. - 1986. -May 12. - Режим доступа: <https://time.com/archive/6706166/deadly-meltdown/>

333. Greenwald, J. Soviet Union At the Point of No Return [Электронный ресурс] /J. Greenwald // Time. -1988. - Jan. 25. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,966537,00.html>
334. Greenwald, J. Soviet Union Gorbachev Goes on the Offensive [Электронный ресурс] /J. Greenwald // Time. -1986. - Monday, May 26. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,961470,00.html>
335. Greenwald, J. Soviet Union More Fallout From Chernobyl [Электронный ресурс] /J. Greenwald // Time. - 1986. - Monday, May 19. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,961420,00.html>
336. Greenwald, J. Soviet Union Wooing The West [Электронный ресурс] /J. Greenwald // Time. -1987. - Monday, Mar. 02.- Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,963660,00.html>
337. Grunwald, H.A. An Interview with Mikhail Gorbachev [Электронный ресурс] / H.A. Grunwald, R. Cave, R. Duncan, J.O. Jackson, F. Rosenthal // Time. – 1985. - Monday, Sept. 09. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,959753,00.html>
338. Guneyev, S. SOVFOTO Starting Over [Электронный ресурс] /S. Guneyev // Time. -1990. - February 19. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/covers/0,16641,19900219,00.html>
339. Hofheinz, P. Nationalities People Power, Soviet Style [Электронный ресурс] /P. Hofheinz // Time. - 1988. - Monday, Dec. 05. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,956447,00.html>
340. Hofheinz, P. Soviet Union One Man, One Vote, One Mess [Электронный ресурс] /P. Hofheinz // Time. -1989. - Feb. 06. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,956914,00.html>
341. Hornik, R. Winter's Bitter Wind [Электронный ресурс] / R. Hornik // Time. - 1989. - Monday, Dec. 04. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,959188,00.html>

342. Ignatiev, N. Contact Press Images. Andrei Sakharov [Электронный ресурс] / N. Ignatiev // Time. -1990. - May 14. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/covers/0,16641,19900514,00.html>
343. Isaacson, W. Plus Ca Change . . . Soviet-American relations stay the same, even under Reagan [Электронный ресурс] / W. Isaacson// Time. - 1988. - Monday, June 06. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,967624,00.html>
344. Isaacson, W. The Gorbachev Challenge [Электронный ресурс] / W. Isaacson // Time. - 1988. - Monday, Dec. 19. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,956542,00.html>
345. Isaacson, W. The Union: A Long, Mighty Struggle [Электронный ресурс] / W. Isaacson// Time. - 1989. -Apr. 10. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,957395,00.html>
346. Isaacson, W. Will The Cold War Fade Away? [Электронный ресурс] / W. Isaacson // Time. - 1987. -Monday, July 27. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,965126,00.html>
347. Isaacson, W. Yes, He's For Real Mikhail Gorbachev [Электронный ресурс] / W. Isaacson // Time. - 1989. -Monday, Nov. 06. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,958937,00.html>
348. Jackson J.O. Soviet Union Not Just Another Pretty Face [Электронный ресурс] /J.O. Jackson // Time. - 1987. - Monday, July 13. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,964973,00.html>
349. Jackson, J.O. Soviet Union The First Hurrah [Электронный ресурс] /J.O. Jackson // Time. - 1988. - Monday, June 27. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,967774,00.html>
350. Jackson, O.J. Soviet Union: A Travel Permit For Sakharov [Электронный ресурс] /J.O. Jackson // Time. - 1988. -Monday, Oct. 31. - URL <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,968833,00.html>

351. Kelly J. Soviets: Glints of Steel Behind the Smile [Электронный ресурс] / J. Kelly // Time. - 1985. - Monday, Mar. 25. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,964113,00.html>
352. Kitaj R.B. Vladimir Horowitz [Электронный ресурс] /R.B. Kitaj // Time. - 1986. - May 5. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/covers/0,16641,19860505,00.htm>
353. Kohan, J. Soviet Union Face-Off on Reform [Электронный ресурс] / J. Kohan // Time. - 1989. - Monday, Dec. 25. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,959433,00.html>
354. Kohan, J. Soviet Union A Volcano of Words and Wishes [Электронный ресурс] / J. Kohan // Time. - 1989. - June 12. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,957934,00.html>
355. Kohan, J. Soviet Union: Bread, Cigarettes and Reform [Электронный ресурс] / J. Kohan // Time. - 1991. -Monday, Sept. 16. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973836,00.html>
356. Kohan, J. Soviet Union: New World Order? Or Law And Order? / J. Kohan // Time. - 1991. - Monday, Feb. 11.- Режим доступа: - <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972311,00.html>
357. Kohan, J. Eyewitness To Hatred [Электронный ресурс] / J. Kohan // Time. - 1991. - Monday, Feb. 05. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,969313,00.html>
358. Kohan, J. Soviets: Ending an Era of Drift [Электронный ресурс] / J. Kohan// Time. - 1985. - Monday, Mar. 25. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,964112,00.html>
359. Kohan, J. Still in Love with Mother Russia [Электронный ресурс] / J. Kohan // Time. - 1990. -Mar. 12. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,969581,00.html>
360. Kohan, J. Video: Late Night With Alex And Dima [Электронный ресурс] / J. Kohan // Time. -1988. - Monday, Oct. 10. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,968649,00.html>

361. Lacayo, R. The Shakeout: Blunt Sword, Dented Shield [Электронный ресурс] / R. Lacayo // Time. - 1991. -Monday, Sept. 02. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973741,00.html>
362. Ludtke, M. Education: But Where Are Their Chaperones? / M. Ludtke // Time. - 1988. - Monday, Oct. 03. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,968556,00.html>
363. Mansell, D. Life Pictures ... цит.по Morrow L. The Soviet Union: Starting at Year Zero [Электронный ресурс] /D. Mansell // Time. - 1991. - Friday, Aug. 09. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973772,00.html>
364. Marinov V. The Union: What the Comrades Say [Электронный ресурс] / V. Marinov // Time. -1989. - Monday, Apr. 10. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,957439,00.html>
365. McManus, J. Moscow's New Boss [Электронный ресурс] /J. McManus // Time. - 1985. - March 25. - Режим доступа: <https://time.com/vault/issue/1985-03-25/page/1/>
366. McManus, J. Soviet Union [Электронный ресурс] / J. McManus // Time. -1990. - March 12. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/covers/0,16641,19900312,00.html>
367. McManus, J. Soviet Union Inside The KGB [Электронный ресурс] / J. McManus // Time. - 1989. -Monday, Feb. 13. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,956965,00.html>
368. McManus, J. Soviet Union Joining Forces In Reform [Электронный ресурс] / J. McManus // Time. - 1990. - Aug. 13. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,970895,00.html>
369. McManus, J. Soviet Union Patients' Rights: An end to abuses [Электронный ресурс] / J. McManus // Time. - 1988. -Monday, Jan. 18. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,966488,00.html>

370. McManus, J. Soviet Union Staying in Line [Электронный ресурс] / J. McManus // Time. - 1985. - Monday, Jan. 07.- Режим доступа: - <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,956248,00.html>
371. McManus, J. Soviet Union: Face-Off With Boris [Электронный ресурс] / J. McManus // Time. -1991. - Monday, Nov. 25. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,974367,00.html>
372. McManus, J. Soviet Union: The Baltics Set the Agenda [Электронный ресурс] / J. McManus // Time. - 1989. - Monday, Aug. 28. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,958469,00.html>
373. McManus, J. Soviet Union: Which Way to Lenin's Tomb? [Электронный ресурс] / J. McManus // Time. - 1988. - Monday, Sept. 12. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,968423,00.html>
374. McManus, J. The Russian Revolution [Электронный ресурс] / J. McManus // Time. -1991. - Monday, September 2. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/magazine/0,9263,7601910902,00.html>
375. McManus, J. The Soviet Union in Chaos [Электронный ресурс] / J. McManus // Time. - 1991. - Monday, September 9. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/magazine/0,9263,7601910909,00.html>.
376. McManus, J. Travel: Lost And Found [Электронный ресурс] / J. McManus // Time. - 1989. - Monday, July 24. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,958200,00.html>
377. McManus, J. Window on the Soviets [Электронный ресурс] / J. McManus // Time. - 1985. - Monday, Feb. 04. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,959892,00.html>
378. Medina, S.C. Soviet Union Artful Candor: Fresh looks at Stalin[Электронный ресурс] / S.C. Medina // Time. - 1986. -Monday, Nov. 10. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,962819,00.html>
379. Mehta, D. Changing U.S.S.R. / D. Mehta // Time. - 1987. - October 26. – Режим доступа: <https://content.time.com/time/covers/0,16641,19871026,00.html>

380. Moody, J. Soviet Union A Tough Customer Shows His Stuff [Электронный ресурс] / J. Moody // Time. - 1986. - Monday, Mar. 10. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,960885,00.html>
381. Moody, J. Soviet Union the Reformers Lead the Way [Электронный ресурс] / J. Moody // Time. - 1986. -Mar. 03. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,960825,00.html>
382. Morrow, L. The Russian Revolution [Электронный ресурс] / L. Morrow // Time. - 1991. - Monday, Sept. 02. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973738,00.html>
383. Morrow, L. The Soviet Union: Starting at Year Zero [Электронный ресурс] / L. Morrow// Time. - 1991. - Friday, Aug. 09. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973772,00.html>
384. Moscow's New Boss [Электронный ресурс] // Time. - 1985. - March 25. - Режим доступа: <https://time.com/vault/issue/1985-03-25/page/1/>
385. NBC NEWS Chernobyl Reactor [Электронный ресурс] // Time. - 1986. -May 12. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/covers/0,16641,19860512,00.html>
386. Nelan, B.W. Soviet Union Gorbachev 's Vision Thing [Электронный ресурс] / B.W. Nelan// Time. - 1989. -Monday, Oct. 02. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,958678,00.html>
387. Nelan, B.W. Soviet Union: Helping Him Find His Way [Электронный ресурс] / B.W. Nelan // Time. - 1991. -Monday, July 29. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973501,00.html>
388. Nelan, B.W. Boris Yeltsin: Russia's Maverick [Электронный ресурс] / B.W. Nelan // Time. - 1989. -Monday, Apr. 23. -. Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972575,00.html>
389. Nelan, B.W. Soviet Union But Back Home . . . [Электронный ресурс] / B.W. Nelan // Time. -1990. - June 11. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,970351,00.html>

390. Nelan, B.W. Soviet Union Gorbachev's Nightmare [Электронный ресурс] / B.W. Nelan // Time. - 1991. - Apr. 01. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972642,00.html>
391. Nelan, B.W. Soviet Union Playing for Keeps [Электронный ресурс] / B.W. Nelan // Time. - 1990. - May 28. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,970232,00.html>
392. Nelan, B.W. Soviet Union: Russian Standoff [Электронный ресурс] / B.W. Nelan // Time. -1991. - Monday, Apr. 08. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972691,00.html>
393. Nelan, B.W. Soviet Union: The Bad Old Days Again [Электронный ресурс] / B.W. Nelan // Time. -1991. - Monday, Jan. 28. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972224,00.html>
394. Nelan, B.W. Soviet Union: The Edge of Darkness [Электронный ресурс] / B.W. Nelan // Time. -1991. - Monday, Feb. 04. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972267,00.html>
395. Nelan, B.W. Soviet Union: Why Are These Men Smiling? [Электронный ресурс] / B.W. Nelan // Time. - 1991. -Monday, May 06. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972882,00.html>
396. Nelan, B.W. Upheaval: Desperate Moves [Электронный ресурс] / B.W. Nelan // Time. - 1991. -Monday,Sept. 02. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973746,00.html>
397. Nelan, B.W.. The Year of People [Электронный ресурс] / B. W. Nelan, D. Aikman, J. Borrell, R. Hornik, J. Kohan // Time. - 1990. - Monday, Jan. 01. -. Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,969096,00.html>
398. Pushkaryov A. Soviet Space Program [Электронный ресурс] / A. Pushkaryov // Time. - 1987. - Monday, October 5. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/covers/0,16641,19871005,00.html>
399. Raisa [Электронный ресурс] // Time. -1988. - June 6. – Режим доступа: <https://content.time.com/time/covers/0,16641,19880606,00.html>

400. Rosenblatt, R. Soviets: A World Inspects the New Guard [Электронный ресурс] / R. Rosenblatt // Time. -1985. - Monday, Mar. 25. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,964109,00.html>
401. Russell, G. Gorbachev's Charm Offensive [Электронный ресурс] / G. Russell // Time. - 1985. - Monday, Oct. 14. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,960102,00.html>
402. Russell, G. Soviet Union the Succession Problem[Электронный ресурс] / G. Russell // Time. - 1985. - Monday, Feb. 11. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,960299,00.html>
403. Sancton, T.A. Soviet Union Borrowing a Leaf from Lenin [Электронный ресурс] / T.A. Sancton // Time. - 1988. - Mar. 07. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,966940,00.html>
404. Sancton, T.A. Soviet Union A Tragic Phantasmagoria [Электронный ресурс] / T.A. Sancton // Time. -1987. - Monday, Dec. 14. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,966257,00.html>
405. Sancton, T.A. Soviet Union Lifting the Veil on History [Электронный ресурс] / T.A. Sancton // Time. - 1987. - Monday, Nov. 16. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,965987,00.html>
406. Saproryenko, A. AFP. The Soviet Union in Chaos [Электронный ресурс] / A. Saproryenko // Time. - 1991. - September 9. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/covers/0,16641,19910909,00.html>
407. Seaman, B. Has Reagan Gone Soft? [Электронный ресурс] / B. Seaman // Time. - 1986. - Monday, Oct. 13. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,962513,00.html>
408. Serrill, M.S. Soviet Union Anatomy of a Catastrophe [Электронный ресурс] / M.S. Serrill // Time. - 1986. - Monday, Sept. 01. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,962199,00.html>
409. Serrill, M.S. Soviet Union Siren Songs from Moscow [Электронный ресурс] / M.S. Serrill // Time. - 1987. - Monday, Feb. 02. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,963449,00.html>

410. Smith, W. E. Soviet Union Sick Leave: Chernenko rumors abound [Электронный ресурс] / W.E. Smith // Time. - 1985. - Monday, Feb. 04. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,959886,00.html>
411. Smith, W.E. For Andrei Sakharov, the long banishment in Gorky is finally over [Электронный ресурс] / W.E. Smith // Time. - 1986. - Monday, Dec. 29. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,963138,00.html>
412. Smith, W.E. Soviet Union A Hero's Return [Электронный ресурс] / W.E. Smith // Time. - 1986. - Monday, December 29. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,963138,00.html>
413. Smith, W.E. Soviet Union Sounds of Freedom [Электронный ресурс] / W.E. Smith // Time. - 1987. - Monday, Feb. 23. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,963610,00.html>
414. Smolowe, J. Soviet Union Picking Up Where He Left Off [Электронный ресурс] / J. Smolowe // Time. - 1987. - Monday, Jan. 05. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,963176,00.html>
415. Smolowe, J. Soviet Union Knell of the Union? [Электронный ресурс] / J. Smolowe // Time. - 1991. - Monday, Sept. 16. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973837,00.html>
416. Smolowe, J. Soviet Union Moscow's Man in a Hurry [Электронный ресурс] / J. Smolowe // Time. - 1987. - Monday, July 06. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,964921,00.html>
417. Smolowe, J. Soviet Union The Shaky Fortunes of Gorby Inc. [Электронный ресурс] / J. Smolowe // Time. - 1989. - Monday, Jan. 30. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,956848,00.html>
418. Smolowe, J. Soviet Union: Paranoia Run Amuck [Электронный ресурс] / J. Smolowe // Time. - 1991. - Monday, Sept. 30. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973941,00.html>
419. Star Wars [Электронный ресурс] // Time. - 1986. - June 23. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/covers/0,16641,19860623,00.html><https://content.time.com/time/covers/0,16641,19860623,00.html>

420. Stengel, R. Was It All a Soviet Sting? [Электронный ресурс] / R. Stengel // Time. - 1986. -Monday, Oct. 27. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,962670,00.html>
421. Talbott, S. America Abroad: the Man Who Made the Ice Melt [Электронный ресурс] / S. Talbott // Time. - 1990. - Monday, Mar. 12. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,969564,00.html>
422. Talbott, S. Maneuvering for Position [Электронный ресурс] / S. Talbott // Time. -1985. - Monday, Sept. 09. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,959773,00.html>
423. Talbott, S. Mikhail Gorbachev and George Bush: The Summit Goodfellas [Электронный ресурс] / S. Talbott // Time. - 1991. - Monday, Aug. 05. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973554,00.html>
424. Talbott, S. Soviet Policy: Beyond Containment [Электронный ресурс] / S. Talbott // Time. - 1988. - Monday, Sept. 26. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,968507,00.html>
425. Talbott, S. Soviet Union Trotting Out a New Roadshow [Электронный ресурс] / S. Talbott // Time. - 1986. - Monday, Mar. 10. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,960886,00.html>
426. Talbott, S. Soviets: Both Continuity and Vitality [Электронный ресурс] / S. Talbott // Time. - 1985. - Monday, Mar. 25. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,964110,00.html>
427. Talbott, S. The Gorbachev Era [Электронный ресурс] / S. Talbott // Time. - 1987. - Monday, July 27. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,965119,00.html>
428. Talbott, S. The Origins: Prelude to a Putsch [Электронный ресурс] / S. Talbott // Time. - 1991. -Monday, Sept. 02. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973736,00.html>
429. Thomas, E. Moscow Gets Ready to Trade [Электронный ресурс] / E. Thomas // Time. - 1986. - Monday, Feb. 17. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,960666,00.html>

430. U.S. AIR FORCE. A New Nuclear Balance [Электронный ресурс] // Time. - 1991. - Monday, October 7, 1991. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/covers/0,16641,19911007,00.html>
431. Wallis, R. SIPA. Boris Yeltsin. The Russian Revolution [Электронный ресурс] / R. Wallis // Time. - 1991. - September 2. - Режим доступа: <https://content.time.com/time/covers/0,16641,19910902,00.html>
432. Walsh, J. International Fallout: What the West Can Do [Электронный ресурс] / J. Walsh // Time. - 1991. - Monday, Sept. 02. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973728,00.html>
433. Walsh, J. Soviet Union No Peace for the Prizewinner [Электронный ресурс] / J. Walsh // Time. -1990. - Monday, Oct. 29. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,971508,00.html>
434. Walsh, J. Soviet Union: The Empire Strikes Back [Электронный ресурс] / J. Walsh // Time. - 1991. -Monday, Feb. 18. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972362,00.html>
435. Who Has the Bomb [Электронный ресурс] // Time. -1985. - June 3. - Режим доступа: <https://time.com/vault/issue/1985-06-03/page/1/>
436. Yevtushenko, E.A. Yevgeny Alexandrovich Yevtushenko: We Humiliate Ourselves [Электронный ресурс] / E.A. Yevtushenko // Time. - 1988. -Monday, June 27. - Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,967749,00.html>

Приложения

Приложение 1. Актуальность медиаисследований. Анализ публикационной активности отечественных авторов

Согласно статистике национальной библиографической базы данных научного цитирования «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) за последние 10 лет, ежегодное количество публикаций, содержащих термин «медиаобраз» увеличилось более чем в 5 раз – от 90 публикаций в 2013 году до 454 публикаций в 2022 году (см. Рисунок 1.1).

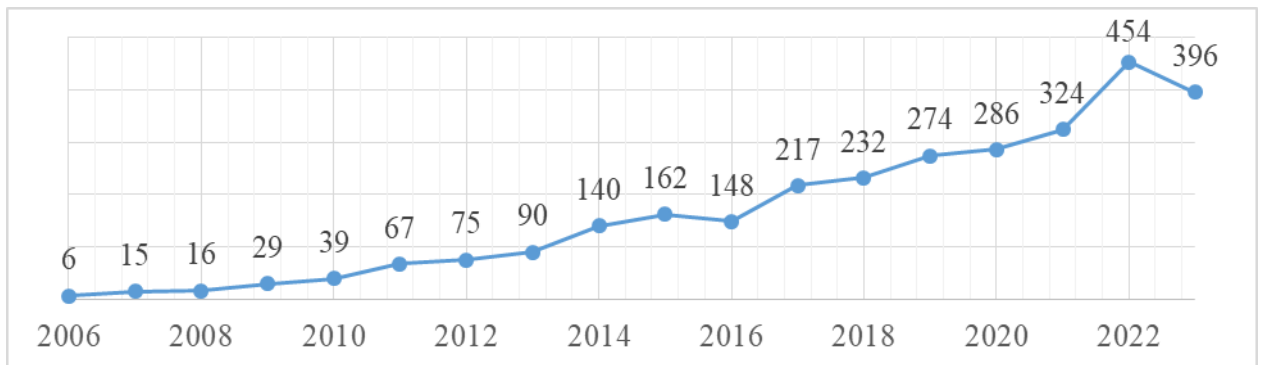

Рисунок 1.1. Количество публикаций с ключевым словом «медиаобраз» в РИНЦ (2006-2023 гг.)

Общее количество публикаций в период с 2001 года (первого упоминания медиаобраза как ключевого слова в научных работах, проиндексированных в РИНЦ) по 2023 год насчитывает 2 978 работ. Из них 115 – диссертации, 1 001 – тезисы конференций, 1 580 – публикации в рецензируемых журналах списка ВАК. Примечательно, что проблематика медиаобраза активно исследуется не только в рамках журналистики (820 публикаций от общего числа), но и в языкознании (815 работ), политических науках (201 исследование), социологии (194), педагогике

(192), философии (190), культурологии (116), что указывает на ее междисциплинарность, актуальность и востребованность.

Приложение 2. Развитие отечественной имагологии

Первые работы, в которых фигурировал термин «имагология», были опубликованы в рамках исторических наук. В то время, как в зарубежных работах данная проблематика разрабатывалась в рамках филологического направления – сравнительного литературоведения. Наибольший интерес к имагологии в российском поле исследования прослеживается в рамках истории, литературы и журналистики (см. Рисунок 2.1)

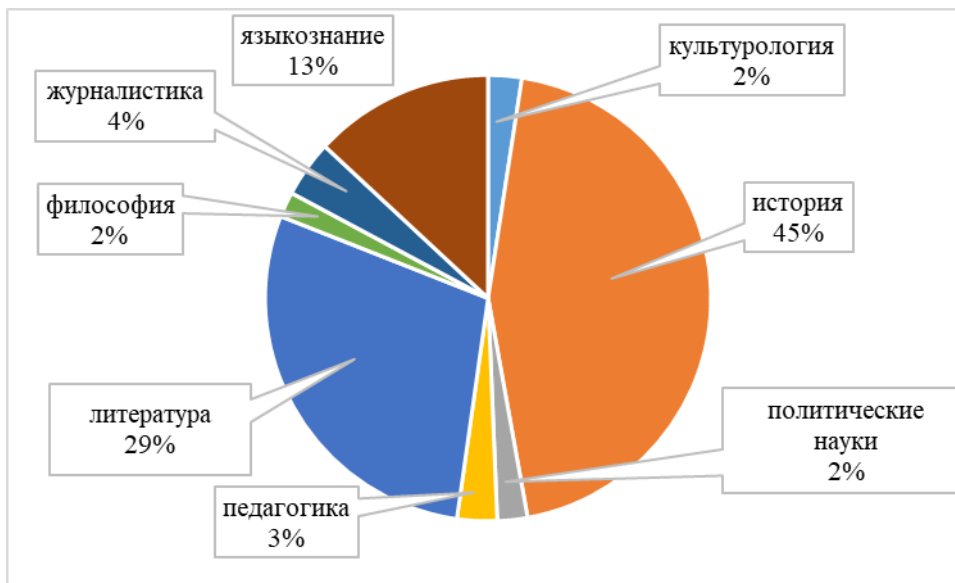

Рисунок 2.1. Распределение отечественных имагологических исследований по отраслям наук (1999-2024 гг.)

Несмотря на то, что отечественная журналистика не признает имагологию в полной мере, порядка 4% от всех работ по данной тематике. Причем, среди кандидатских диссертаций этот показатель составляет 50% за период с 1999 по 2023 годы (см. Рисунок 2.2)

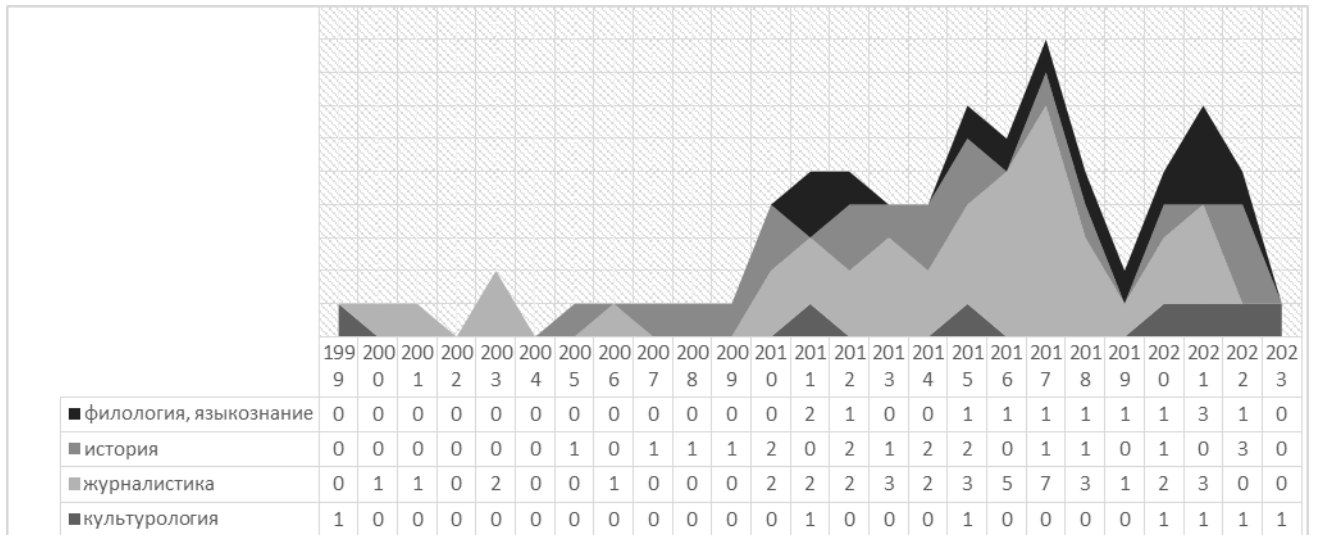

Рисунок 2.2. Распределение количества защищенных кандидатских диссертаций по имагологии по различным специальностям (1999-2023 гг).

В абсолютных числах показатель защищенных диссертаций по имагологии в рамках специальности «журналистика» составляет 40 работ, по истории – 19, по филологии и языкознанию – 13, по культурологии – 7.

Учитывая общую хронологию и частотность публикаций на имагологическую тематику, представляется возможным выделить три этапа в развитии данного направления в России. Первый этап - период с 1999 по 2008 г., представляющий собой появление и постепенное развитие имагологии в отечественных исследованиях. Второй этап - с 2009 по 2018 гг. - всплеск и активное развитие данного направления. Третий этап - с 2018 г. до настоящего времени – новейший этап, характеризующийся бурным ростом публикаций, стремительно увеличивающимся количеством конференций, проводимых, преимущественно, в удаленном формате (см. Рисунок 2.3)

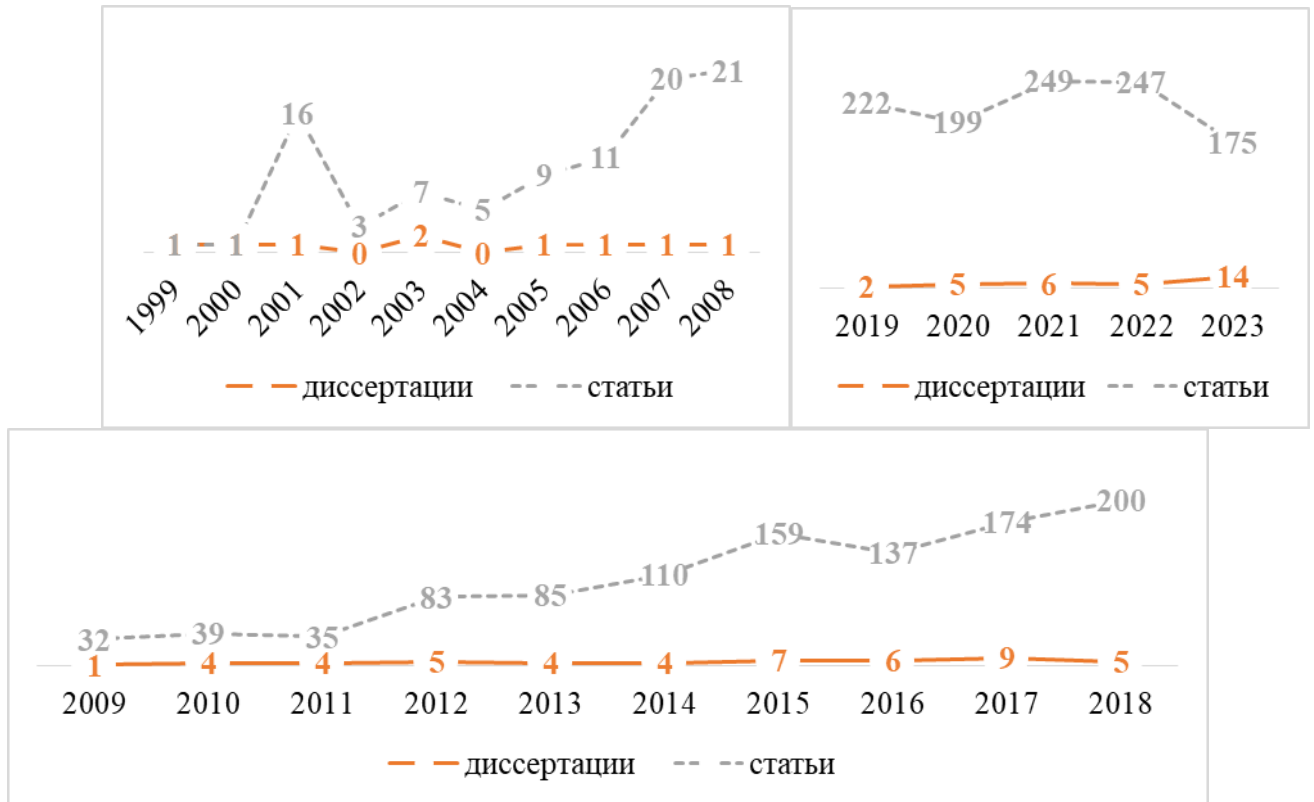

Рисунок 2.3. Количество отечественных исследований
по имагологии (1999— 2023 гг.)

Наибольшее внимание на начальном этапе уделялось непосредственному анализу процессов формирования образов стран в инокультуре. Причем, теоретическими доминантами выступали проблемы пропаганды и информационного противостояния,³ специфика этнокультурных стереотипов, ксенофобии и этноконфессиональных конфликтов.⁴ Начиная с 2007 года, происходит существенное расширение проблематики исследований. Появляются работы, затрагивающие проблемы интерпретации рекламных сообщений в различных культурах и этносах.⁵⁶⁷

³ Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 2. С. 54-72

⁴ Чернышов Ю.Г. Дискуссии о ксенофобии и этноконфессиональных конфликтах // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2006. № 22. С. 3-10

⁵ Трушина Л.Е. Социокультурное значение рекламы // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. 2007. № 3. С. 160-164

⁶ Трушина Л.Е. Реклама в информационном пространстве современного общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 4. С. 215-223

⁷ Зуляр Ю.А. Идеология и реклама // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2007. №1. С. 150-164

На втором этапе прослеживается рост интереса к теоретическим аспектам имагологии. Среди них следует отметить труды А.Р. Ощепкова и В.П. Трыкова,⁸⁹¹⁰¹¹ О. Ю. Полякова и О.А. Поляковой,¹² В.Б. Земскова,¹³ Е.В. Папиловой,¹⁴ В.И. Журавлёвой,¹⁵ В.В. Барабаша и Е.А. Котеленец,¹⁶ в которых наиболее тщательно рассматривается история развития имагологической науки за рубежом.

Современный этап развития имагологии в России, с 2019 г. по настоящее время, характеризуется взрывным ростом количества публикаций по данной тематике, ростом интереса к проблемам холодной войны и специфике репрезентации России и русских в американской прессе. В рамках гранта РФФ «Образы врага в массовой культуре Холодной войны»¹⁷ в период с 2022 по 2024 год было опубликовано более 100 научных исследований, посвященных данной проблеме.¹⁸

В ходе квалитетического анализа научных работ, посвященных имагологическим проблемам, представляется возможным выделить несколько ведущих отечественных научных центров, развивающих указанную тематику в России. Наибольшее количество публикаций, анализирующих образ России в США, принадлежит кафедре истории РГГУ, на базе которой работает научный кружок исторической имагологии в рамках института американистики под

⁸ Трыков В. П., Ощепков А. Р. Западная литературоведческая «россика» рубежа XX-XXI веков: основные фигуры, тенденции и подходы // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2008. № 2. С. 70-75

⁹ Ощепков А.Р., Трыков В.П. Русский концентр во французском литературном сознании XIX века. Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 146-151

¹⁰ Ощепков А.Р. Образ России по французской прозе XIX века : дисс.... д. филол. н. Москва, 2011. 410 с.

¹¹ Трыков В.П. Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 120-129

¹² Поляков О.Ю., Полякова О.А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. 162 с.

¹³ Земсков В. Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты. М.: «ЦГИ Принт», 2015. 510 с.

¹⁴ Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Rhema. Рема. 2011. №4. С. 31-40

¹⁵ Журавлева В. И. Понимание России в США : образы и мифы, 1881-1914. М.: Изд. центр Российского гос. гуманитарного ун-та, 2012. 1140 с.

¹⁶ Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Образы России в мире. М: АИРО XXI, 2010. 296 с.

¹⁷ Грант РФФ № 22-18-00305 «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США» URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>

¹⁸ Рябов О.В. Образы врага в массовой культуре Холодной войны // Результаты: публикации и доклады на конференциях. URL: <http://coldwareny.ru/publikacii/>

руководством В.И. Журавлёвой. Большое количество работ, посвященных образу России во Франции, было написано исследователями филологического факультета МПГУ. Подавляющее большинство работ на материале африканских и латиноамериканских источников принадлежности факультету журналистики РУДН, где уже много лет работает научный имагологический кружок под руководством Е.А. Котеленец и В.В. Барабаша.

Одной из существенных проблем в отечественной имагологии можно назвать расплывчатость терминологического аппарата. Во многом корни этой проблемы кроются в сложностях перевода исходных терминов и определений с английского и французского языков. Так, например, французское слово «image» включает в себя значения «образ», «имидж», «картина», «изображение» и «представление», в английском языке, помимо указанных, добавляются еще значения «репутация» и «иллюстрация»¹⁹. Об этой писали многие исследователи. В русском же языке у каждого из представленных определений есть своя коннотация, не позволяющая использовать их в качестве абсолютных синонимов. Такая ситуация приводит к приумножению смыслов и путанице.

Достаточно часто в публикациях на имагологическую тематику авторы путают понятия «образ» и «имидж», зачастую ставят между ними знак равенства. В общей сложности, эта терминологическая ошибка встречается в 5% исследований. Причем, больше чем в половине указанных публикаций образ анализируется не в инокультуре.

Одной из первых данный вопрос подняла Д.И. Тер-Минасова в 2012 году²⁰, затем в 2016 об этом писала Т.А. Кожевникова²¹, а позднее и Ли Минда²². Во второе десятилетие присутствия имагологической науки в российском поле был предпринят ряд попыток по устранению этой проблемы. М.Е. Панина в 2015 году

¹⁹ Тер-Минасова Д.И. Лингвокультурологические особенности трактовки термина «имидж» в русском языке // Англистика XXI века. СПб.: Университетские образовательные округа, 2012. С. 130.

²⁰ Тер-Минасова Д.И. Лингвокультурологические особенности трактовки термина «имидж» в русском языке // Англистика XXI века. СПб.: Университетские образовательные округа, 2012. С. 130

²¹ Кожевникова Т.А. К вопросу о лингвистической имагологии // Иностранные языки в высшей школе. 2016. № 3 (38). С. 56-62

²² Минда Л. Понятия «Имагология» и «Имиджелогия» в российской и китайской социогуманитарной науке // Общество: философия, история, культура. 2017. №8. С. С. 187

в достаточной мере систематизировала понятия «стереотип», «образ», «имидж», «имагема» и «имаготема», предложила стройную концепцию методов исследования образов «чужого» и «другого»²³.

Рассуждая о различиях терминов «образ» и «имидж», Т.А. Кожевникова приходит к выводу, что «имидж» имеет «значительный воздействующий потенциал» манипулятивного характера и являет собой искусственный конструкт²⁴. Эта точка зрения, по всей видимости, основывается на трудах немецкого исследователя У. Кастхоф, которая приходила к выводу, что имидж связан с категориями поддержания и манипулирования собственной «внешности». ²⁵ По мнению Т.А. Кожевниковой, образ являет собой «отражение внешнего мира в сознании»²⁶.

В 2017 году, Л. Минда обратилась к этому же вопросу и раскрыла его более подробно на примере русско-китайского терминологического аппарата. Она выявила различия между понятиями «образ» и «имидж» в имагологии и предложила выделять две самостоятельные области.²⁷ Так, по мнению исследователя, имиджелогия является «российским достижением», наукой, отсутствующей в Китае, основу которой заложил В.М. Шепель²⁸. Имиджелогия представляет собой науку о феномене массовой коммуникации²⁹. Она занимается исследованием «имиджей» – искусственно сформированных образов, нацеленных на эмоциональное и психологическое воздействие с целью популяризации, продвижения на рынке или формирования устойчивого авторитета. В то время, как имагология занимается изучением естественных, динамически развивающихся, образов чужой культуры, сформированных исторически. При

²³ Панина М.Е. Понятийно-терминологические системы и методологии анализа образа «другого» в художественно-публицистических текстах // Известия Восточного института. 2015. № 2 (26). С. 80-89

²⁴ Кожевникова Т.А. К вопросу о лингвистической имагологии // Иностранные языки в высшей школе. 2016. № 3 (38). С. 57

²⁵ Quasthoff U. Soziales Vorurteil und Kommunikation. Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps. Frankfurt am Main: Athenaeum, 1973. С. 21.

²⁶ Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. (Стилистика декодирования.) М.: Просвещение, 1973. С. 139

²⁷ Минда Л. Понятия «Имагология» и «Имиджелогия» в российской и китайской социогуманитарной науке // Общество: философия, история, культура. 2017. №8. С. 186-187

²⁸ Шепель В.М. Имиджелогия: секреты личного обаяния. М.: Народное образование, 1994. 320 с.

²⁹ Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М.: Рефл-бук, 2001. 574 с.

этом бинарная оппозиция «свой-чужой», в конечном итоге, способствует более глубокому пониманию своей культуры, становлению межкультурного диалога и взаимопонимания³⁰.

В.П. Трыков, объясняя место имагологии в гуманитарной области, отмечает, что она являет собой прямой антипод компаративистики и исторической поэтики, поскольку изучает образ «другого» в его социально-идеологической функции, а не в художественно-эстетической³¹. В.П. Трыков подчеркивает междисциплинарность имагологических исследований, их тесную связь с социологией, социальной психологией. Поскольку основной вопрос, который волнует исследователя в данной области – как образы «другого», создаваемые и транслируемые посредством художественной литературы, средств массовой информации и различных видов искусства, входят в общественное сознание, трансформируются в «имидж-стереотипы», определяющие взаимоотношения между народами.³² При этом важно учитывать, что имагология не учитывает, как соотносится выявленный образ с реальностью. Основная ее задача – выявление источников этих образов, трансляция и переход на уровень стереотипов.³³

³⁰ Минда Л. Понятия «Имагология» и «Имиджелогия» в российской и китайской социогуманитарной науке // Общество: философия, история, культура. 2017. №8. С. 189

³¹ Трыков В.П. Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. С.122

³² Трыков В.П. Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 120-129

³³ Трыков В.П. Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 123

Приложение 3. Краткая характеристика изучаемых журналов

Политическую систему в США можно считать двухпартийной. Основные партии в Соединенных Штатах Америки – демократическая и республиканская. Демократы придерживаются либеральных, левых, тенденций, рассматривают эмиграцию и культурный плюрализм, как прогрессивные движения, способствующие развитию общества. Считается, что сторонники демократической партии негативно воспринимают идеи наращивания вооружения и увеличения бюджета на военные расходы. Ядром либерального движения считают академическую элиту (порядка 74% преподавателей американских университетов и колледжей относят себя к либералам)³⁴ и специалистов, имеющих высшее образование: врачи, инженеры, программисты, архитекторы, социальные работники.³⁵

Республиканская партия придерживается консервативных, правых, тенденций. В фокусе ее интересов в международном поле – увеличение расходов по позициям, затрагивающим национальную безопасность и вооружение, а в рамках внутренней политики – борьба за нравственные, религиозные и семейные ценности, противостояние вмешательству государства в экономические вопросы и т. д. Следует отметить, что вопросы внутренней политики также влияют на восприятие событий и на международной арене. Ядро республиканской партии представляют обеспеченные американцы, соратники крупных корпораций, многим из которых свойственны категоричные религиозные настроения. Согласно опросам общественного мнения, среди представителей республиканской партии

³⁴ Kurtz H. College Faculties A Most Liberal Lot, Study Finds // Washington Post. - Tuesday, March 29, 2005. URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A8427-2005Mar28.html>

³⁵ Judis J.B. The trouble with Howard Dean // Salon. - July 11, 2003. - URL: https://www.salon.com/2003/07/11/dean_15/

также лидирует идея о превосходстве США над остальными странами в мире.³⁶ Среди ключевых политических взглядов республиканцев также выделяют идеи о том, что Америка должна действовать в своих интересах, даже если ее иностранные союзники не согласны с теми или иными действиями.³⁷

Общая характеристика журналов

Важную роль в становлении политического климата играли не только сами лидеры государств, но и медиа, выполняющие роль общественного медиатора. Средства массовой информации, формируя повестку дня, отражают не только политические события и транслируют позицию руководителей государств, но и представляют общественные настроения, формируя особый тип социальной реальности. Соединенные Штаты Америки, руководствуясь демократическими принципами, провозглашают свободу слова, считая независимость СМИ одним из ключевых условий функционирования нормального общества.³⁸ В некоторой мере, средства массовой информации США считаются хранителями социальных и этических норм демократического общества. Одной из ключевых особенностей американской прессы является стремление к объективной репрезентации фактов. Как отмечают отечественные исследователи, в США существует тенденция представлять «частное» мнение в рамках колонки редактора или в разделе писем читателей.³⁹ Однако, следует учитывать, что журналисты представляют собой продукт определенной социальной системы. Они не только ориентированы на определенную целевую аудиторию и стремятся представлять информацию в соответствии с интересами своих читателей и зрителей, но и сами являются носителями социальных и этнических стереотипов.

³⁶ Political Typology Reveals Deep Fissures on the Right and Left
Appendix 1: Typology Group Profiles // Pew Research Center, October, 2017. - P. C. 95. URL:
<https://www.pewresearch.org/politics/wp-content/uploads/sites/4/2018/09/10-24-2017-Typology-release.pdf>

³⁷ Political Typology Reveals Deep Fissures on the Right and Left
Appendix 1: Typology Group Profiles // Pew Research Center, October, 2017. - P. 95-103. URL:
<https://www.pewresearch.org/politics/wp-content/uploads/sites/4/2018/09/10-24-2017-Typology-release.pdf>

³⁸ Калягин Б.А.. Характерные черты современной прессы США // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, № 3, 2012, С. С. 116

³⁹ Калягин Б.А.. Характерные черты современной прессы США // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, № 3, 2012.С. 118-119

Как уже отмечалось ранее, несмотря на стремление к представлению объективной и независимой информации, американские журналисты все же являются частью социума, освещают события для определенной группы населения, что накладывает определенный отпечаток, в том числе и в рамках политической ориентации изданий. Для данного исследования были выбраны два ведущих общественно-политических издания – еженедельник «Time» и ежемесячный журнал «Commentary». Оба издания имеют существенный вес и специализируются на значимых событиях, как в рамках США, так и на международной арене.

Журнал «Time» издается с 1923 года и считается первым и самым крупным новостным еженедельником в США. Его редакционная политика предписывала, в первую очередь, собирать и структурировать новости для бизнесменов и политиков. Редакция обращала внимание, что их целевая аудитория – люди, которым важно держать руку на пульсе и следить за значимыми мировыми событиями, но это занятые люди, которые не могут тратить много времени на просмотр прессы.⁴⁰ А значит, новости должны быть четкими, краткими, актуальными и востребованными. Одной из проблем американского общества, которую стремились решить в «Time», называли плохую информированность, которая возникала из-за того, что газеты «печатают все новости» (they print all the news), но их слишком много, они не сегментированы и грозят похоронить под своей массой читателей. В то же время, комментарии, которые дают еженедельники, хоть и адекватны, но недостаточны, поскольку не успевают за общим объемом информации, фокусируются на деталях и не выделяют принципиально важные для общества элементы.⁴¹ Следует отметить, что «Time» предложил инновационный подход в американской журналистике: еженедельные новости распределялись по разделам, для представления справочной информации нанимались специализированные исследователи, освещение новостей было

⁴⁰ The Story Of An Experiment // Time. - Mar. 8, 1948. – URL: <https://time.com/archive/6790766/the-story-of-an-experiment-yes-and-no-and-maybe/>

⁴¹ The Story Of An Experiment // Time. - Mar. 8, 1948. – URL: <https://time.com/archive/6790766/the-story-of-an-experiment-yes-and-no-and-maybe/>

систематическим и всеобъемлющим.⁴² На момент создания «Time» разрыв между американцами, отслеживающими мировые и внутренние новости и теми, кто пренебрегал средствами массовой информации, был колоссальным. «Люди не информированы, потому что ни одно издание не приспособилось к тому времени, которое занятые люди могут потратить просто на то, чтобы быть в курсе событий»⁴³, - отмечалось в «Time». В качестве основной цели журнала определялась задача «держать людей хорошо информированными» (To keep men well-informed).⁴⁴ Однако, создатели журнала, Г. Люс и Б. Хэден признавали, что полный нейтралитет в изложении новостей все же невозможен.⁴⁵ По меткому замечанию обозревателей журнала, «журналистика, черновик истории» (journalism, the rough draft of history), успешно освещает ключевые события и привлекает внимание к персонам, которые ими руководят.⁴⁶ Согласно данным анализа политической ориентации американской прессы, журнал «Time» относится к средствам массовой информации, поддерживающим левые демократические взгляды.⁴⁷

Следует отметить, что создатели «Time» уделяли большое внимание роли фотографии в прессе. Это не только способствовало созданию уникального, узнаваемого во всем мире, стиля обложек журнала, но и привело в дальнейшем к запуску такого издания как «Life», знаменитого своими фоторепортажами. Отдельно следует отметить, что начиная с 1927 года журнал присуждает номинацию «Человек года», определяя наиболее влиятельную персону в мире. Причем, это не знак одобрения той или иной персоны, а именно указание на его влияние при принятии решений на мировой арене. Семь раз этой номинации

⁴² He Run the Course // Time. - March 10, 1967 | Vol. 89 No. 10. – URL: <https://time.com/archive/6630574/nation-he-ran-the-course/>

⁴³ He Run the Course // Time. - March 10, 1967 | Vol. 89 No. 10. – URL: <https://time.com/archive/6630574/nation-he-ran-the-course/>

⁴⁴ He Run the Course // Time. - March 10, 1967 | Vol. 89 No. 10. – URL: <https://time.com/archive/6630574/nation-he-ran-the-course/>

⁴⁵ He Run the Course // Time. - March 10, 1967 | Vol. 89 No. 10. – URL: <https://time.com/archive/6630574/nation-he-ran-the-course/>

⁴⁶ The 75th Anniversary Of Person of the Year // Time. - Dec. 30, 2002. - URL: <https://time.com/archive/6667926/the-75th-anniversary-of-person-of-the-year/>

⁴⁷ Time magazine // AllSides Media Bias Chart. - URL:<https://www.allsides.com/news-source/time-magazine-news-media-bias>

удостаивались советские и российские политические деятели. Среди них – М.С. Горбачёв. Его называли «человеком года» дважды в 1987 и 1989 годах.

Второе издание, рассматриваемое в рамках данного исследования – ежемесячный журнал «Commentary», основанный в 1945 году. Согласно данным анализа политической ориентации американской прессы, он активно поддерживает крайне правые, республиканские, идеи.⁴⁸ Несмотря на то, что это издание задумывалось первоначально как «голос еврейской общины»⁴⁹ в США и выпускалось под эгидой Американского еврейского совета, достаточно быстро оно завоевало признание и стало одним из самых влиятельных. Редакция привлекала к сотрудничеству таких известных ученых и политиков как Х. Арндт, Д. Белл, С.Хук, У.Буковски, Р.Пайпс, А.Безансон, Дж. Оруэлл, Ж.-П. Сартр, А.Дж. Тойнби и др.⁵⁰ Как отмечают исследователи, «Commentary» оказал существенное влияние на американскую политику и культуру. Причем, пиком его популярности считается непосредственно период холодной войны.⁵¹ В фокусе интересов этого журнала находились вопросы, связанные с положением евреев в США и в мире, проблемы американской послевоенной жизни, а также все вопросы, связанные с холодной войной.⁵² Как отмечал основатель журнала, Э.Э. Коэн, цель «Commentary» состоит в том, чтобы выйти за рамки одной только еврейской культуры и предложить первоклассную «интерпретацию политики, проблемы прав человека и групповых отношений».⁵³ И эта цель, несомненно, была достигнута. Как отмечают исследователи, «Commentary» сыграл важную роль в формировании американских интеллектуальных, политических и

⁴⁸ Commentary Magazine // AllSides Media Bias Chart. - URL <https://www.allsides.com/news-source/commentary-magazine-media-bias>

⁴⁹ Nolen. J.L. Commentary American journal // The Encyclopedia Britannica Dictionary of Arts, Sciences, and General Literature, Vol. 14: The R. S. Peale Reprint With New Maps and Original American Articles by Eminent Writers; With American Revisions and Additions. - London:Forgotten Books, 2018. P. 341

⁵⁰ <https://norman.hrc.utexas.edu/fasearch/findingAid.cfm?eadid=00672>

⁵¹ Ehrman J. Commentary Magazine, 1945–59: "A Journal of Significant Thought and Opinion" // American Jewish History, Volume 93, Number 3, September 2007. P. 356

⁵² Abrams N. Commentary Magazine 1945-1959: 'A Journal of Significant Thought and Opinion. - Elstree: Vallentine Mitchell, 2007. P. 6

⁵³ Abrams N. Commentary Magazine 1945-1959: 'A Journal of Significant Thought and Opinion. - Elstree: Vallentine Mitchell, 2007. P. 53

культурных дебатов.⁵⁴⁵⁵ Его называют «резким», «живым и умным», в котором публикуются «инсайдеры [...], которые прорвались с окраин в самые внутренние центры американской политики и литературы».⁵⁶

Отмечается, что публикации журнала вызывали «сильную и эмоциональную реакцию со стороны различных слоев общества», а его влияние, зачастую, имело больший охват, нежели у многих крупных американских изданий.⁵⁷ Так, например, общеизвестен тот факт, что американский президент Р. Рейган обращался за консультациями к главному редактору Н. Подгорецу.⁵⁸ Несмотря на то, что многие авторы «Commentary» придерживались социалистических взглядов, издание резко негативно относилось к коммунистическим идеям вообще и к СССР в частности. В качестве основы своей редакционной политики «Commentary» обозначает повышенный интерес к «судьбе демократии и демократических идей в мире, которому угрожают тоталитарные идеологии», а также «состояние американской и западной безопасности» и «сохранение высокой культуры».⁵⁹ По мнению редакции, соглашаться или нет с позицией журнала – личный выбор каждого, но «Commentary» определенно нельзя игнорировать, поскольку он оказывает важное влияние на интеллектуальную и литературную жизнь не только в США, но и во всем мире. Редакция издания, в духе республиканских ценностей, настаивает на том, что Запад внес неоценимый вклад в улучшение жизни всего человечества, транслируя традиции западной цивилизации, источником которых является библия. В связи с чем «Commentary» называет свои материалы «актом веры в преобразующую силу идей».⁶⁰ Что проводит четкие параллели с концепцией мессианства, составляющей один из

⁵⁴ Abrams N. Commentary Magazine 1945-1959: 'A Journal of Significant Thought and Opinion. - Elstree: Vallentine Mitchell, 2007. P. 5

⁵⁵ Ehrman J. Commentary Magazine, 1945–59: "A Journal of Significant Thought and Opinion" // American Jewish History, Volume 93, Number 3, September 2007. P. 355

⁵⁶ Sinkoff N. Running Commentary: The Contentious Magazine that Transformed the Jewish Left into the Neoconservative Right // American Jewish History, Volume 96, Number 1, March 2010. P.84-85

⁵⁷ Katz M.S. Commentary and the American Jewish Intellectual Experience // The Journal of American Culture 3(1), 2004. P. 157

⁵⁸ Abrams N. Commentary Magazine 1945-1959: 'A Journal of Significant Thought and Opinion. - Elstree: Vallentine Mitchell, 2007. P. 5

⁵⁹ About Us // Commentary. - URL: <https://www.commentary.org/about/>

⁶⁰ About Us // Commentary. - URL: <https://www.commentary.org/about/>

краеугольных камней в социальных и этнических стереотипах, присущих американцам.

«Time» 1985-1991

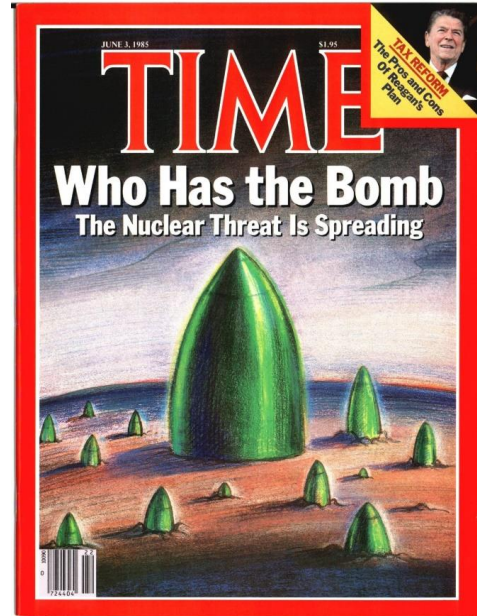
	1895	1986	1987	1988	1989	1990	1991	
Science	2	4	1	2	1	1	0	11
Business	1	1	3	2	3	1	0	11
Спец.секи	3	0	2	1	1	2	0	9
Art	0	3	2	5	0	0	2	12
Press	0	0	1	0	0	1	0	2
Education	0	0	1	2	0	0	0	3
Religion	0	0	1	1	1	0	0	3
Sport	0	0	0	1	0	0	0	1
Обществс	0	0	0	0	2	0	0	2
People	0	0	0	0	2	0	0	2
World	62	42	57	60	68	43	75	407

Приложение 5. Обложки журнала «Time»

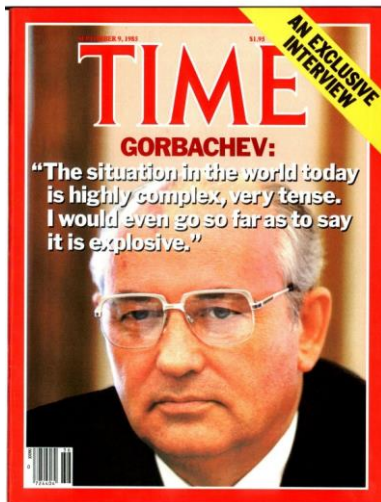
1985

Moscow's New Boss // Time. -
March 25, 1985 | Vol. 125 No. 12

Who Has the Bomb // Time. -
June 3, 1985 | Vol. 125 No. 22

Frei R. Gorbachev // Time. -
September 9, 1985 | Vol. 126 No. 10.

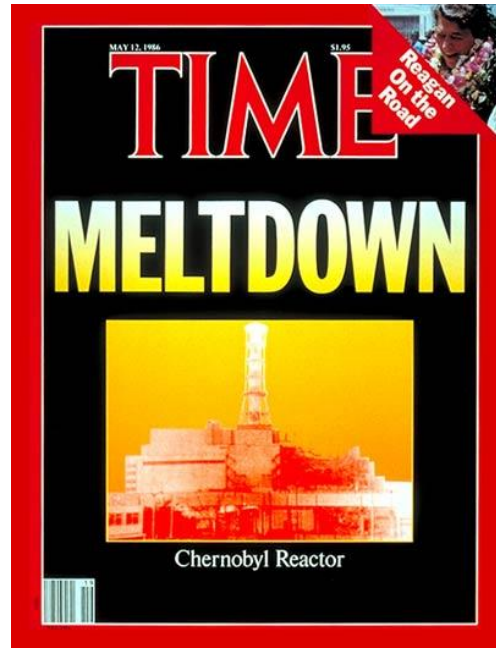

Halstead D. Ronald Reagan and
 Mikhail Gorbachev // Time. - **Dec. 2,**
 1985, Vol. 126, No. 22 .

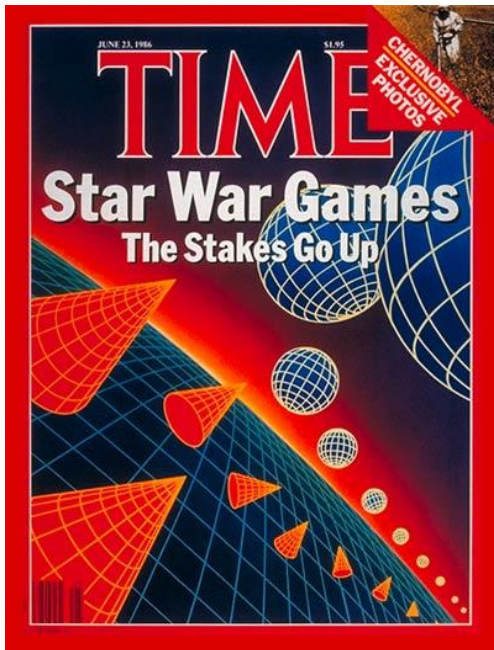
1986

Kitaj R.B. Vladimir Horowitz //
Time. - May 5, 1986 | Vol. 127 No. 18. –

NBC NEWS Chernobyl
Reactor // Time. - May 12, 1986 |
Vol. 127 No. 19

Star Wars // Time. - June 23, 1986 |
Vol. 127 No. 25.

1987

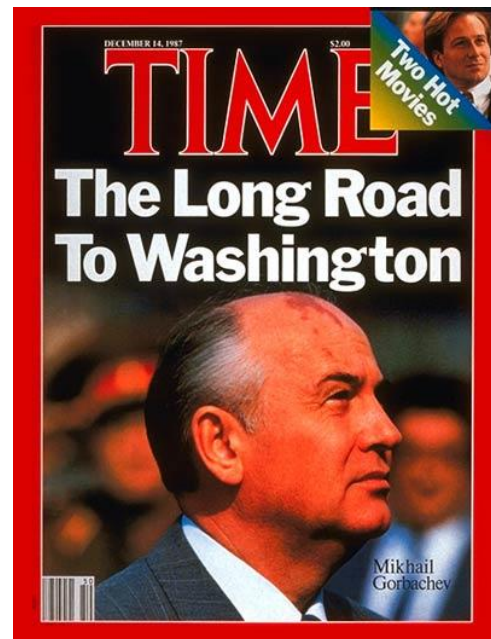
Gorbachev's Revolution // Time.
- July 27, 1987 | Vol. 130 No. 4.

Pushkaryov A. Soviet Space Program // Time. - October 5, 1987 | Vol. 130 No. 14.

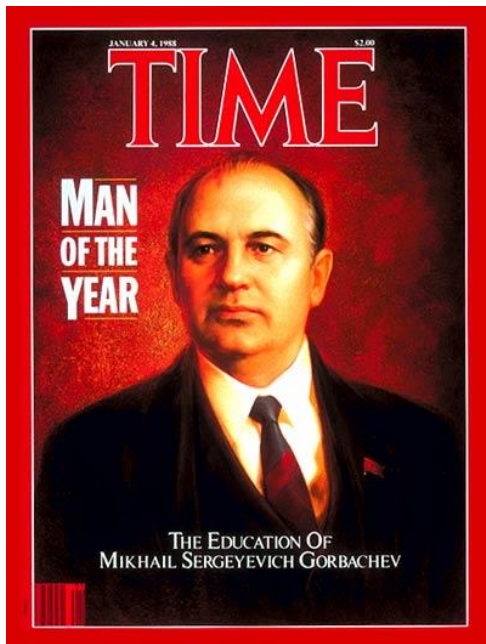

Mehta D. Changing U.S.S.R.
October 26, 1987 | Vol. 130 No. 17.

Witt J. Mikhail Gorbachev. The long road to Washington // Time. - December 14, 1987 | Vol. 130 No. 24.

1988

Solonunkin Fedosinko N. Man of the Year // Time. - **January 4,** 1988 | Vol. 131 No. 1.

Raisa // Time. - **June 6,** 1988 | Vol. 131 No. 23.

Tass Mikhail Gorbachev & Ronald Reagan // Time. - **June 13,** 1988 | Vol. 131 No. 24/

Halstead D. Ronald Reagan, George Bush & Mikhail Gorbachev // Time. - **December 19,** 1988 | Vol. 132 No. 5.

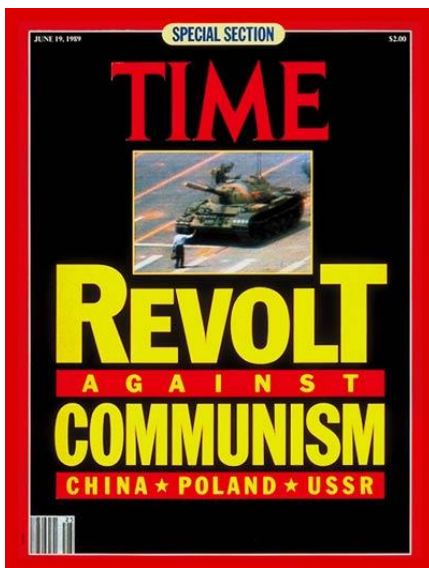
1989

Brosan R. Changing U.S.S.R. //
Time. - April 10, 1989 | Vol. 133 No. 15.

Bossu R. Eduard Shevardnadze //
Time. - May 15, 1989 | Vol. 133 No. 20.

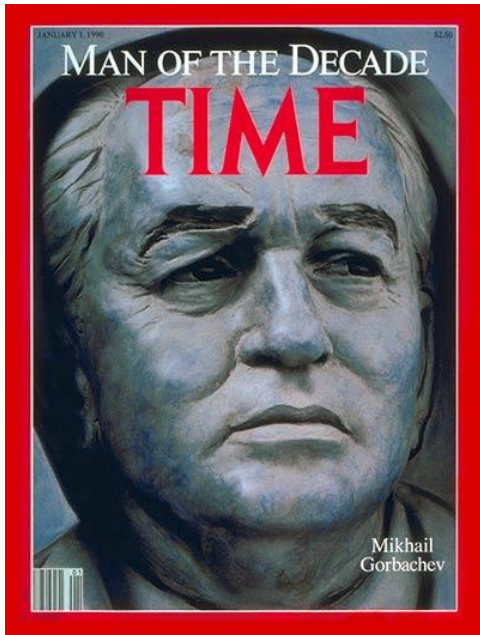

ABC NEWS Revolt Against
Communism // Time. - June 19, 1989
| Vol. 133 No. 25.

Walker D. George Bush &
Mikhail Gorbachev. Bulding a New
World // Time. - December 11, 1989 |
Vol. 134 No. 24

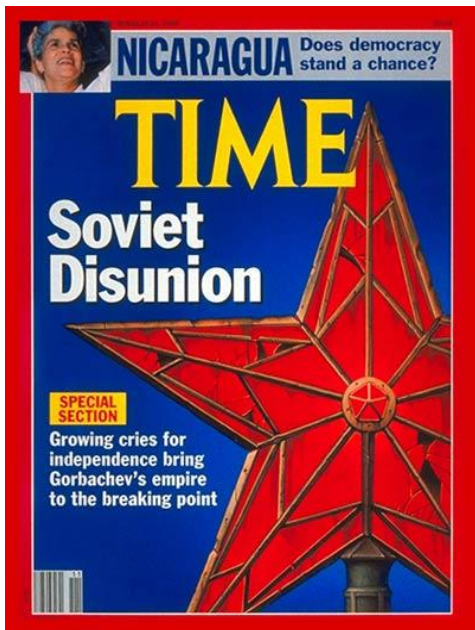
1990

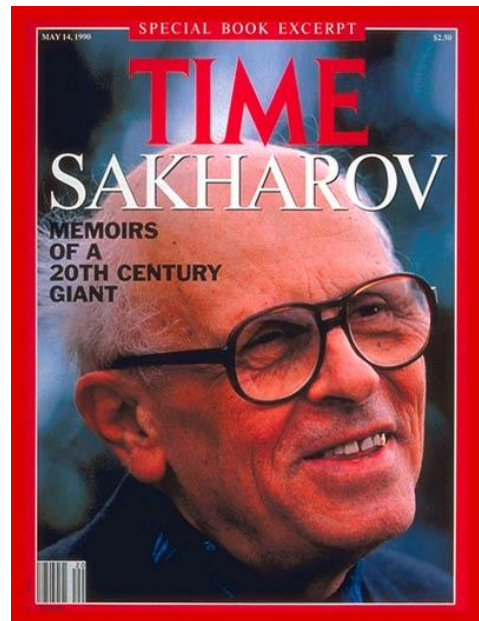
Brosan R. Mikhail Gorbachev, Man of the Decade // Time. - January 1, 1990 | Vol. 135 No. 1.

Guneyev S., SOVFOTO Starting Over // Time. - February 19, 1990 | Vol. 135 No. 8.

Soviet Union // Time. - March 12, 1990 | Vol. 135 No. 11.-

Ignatiev N., Contact Press Images. Andrei Sakharov // Time. - May 14, 1990 | Vol. 135 No. 20.

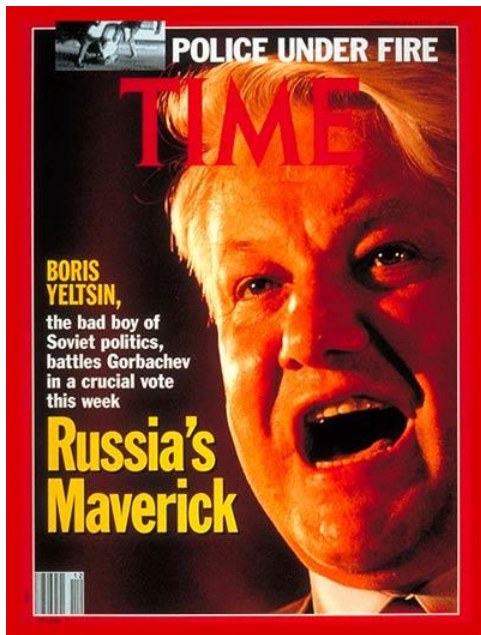

Burnett D. Mikhail Gorbachev In the Eye of the Storm // Time. - June 4, 1990 | Vol. 135 No. 23.

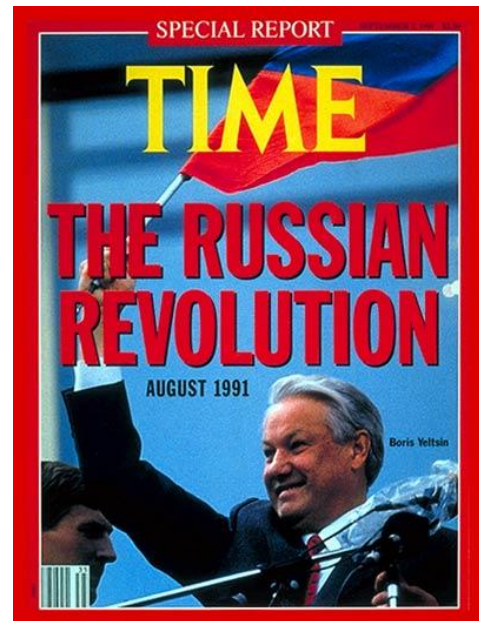

Gorbachev Darkest hour // Time. - December 31, 1990 | Vol. 136 No. 28.

1991

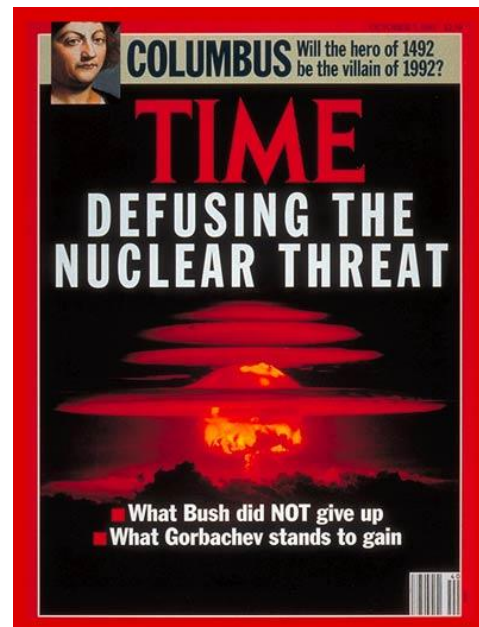
Avakian-Woodfin Camp A.
Boris Eltsin. Russia's Maverick //
Time. - March 25, 1991 | Vol. 137 No.
12/

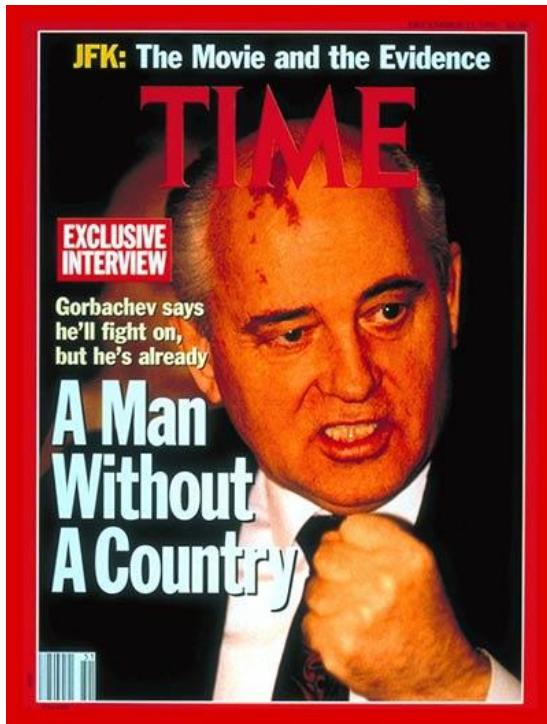
Wallis R., SIPA. Boris Yeltsin.
The Russian Revolution // Time. -
September 2, 1991 | Vol. 138 No. 9.

Sapronyenko A., AFP. The
Soviet Union in Chaos // Time. -
September 9, 1991 | Vol. 138 No. 10.

U.S. AIR FORCE. A New
Nuclear Balance // Time. - October 7,
1991 | Vol. 138 No. 14.

Guneyev S. Mikhail Gorbachev. A Man Witout Country // Time. - December 23, 1991 | Vol. 138 No. 25.

Приложение 6. Обложки и публикации «Time», посвященные Августовскому путчу

The Russian Revolution // Time. - September 2, 1991 | Vol. 138 No. 9. - URL: <https://content.time.com/time/magazine/0,9263,7601910902,00.html>

September 2, 1991 | Vol. 138 No. 9

WORLD

International Fallout: What the West Can Do (The Russian Revolution)

Still split over aid to Moscow, the major powers now must decide how to handle Yeltsin and the republics

Postmortem Anatomy of A Coup (The Russian Revolution)

The dramatic tale of how a handful of party hacks hijacked Soviet democracy -- until a popular revolt shattered their ill-hatched plans

Rising Star: The Man Who Rules Russia (The Russian Revolution)

Can Boris Yeltsin translate his populism into the kind of democratic leadership that his republic craves, or is he destined to rule by demagogic decree?

The Origins: Prelude to a Putsch (The Russian Revolution)

At first, Gorbachev tried to lick the conservatives by joining them, but that strategy led him, and the U.S.S.R., to the brink of the abyss

The Retreat: The Silent Guns of August (The Russian Revolution)

Though the army held its fire, it faces a leadership shake-up and a further erosion of power and influence

The Russian Revolution (The Russian Revolution)

The Shakeout: Blunt Sword, Dented Shield (The Russian Revolution)

Initially a supporter of perestroika, the KGB was traumatized by the coup. Soon it may be dismembered.

The White House: Let's Stay in Touch (The Russian Revolution)

How Yeltsin persuaded George Bush to speak out strongly -- if a bit belatedly -- against the plotters

Upheaval: Desperate Moves (The Russian Revolution)

By burying the Communist Party, Gorbachev tries to seize the initiative from Yeltsin and slow his country's breakup. He may be too late.

Where Was the Black Box? (The Russian Revolution)

The Soviet Union in Chaos // Time. - September 9, 1991 | Vol. 138 No. 10. - URL: <https://content.time.com/time/magazine/0,9263,7601910909,00.html>

September 9, 1991 | Vol. 138 No. 10

WORLD

A Chastened Character In Search of a Role

Humiliated but determined to hang on to his powers, Mikhail Gorbachev exerts his formidable strength

A Communist, a Patriot, a Soldier

A Country of Skeptics

In the provinces, Russians greet the upheaval with anxiety and wonder if their daily lives will change

America Abroad

And Now for the Sequels

The Soviet Union: Starting at Year Zero (Cover Stories)

Forgotten But Not Gone

Into The Void

Suddenly the old Soviet Union is gone. Now new leaders are improvising on a grand scale to shape a new nation -- or nations -- from the chaos.

Perils of Nationhood

The Baltics have their independence back, and foreign recognition, but they won't be able to break Moscow's grip right away

Perils of Nationhood

The Baltics have their independence back, and foreign recognition, but they won't be able to break Moscow's grip right away

Saved by the Bottle

The Party Is Over

But after 70 years of controlling everything from nurseries to nuclear weapons, can the communists be counted out?

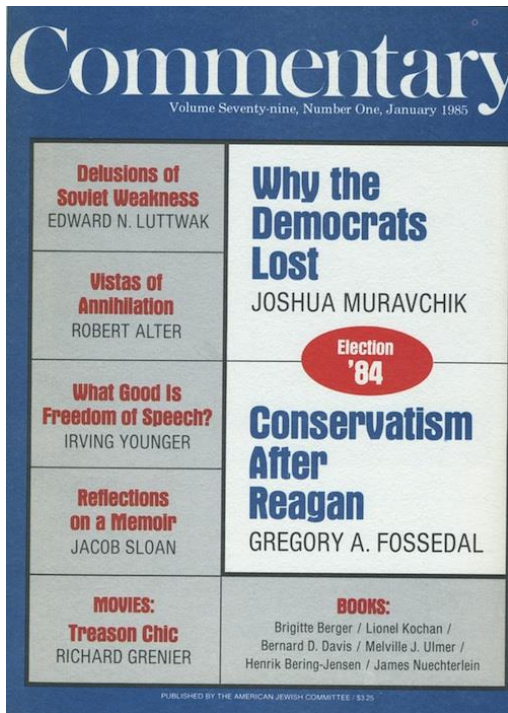
U.S.S.R. Or B.U.S.T.

What About the Nukes?

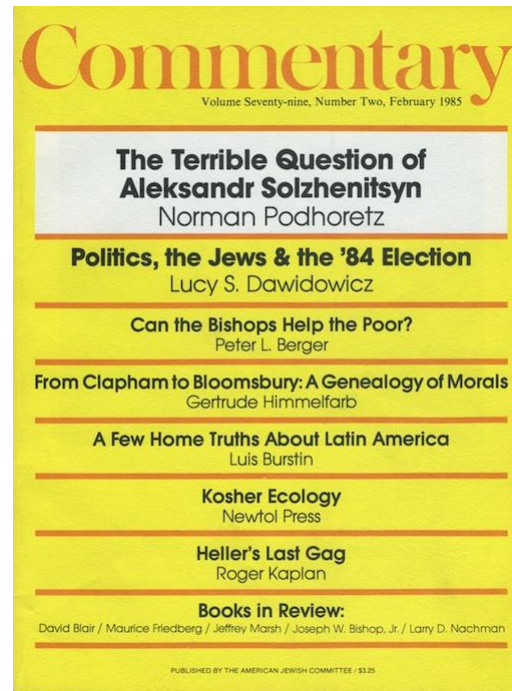
In the postcoup U.S.S.R., someone still has to control the 27,000 warheads dispersed through several republics

Приложение 7. Обложки журнала «Commentary»

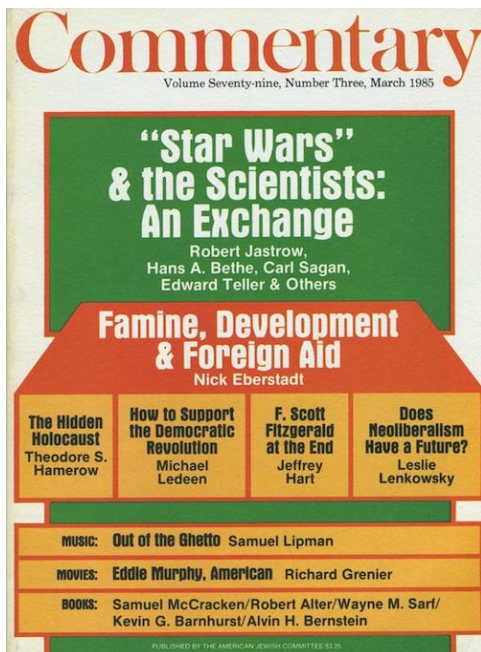
1985

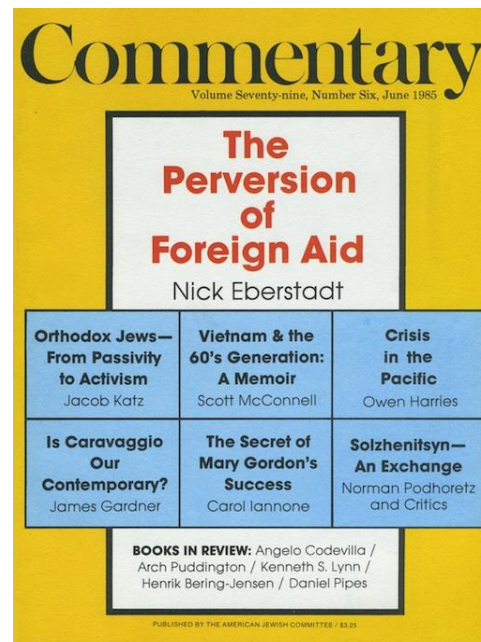
January 1985

February 1985

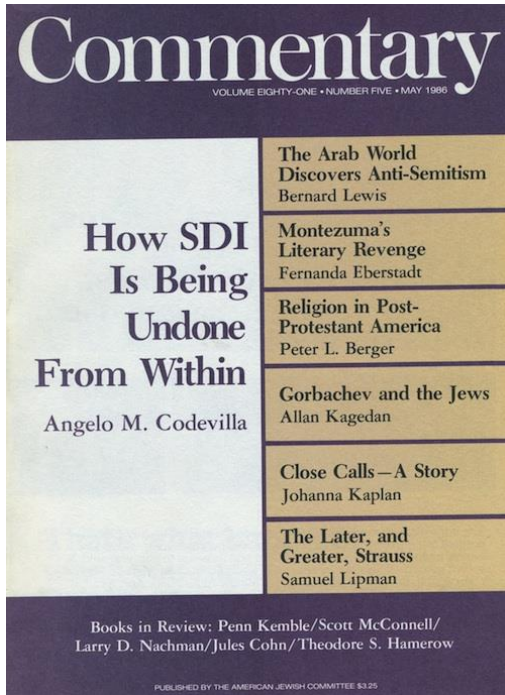

March 1985

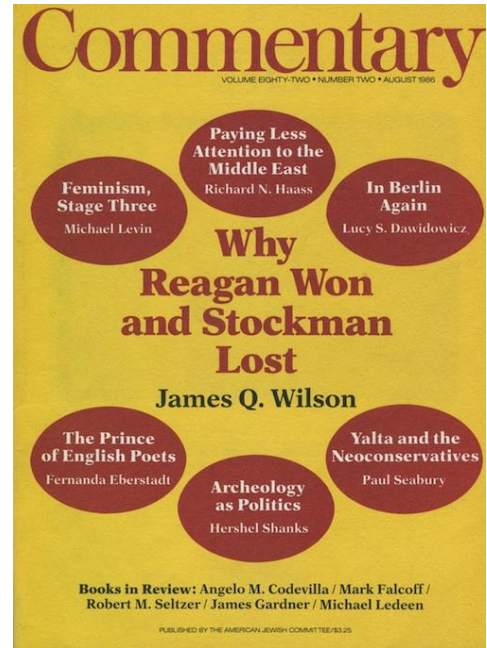

June 1985

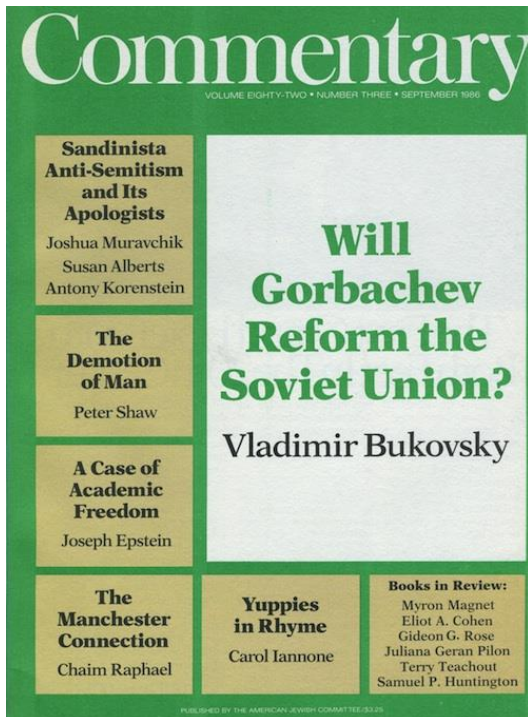
1986

May 19856

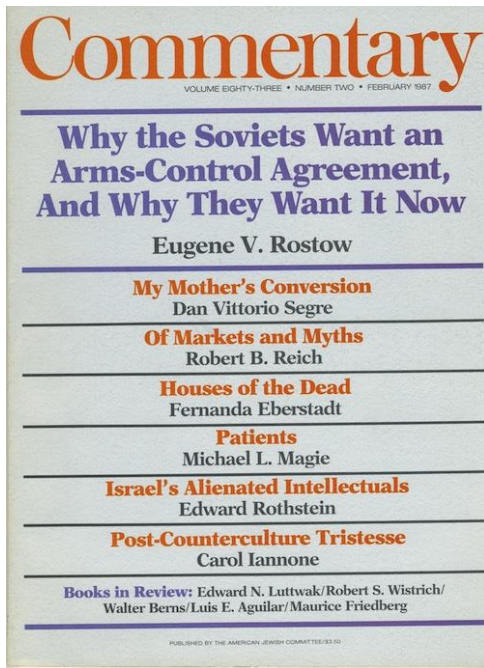

August 1986

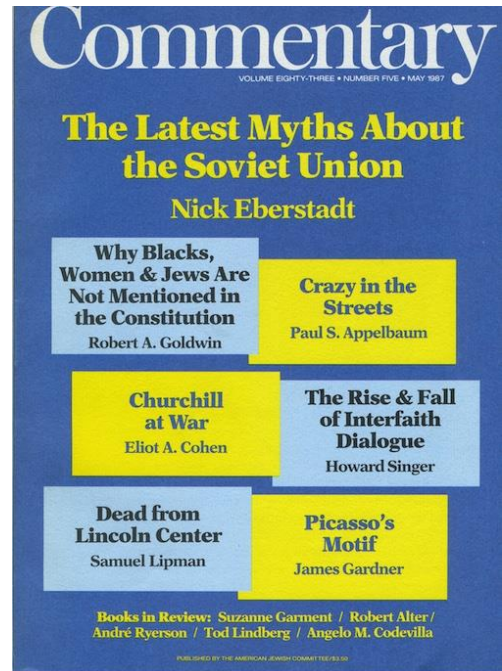

September 1986

1987

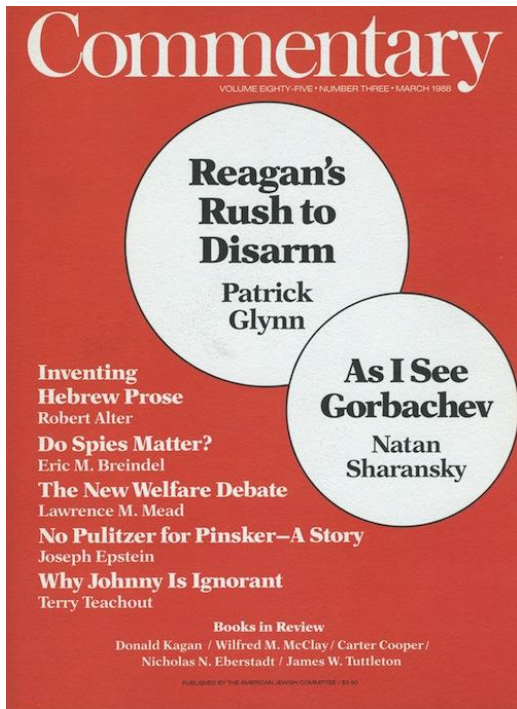

February 1987

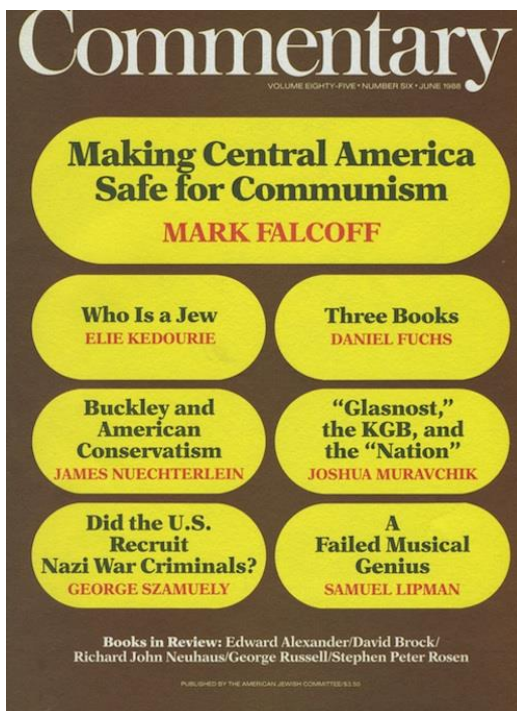

May 1987

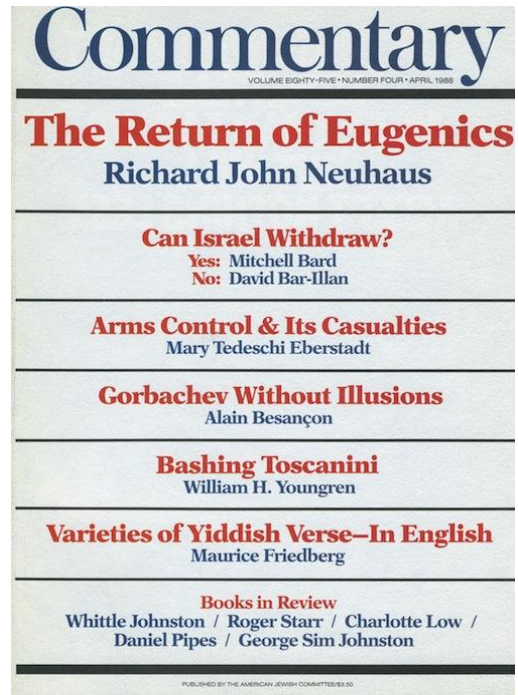
1988

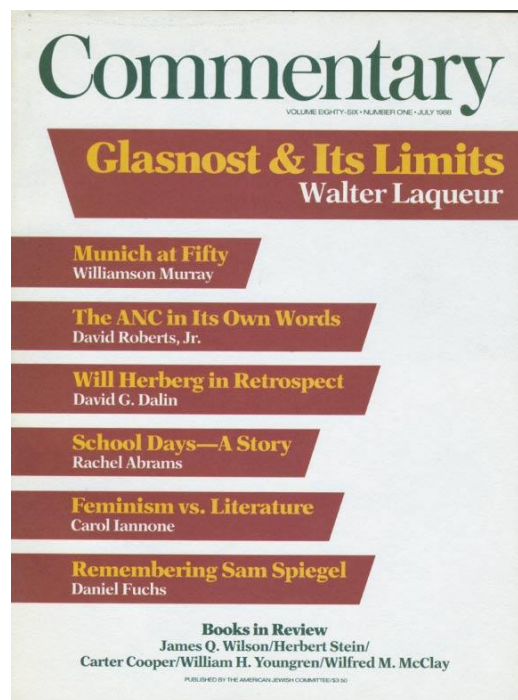
March 1988

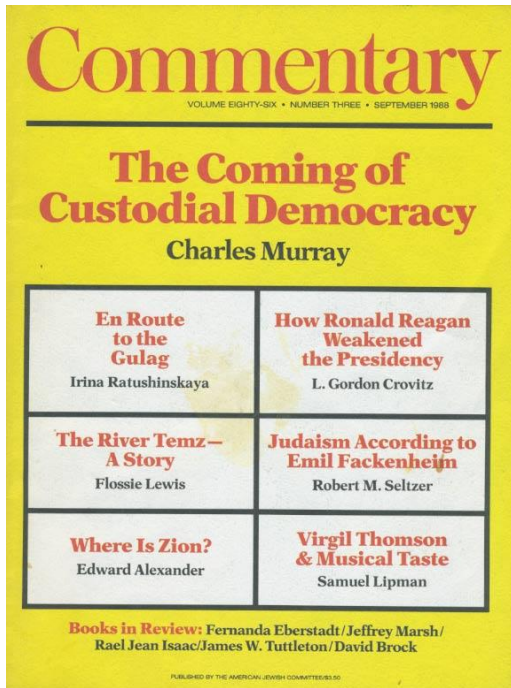
June 1988

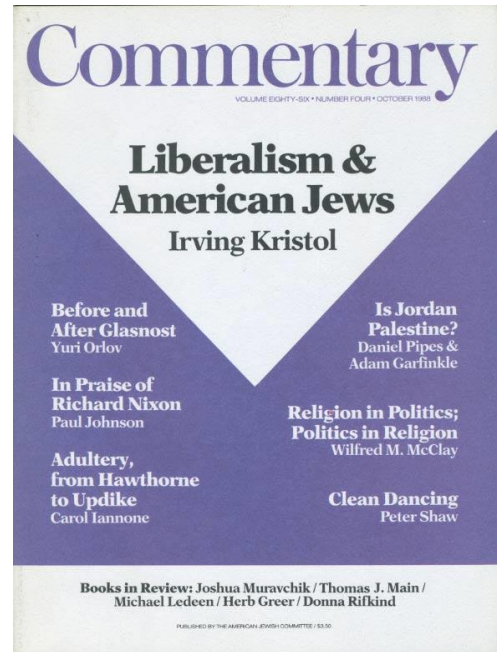
April 1988

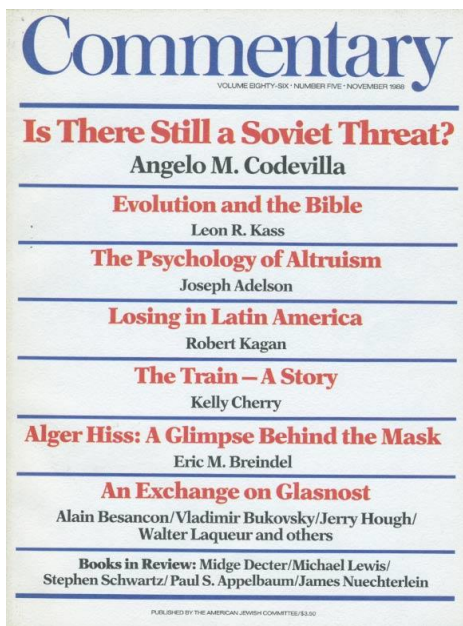
July 1988

September 1988

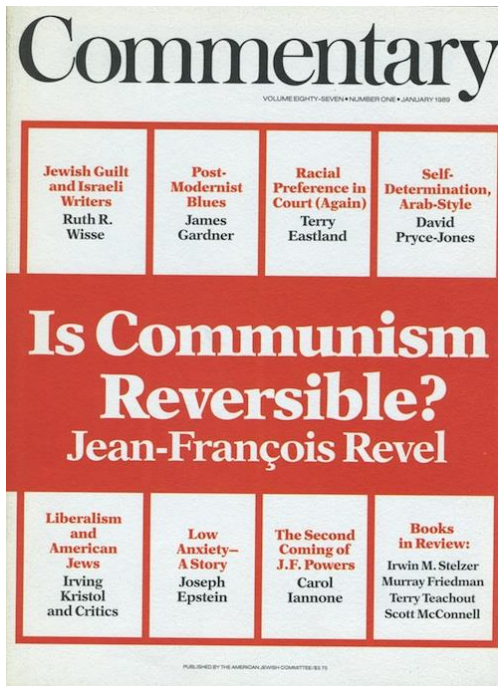

October 1988

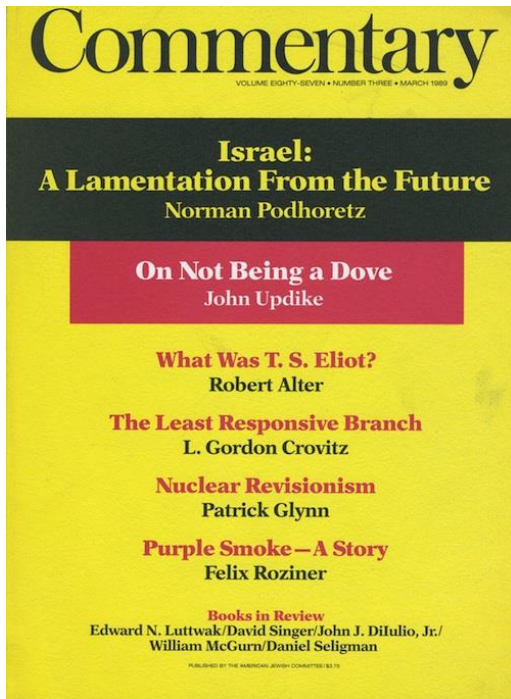

November 1988

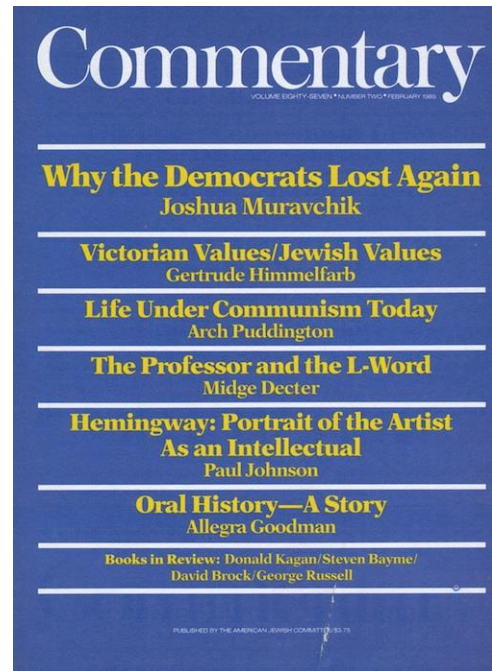
1989

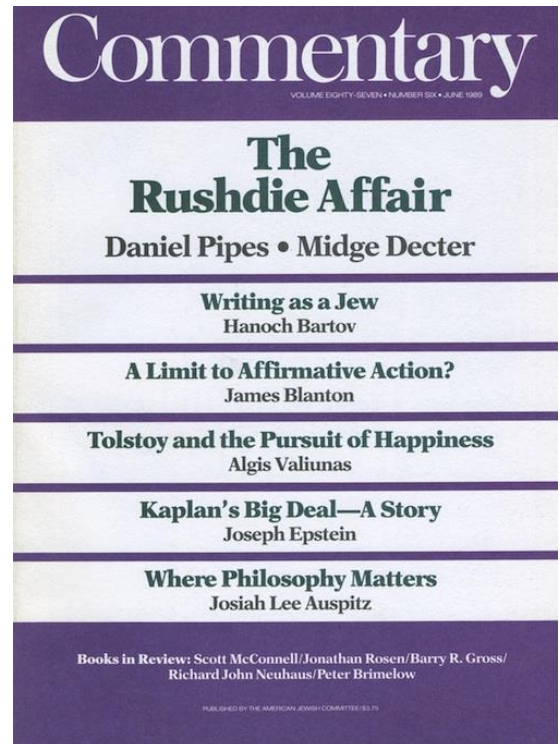
January 1989

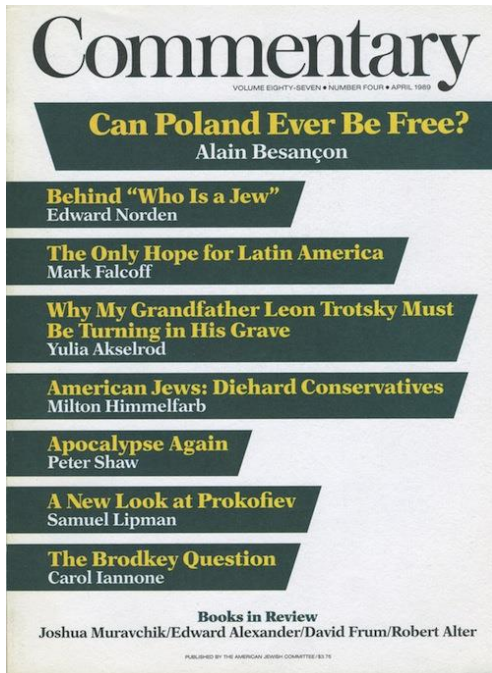
March 1989

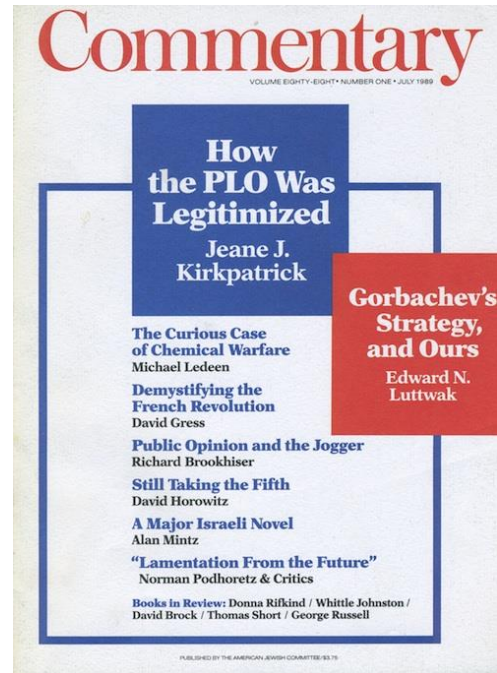
February 1989

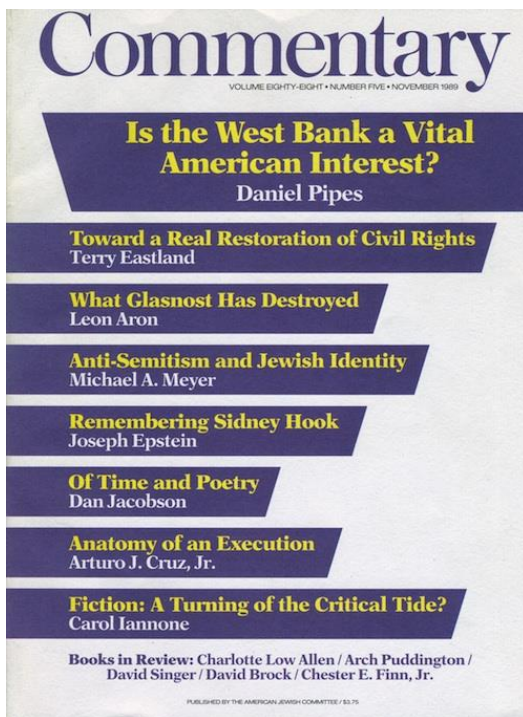
June 1989

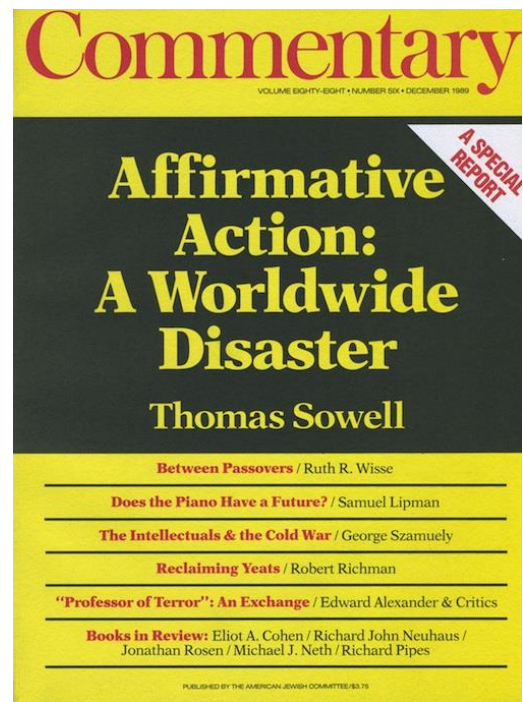
April 1989

July 1989

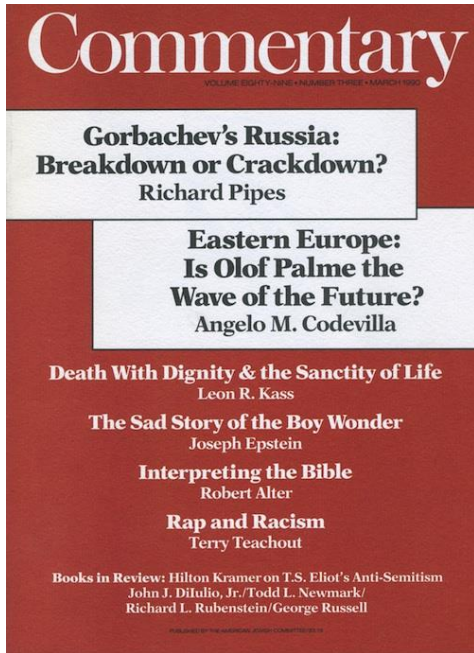

November 1989

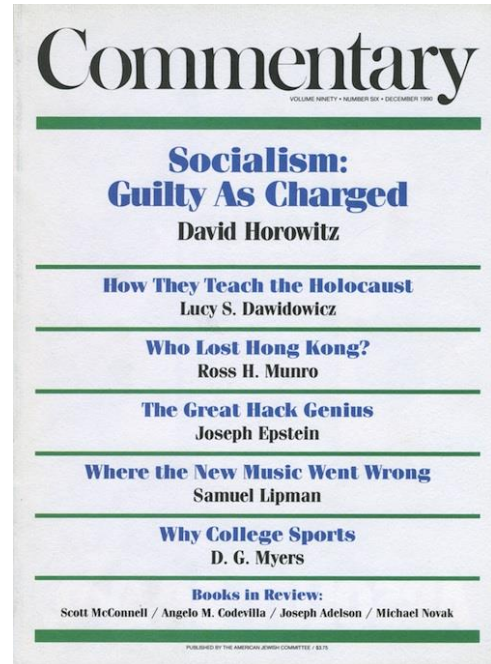

December 1989

1990

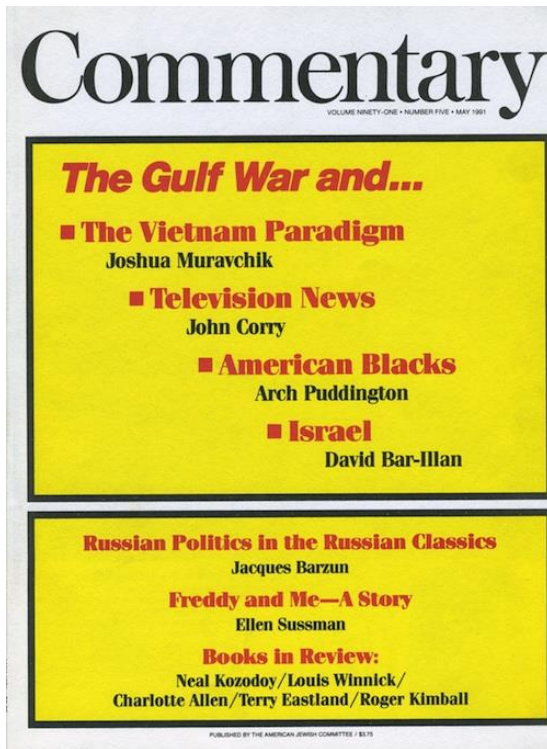

March 1990

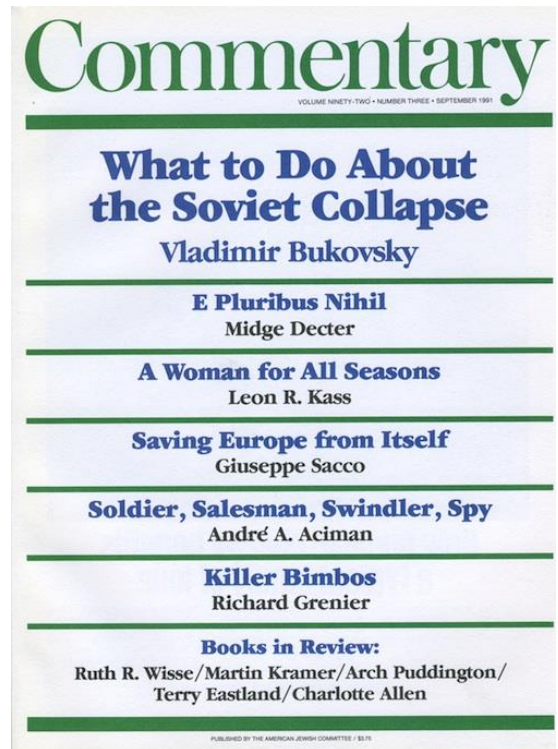

December 1990

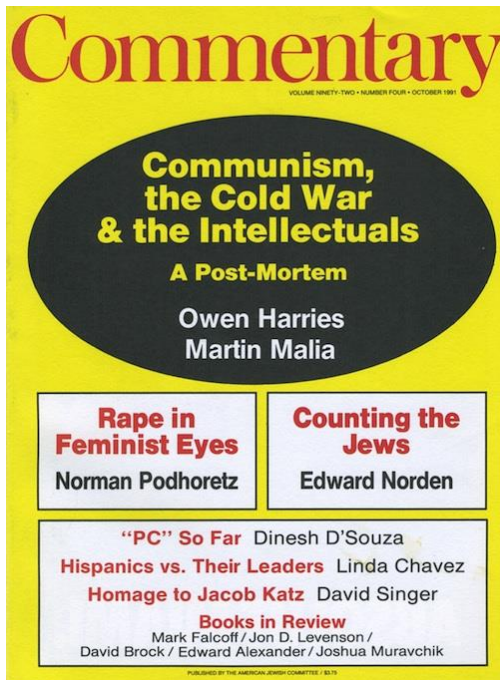
1991

May 1991

September 1991

October 1991

Приложение 8. Рабочая программа дисциплины «Имагология: особенности формирования образа России в зарубежных СМИ»

1. Цель освоения дисциплины (модуля)

Основной целью изучения дисциплины «Имагология: особенности формирования образа России в зарубежных СМИ» является достижение уровня профессиональных компетенций, необходимых для осуществления научной и профессиональной деятельности. А также развитие умений и опыта осуществления самостоятельной работы при анализе проблем межкультурной коммуникации, презентации результатов своих научных изысканий.

Язык реализации дисциплины – русский

Код компетенции	Содержание компетенции	Индикаторы достижения компетенций
ОПК-3	Способен анализировать многообразие достижений отечественной и мировой культуры в процессе создания медиатекстов и (или) медиапродуктов, и (или) коммуникационных продуктов	ОПК-3.1 Демонстрирует кругозор в сфере отечественного и мирового культурного процесса

2. Место дисциплины в структуре образовательной программы

Дисциплина «Имагология: особенности формирования образа России в зарубежных СМИ» (Б1.В.01) относится к вариативной части дисциплин (Дисциплины по выбору) ОП ВО, формируемой участниками образовательных отношений образовательной программы: 42.03.02. Журналистика, профиль Международная журналистика, изучается в 5 семестре 3 курса.

Дисциплина «Имагология: особенности формирования образа России в зарубежных СМИ» содержательно и логически взаимосвязана с такими дисциплинами учебного плана как «Основы журналистики», «Введение в мультимедийную журналистику» «Введение в теорию текста», «Журналистика данных и визуализация».

Для реализации итогового творческого задания по дисциплине необходимы знания, умения и компетенции, ранее сформированные в ходе изучения следующих дисциплин: «Цифровые технологии в журналистике», «Основы креативного письма», «Практикум по мультимедийной журналистике», «Обработка изображений и видеомонтаж», «Выпуск учебных СМИ», «Мультимедийная журналистика».

Освоение дисциплины «Имагология: особенности формирования образа России в зарубежных СМИ» необходимо при изучении последующих дисциплин: «Медиадизайн и цифровая визуализация», «Иностранный язык», «Практический курс иностранного языка в сфере медиа», «Взаимодействие с аудиторией в социальных сетях».

3. Планируемые результаты обучения по дисциплине

Дисциплина (модуль) направлена на формирование следующих компетенций выпускника: ОПК-3 - Способен анализировать многообразие достижений отечественной и мировой культуры в процессе создания

медиа-текстов и (или) медиа-продуктов, и (или) коммуникационных продуктов. В результате изучения дисциплины обучающиеся должны:

Код компетенции. Код и наименование индикатора достижения компетенций	Знать	Уметь	Владеть
ОПК-3 ОПК-3.1	Основные этнокультурные стереотипы, связанные с Россией и русскими, процессы их формирования.	Определять основные этнокультурные стереотипы и проследить тенденции по их переходу из художественной литературы прошлых веков в современные медиа	Навыком проводить аналогии между рассматриваемыми явлениями в сфере этнокультурных стереотипов и медиа

4. Объем дисциплины (модуля)

Общая трудоемкость дисциплины (модуля) составляет 3 ЗЕ (108 академических часов).

	Количество академических часов
4.1. Объем контактной работы обучающихся с преподавателем	32
в том числе:	

лекции (общее кол-во часов, включая практическую подготовку)	10
практические занятия, семинары и пр. (общее кол-во часов, включая практическую подготовку)	22
лабораторные занятия (общее кол-во часов / включая практическую подготовку)	
курсовое проектирование	
групповые, индивидуальные консультации и иные виды учебной деятельности, предусматривающие групповую или индивидуальную работу обучающихся с преподавателем	
4.2. Объем самостоятельной работы обучающихся	76
в том числе часов, выделенных на подготовку к экзамену (зачету)	

5. Содержание дисциплины

/п	Наименование темы (раздела) дисциплины (с кратким содержанием темы (раздела))	Общая трудоёмкость в акад. часах	Трудоёмкость по видам учебных занятий (в акад. часах)				
			Лек/пр.подг.	Лаб / пр.подг.	Пр / пр.подг.	РП	Р
	Имагология как гуманитарная дисциплина <i>(Зарождение имагологии, компаративистика, основные труды, «французская школа», «немецкая школа»,</i>	8	2		2		

	<i>современные тенденции)</i>						
	<p>Стратегии и методы имагологического исследования</p> <p><i>(Компаративистский подход, лингвистический подход, квалиметрический подход, междисциплинарный подход, корпусные исследования, описательный анализ, специализированные инструменты обработки языковых данных (Python, AntConc, Sketch Engine, Voyant Tools), BigData в имагологии, анализ и представление статистических данных)</i></p>	8	2		2		
	<p>Этнокультурные стереотипы. Образ и имидж в инокультуре</p> <p><i>(Феномен стереотипа, социальный и психологический аспект. Особенности функционирования стереотипов, когнитивная значимость. Процессы формирования этнокультурных стереотипов, их значимость в культуре. Методы коррекции этнокультурных стереотипов. Диалог культур. Этнокультурные стереотипы</i></p>	8	2		2		

	<i>в прессе)</i>						
	<p>Россия в зарубежной литературе путешествий.</p> <p>Зарождение и развитие этнокультурных стереотипов</p> <p><i>(Первые контакты иностранцев с Россией.</i></p> <p><i>Специфика жанра путешествий в литературе, путевой очерк и травелог.</i></p> <p><i>Английская традиция, французская традиция.</i></p> <p><i>Значение путевого очерка в формировании образа страны и его жителей. Авторы травелогов: дипломаты, военные, путешественники, писатели, журналисты)</i></p>	3 0	2		8		0
	<p>Реализация этнокультурных стереотипов в прессе</p> <p><i>(Основные образы России и русских в иностранных СМИ, вербальный аспект.</i></p> <p><i>Особенности представления "русского" в медиа, невербальный аспект.</i></p> <p><i>"Русский" на экране: кино и мультипликация. Карикатура.</i></p> <p><i>Особенности представления "русского" в периоды</i></p>	5 4	2		8		4

	<i>конфликта: Холодная война, Югоосетинский конфликт)</i>						
	<i>Курсовое проектирование</i>	X					
	<i>Консультация к экзамену</i>	X					
	<i>Подготовка к экзамену (зачету)</i>	X					
	Итого:	1 08	1 0		22		6

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы обучающихся

/п	Наименование раздела дисциплины	Вид самостоятельной работы обучающихся
	Тема 1. Имагология как гуманитарная дисциплина.	Подготовка конспекта лекции Изучение первоисточников, знакомство с оригинальными работами Подготовка к устному опросу.
	Тема 2. Стратегии и методы имагологического исследования	Подготовка конспекта лекции Изучение первоисточников, знакомство с оригинальными работами Подготовка к устному опросу.
	Тема 3. Этнокультурные стереотипы. Образ и имидж в инокультуре.	Подготовка конспекта лекции Изучение первоисточников, знакомство с оригинальными работами. Подготовка к письменному тесту.

	<p>Тема 4. Россия в зарубежной литературе «путешествий». Зарождение и развитие этнокультурных стереотипов</p>	<p>Подготовка конспекта лекции</p> <p>Изучение первоисточников, знакомство с оригинальными работами.</p> <p>Чтение и конспектирование литературного произведения из списка по выбору.</p> <p>Подготовка доклада о произведении и используемых в нем этнокультурных стереотипов (эссе и презентация)</p>
.	<p>Тема 5. Реализация этнокультурных стереотипов в прессе</p>	<p>Подготовка конспекта лекции</p> <p>Изучение первоисточников, знакомство с оригинальными работами.</p> <p>Выбор иностранного издания для анализа.</p> <p>Определение и обоснование хронологических рамок для анализа публикаций иностранного издания.</p> <p>Подготовка группового творческого проекта на основе собранных и проанализированных материалов из иностранной прессы (эссе и медиа-проект).</p>

7. Оценочные материалы

7.1. Оценочные материалы для проведения текущего контроля успеваемости

/п	Наименование темы (раздела) дисциплины	Средства текущего контроля успеваемости	Перечень компетенций
	<p>Тема 1. Имагология как гуманитарная дисциплина.</p>	<p>Устный опрос (работа на семинаре)</p>	<p>ОПК-3.1 (начальный этап)</p>
	<p>Тема 2. Стратегии и методы имагологического</p>	<p>Устный опрос (работа на семинаре)</p>	<p>ОПК-3.1</p>

	исследования		(начальный этап)
	Тема 3. Этнокультурные стереотипы. Образ и имидж в инокультуре.	Устный опрос (работа на семинаре) Тест	ОПК-3.1 (начальный этап)
	Тема 4. Россия в зарубежной литературе «путешествий». Зарождение и развитие этнокультурных стереотипов	Написание эссе Создание и представление презентации	ОПК-3.1
	Тема 5. Реализация этнокультурных стереотипов в прессе	Создание и представление творческого проекта	ОПК-3.1 (заключительный этап)

Критерии и шкала оценивания работы на семинаре в рамках устных опросов:

Критерии	Оценка
Присутствует на занятии, но не участвует в обсуждении	0
Отвечает на вопросы в рамках домашнего задания, участвует в представлении доклада и творческого проекта, но не участвует в обсуждении работ одногруппников, не задаёт вопросов, не может ответить на дополнительные вопросы по докладу и проекту	1
Отвечает на вопросы в рамках домашнего задания, задаёт вопросы по теме занятия, но не участвует в обсуждении работ одногруппников, не может ответить на дополнительные вопросы по докладу и проекту	2
Отвечает на вопросы в рамках домашнего задания, задаёт вопросы по теме занятия, но не участвует в обсуждении работ одногруппников или не может ответить на дополнительные вопросы по докладу и проекту	3
Отвечает на вопросы в рамках домашнего задания, задаёт вопросы по теме занятия, участвует в обсуждении работ одногруппников, может ответить на	4

дополнительные вопросы по докладу и проекту	
---	--

Максимальная оценка за работу на 1 семинаре – 0,5 балла.

Общая максимальная оценка за работу на семинарах – 11 баллов

Перечень вопросов для подготовки к тестированию:

1. Что изучает имагология?
2. Как соотносятся имагология и компаративистика?
3. Как можно использовать лингвистические инструменты в имагологии?
4. Что такое этнокультурный стереотип?
5. Какова когнитивная значимость стереотипов?
6. Как работают стереотипы в процессе осмысления действительности?
7. Какова этимология термина имагология?
8. Что такое культурная иконография?
9. В каком веке вошел в научный оборот термин «имагология»?
10. В чем состоит основной концепт имагологии?
11. Назовите ученого, который считается основоположником имагологии.

Критерии и шкала оценивания тестирования

За каждый верный ответ – 0,4 балла

За каждый неверный ответ – 0 баллов

Всего вопросов – 10

Максимальное количество баллов – 4.

Список произведений для анализа по теме №4 (эссе с презентацией)*

1. Авриль, Ф. Сведения о Сибири и пути в Китай, собранные миссионером Ф. Аврилем в Москве в 1686 году / Ф. Авриль, Н.А. Полевой: пер. с франц. // Русский вестник. - 1842. - Т. 6.-№4.-С. 69—104. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus14/Avril/text3.phtml?id=9156>
2. Альгаротти Ф. Путешествие в Россию / Изд. подгот. И. П. Володина, А. Ю. Миролубова. — СПб: Наука, 2014. — 400 с. URL: <https://inlnk.ru/vo22zE>
3. Герберштейн С. Записки о Московии // Т. 1: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А.В. Назаренко. –М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 776 с. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2008_gerbershtejn_1.pdf
4. Готье Т. Путешествие в Россию / [Пер. с фр. и коммент. Н. В. Шапошниковой; Предисл. А. Д. Михайлова]. - Москва : Мысль, 1988. – 396 с. URL: <http://imwerden.de/publ-3025.html>
5. Делавиль П. Краткая записка о том, что происходило в Московии, от царствования Ивана Васильевича, императора, до Василия Шуйского, сочинённая Петром Делавилем де-Домбаль, в 1611 году // Русский вестник. СПб., 1841. Т. 1. С. 744-756 URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Delavil_Pierre/text.htm
6. Кюстин А. Россия в 1839 году: В 2 т. Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. Т. I / Пер. В. Мильчиной и И. Стаф.— М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 528 с. URL: https://imwerden.de/pdf/kyustin_rossiya_v_1839_godu_tom1_1996_ocr.pdf
7. Ламартиньер П. М. Путешествие в северные страны, в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов, борандайцев, сибиряков, самоедов, новоземельцев и исландцев, со многими

рисунками : Voyage des pais septentrionaux, par P.-M. de la Martinière / [Соч.] Де-Ламартиньера; Пер., объясн., [вступ. ст.] и примеч. В.Н. Семенковича, инж.-мех. и учен. археолога...; Пер. и печ. исполн. под набл. С.К. Кузнецова. - Москва : Моск. археол. ин-т, 1911. -229 с. URL: <https://www.rulit.me/author/de-lamartiner-per-martin/puteshestvie-v-severnye-strany-get-555750.html>

8. Маржерет Ж. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского в 1606 году / Маржерет ; Пер. с фр. со вступ. ст. И. Н. Бороздина. - Москва : Кн-во «Полюза» В. Антик и Ко, 1913. -104 с. URL: <https://www.prilib.ru/item/450931>

9. Мильтон Дж. Московия или известия о Московии, по открытиям английских путешественников, собранные из письменных свидетельств разных очевидцев; также и другие малоизвестные страны, лежащие на востоке от России до самого Китая, недавно в разное время открытые русскими. - Б. м. : Б. и., 19--. - 114 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000017273/

10. Невилль Ф. Записки о Московии / Пред., подг. текста, пер. с франц. и комм. А. С. Лаврова. — М.; Долгопрудный: Аллегро-пресс, 1996. — 304 с. https://www.vostlit.info/Texts/rus6/Nevill_2/text1.htm

11. Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1637 годах, составленное секретарём посольства Адамом Олеарием / Пер. П. П. Барсова. — М.: ОИДР, 1870. — 1156 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003580361/

12. Сегюр Ф. П. Поход в Россию: Записки адъютанта имп. Наполеона I / Граф де-Сегюр; С предисл. Мельхиора де Вогюэ; Пер. с фр. Э. Пименовой и Н. Васина. - Москва : Универсальная б-ка, 1916. - 411 с. URL: <https://prussia.online/books/istoriya-pohoda-v-rossiu>

13. Соваж Ж. Записка о путешествии в Россию Жана Соважа Дьепского, в 1586 году // Северные ворота России. Сообщения путешественников XVI--XVIII веков об Архангельске и Архангельской губернии. М., ОГИ, 2009. URL: http://az.lib.ru/s/sowazh_z/text_0010.shtml

Задание повышенной сложности (литература на иностранном языке)

Французский:

1. Avril P. Voyage en divers Etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine . - C. Barbin, J. Boudot, G. et L. Josse, 1692 - 406 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=G-5Lprycc7kC>
2. Delaville P. Discours sommaire de ce qui est arrive en Moscovie depuis le regne de Ivan Wassiliwich, empereur, jusques a Vassili Ivanovitz Souski. Par Pierre de Laville, sieur de Dombasle. 1611 // La Chronique de Nestor traduite en fran9ais d'apres l'edition imperiale de Petersbourg (Manuscrit de Koenigsberg) accompagnee de notes et d'un recueil de pieces inedites touchant les anciennes relations de la Russie avec la France. Par Louis Paris. P., 1834. T. 1. P. 404-428 p. URL: https://books.google.ru/books?id=UFmYAkjiYeYC&printsec=frontcover&source=gsb_atb&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false
3. Lannoy G. Les Voyages et Ambassades de Messire Guillebert de Lannoy, 1390–1450. Mons, 1840. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=org.readera&hl=ru>
4. Maréchal P.S. Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants. Londres; P., 1802 URL: <https://www.litres.ru/book/pierre-mar-chal/histoire-de-la-russie-reduite-aux-seuls-faits-importans-352482/>
5. Massa J. Histoire des guerres de la Moscovie (1601-1610). T. 2 Bruxelles, 1866. – 310 p. URL: https://books.google.ru/books?id=nmDCETDj-OAC&printsec=frontcover&source=gsb_atb&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false
6. Mervaud M., Roberti J.C. Une infinie brutalite. L'image de la Russie dans la France des XVI-e et XVII-e siecles. P., 1991.
7. Neville F. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie contenant l'état présent de cet empire. Les expéditions des Moscovites en Crimée, en 1689. Les causes des dernières révolutions. Leurs moeurs, & leur religion. Le récit d'un voyage de

Spartacus, par terre, à la Chine. - chez Meyndert Uytwerf, 1699 URL:

<https://books.google.ru/books?id=buydL4Zs6ZQC>

Английский:

8. Bremner R. Excursions in the Interior of Russia; Including Sketches of the Character and Policy of the Emperor Nicholas, Scenes in St. Petersburg, &c. &c. Vol. I. London: Henry Colburn, 1839. – 408 p. URL:

https://books.google.ru/books?id=j0oCAAAAYAAJ&printsec=copyright&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false

9. Kohl J. G. Russia. St. Petersburg, Moscow, Kharkoff, Riga, Odessa, the German Provinces on the Baltic, the Steppes, the Crimea, and the Interior of the Empire. London: Chapman and Hall, 1842. – 530 p. URL:

https://books.google.ru/books?id=G-9RAQAAMAAJ&printsec=frontcover&source=gbs_atb&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false

10. Londonderry M. Recollections of a Tour in the North of Europe in 1836-1837. Vol. I, II. London: Richard Bentley, 1838. – 228 p. URL:

https://books.google.ru/books?id=XrawzQEACAAJ&printsec=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false

11. Nerhood H.W To Russia and Return: An Annotated Bibliography of Travelers' English-Language Accounts of Russia from the Ninth Century to the Present. Columbus, 1968;

12. Paul R.B. Journal of a Tour to Moscow, in the Summer of 1836. London, 1836;

13. Ramble R. Travelling Opinions and Sketches in Russia and Poland. London, 1836;

14. Smith J. Travels and Works of Captain John Smith: President of Virginia, and Admiral of New England, 1580-1631, ed. Edward Arber, Part II. Edinburgh: John Grant, 1910. – 560 p. URL: <https://highlanderjuan.com/wp->

<content/uploads/2019/01/Edward-Arber-Travels-and-Works-of-Captain-John-Smith-Part-1.pdf>

15. Venables R. L. Domestic Scenes in Russia: In a Series of Letters Describing a Year's Residence in That Country, Chiefly in the Interior. London: John Murray, 1839. URL: <https://books.google.co.ao/books?id=ZngEAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=pt-PT#v=onepage&q&f=false>

Немецкий:

16. Olearium A. Offt beehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise / So durch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation an den König in Persien geschehen: Worinnen Derer Orte und Länder/ durch welche die Reise gangen / als fürnemblich Rußland / Tartarien und Persien / sampt ihrer Einwohner Natur/ Leben und Wesen fleissig beschrieben / und mit vielen Kupfferstücken / so nach dem Leben gestellet / gezieret. 1647. – 662 p. URL: <http://diglib.hab.de/drucke/263-1-hist-2f/start.htm>

17. Wide H. J. Thet Swenska i Ryssland Tijo ehre Krijgz-Hl storie... ifren 1607 intill 1617. Stockholm, 1671.

*(список может быть дополнен произведением, предложенным учащимся при наличии обоснования необходимости анализа указанного произведения в рамках текущего курса)

Критерии оформления эссе

1) Текст может быть сохранен в форматах *.doc, *.docx, *.rtf. Размер листа – А4. Ориентация – книжная. Поля – 2 см. Шрифт Times New Roman. Кегль – 14. Междустрочный интервал – полуторный. Автоматический (не

пробелами) отступ первой строки каждого абзаца 0,5 см. Нумерация страниц сквозная, по центру страницы.

2) Оформление библиографического списка в соответствии с ГОСТ Р 7.0.11-2011 URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200093432>

3) Библиографический список формируется в алфавитном порядке: сначала следуют русскоязычные источники, за ними литература на иностранных языках.

4) Библиографические ссылки в тексте приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки, при помощи порядкового номера (номер в библиографическом списке) в квадратных скобках. При прямом цитировании обязательно указывается номер страницы источника или листа архивного документа. Также допускается оформление библиографических ссылок по тексту в виде постраничных сносок с последующим формированием из них списка литературы.

5) Не допускается отделение инициалов от фамилий с размещением их на разных строках. Необходимо использовать «неразрывный пробел» (сочетание клавиш Ctrl-Shift-Пробел).

6) Не использовать «дефис» в тех случаях, когда должен быть знак «тире» и наоборот. Между цифрами и годами стоят короткие тире без пробелов (1990–1991 гг.). Между словами ставится короткое тире с пробелами, а не дефисы (Девочка – это человек.). Дефис – орфографический знак, который разделяет части слова (что-то; кто-нибудь и пр.). Не использовать двойные (тройные и т.д.) пробелы – между словами должен стоять один пробел.

7) Иллюстрации (фотографии, рисунки, схемы, графики, диаграммы, карты), вставленные в текст, сопровождаются подписями (пример: Рисунок1). Графические материалы, размещенные в тексте, должны быть хорошего качества, понятны и читаемы

8) Эссе должно быть тщательно вычитано автором, не должно содержать орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок, повторов блоков информации.

9) Фамилия и инициалы автора на первой строке, выравнивание по правому краю. Заголовок полужирный, выравнивание по центру страницы. Текст эссе – выравнивание по ширине страницы.

****Недобросовестное цитирование приравнивается к плагиату. Работы, в которых выявлен плагиат оцениваются в 0 баллов.***

***** Эссе возможно выполнять как в индивидуальном, так и в групповом формате. В случае выполнения работы в группе, обучающиеся предоставляют пояснительную записку в свободной форме, в которой описывается вклад каждого участника в работу.***

Шкала оценивания эссе

	Критерии	Требование не выполнено	Есть существенные недостатки	Есть незначительные недостатки	Требование выполнено на максимальном уровне
1	Оформление эссе соответствует требованиям	0	0,25	0,5	1
2	К каждому тезису даны примеры	0	0,5	1	2
3	Эссе логически структурировано, имеет введение, основную часть, заключение	0	0,25	0,5	1
4.	Изучены и приведены теоретические материалы	0	0,5	1	2
5	Проведены параллели между теоретическим материалом и анализируемым произведением	0	0,5	1	2
6	Дана справка об авторе произведения, историческом и культурном бэкграунде произведения	0	0,75	2	3
7	Указаны основные стереотипы о России, используемые или формирующиеся в произведении	0	0,75	2	3
8	Указаны второстепенные стереотипы о России, используемые в произведении	0	0,5	1	2
9	Высказаны предположения о влиянии произведения на формирование стереотипов о	0	0,5	1	2

	России				
10.	Высказаны предположения о переходе выявленных в производстве стереотипов в современные СМИ	0	0,5	0	1
Максимальное количество баллов		20			

*Эссе выполненное по произведению из списка литературы повышенной сложности (на иностранном языке) присваиваются бонусные 5 баллов.

Критерии оформления презентации:

- 1) Титульный лист содержит название работы, фамилию и инициалы автора (авторов), фамилию и инициалы преподавателя, номер группы, логотип учебного заведения, город, год выполнения работы.
- 2) Нумерация слайдов сквозная, начиная со 2 слайда.
- 3) В случае, если на слайде приведена цитата, в подстрочной подписи к слайду необходимо указать источник в соответствии с ГОСТ Р 7.0.11-2011.
- 4) Библиографический список приводится на предпоследнем слайде и оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.11-2011.
- 5) Последний слайд содержит надпись: «Спасибо за внимание».

**Недобросовестное цитирование приравнивается к плагиату.*

Работы, в которых выявлен плагиат оцениваются в 0 баллов.

*** Презентацию возможно выполнять как в индивидуальном, так и в групповом формате. В случае выполнения работы в группе, обучающиеся предоставляют пояснительную записку в свободной форме, в которой описывают вклад каждого участника в работу.*

Шкала оценивания презентации

	Критерии	Требование не выполнено	Есть существенные недостатки	Есть незначительные недостатки	Требование выполнено на максимальном уровне
1	Оформление презентации соответствует требованиям		0,25	0,5	1
3	Презентация логически структурирована, имеет введение, основную часть, заключение, отражены все положения эссе		0,25	0,5	1
4	Используются средства наглядности информации (таблицы, схемы, графики и т. д.)		0,25	1	2
5	Оформление слайдов соответствует теме, не препятствует восприятию содержания, для всех слайдов презентации используется один и тот же шаблон оформления		0,25	0,5	1
6	Выступающий свободно владеет содержанием, ясно и грамотно излагает материал, укладывается в регламент выступления		1	2,5	3
7	Выступающий свободно и корректно отвечает на вопросы и замечания аудитории		1	3	3
Максимальное количество баллов		11			

*Презентация, выполненная по произведению из списка литературы повышенной сложности (на иностранном языке) присваиваются бонусные 3 балла.

Критерии оформления творческого проекта

1. Творческий проект должен быть выполнен в виде короткометражного фильма (до 7 минут), ученической газеты, аудио-подкаста или иной форме на усмотрение обучающихся.

2. Творческий проект должен быть выполнен корректно с технической точки зрения. Для аудио и видео-форматов должен быть записан качественный звук без посторонних шумов (если иное не предусмотрено творческим замыслом авторов).

3. Проект должен быть выполнен на русском языке (допускаются примеры и иллюстрации на языке источника с обязательным переводом на русский язык) и соответствовать нормам современного русского языка (орфография, пунктуация, стилистика, фонетика).

4. Допускается выполнение проекта как в индивидуальном, так и в групповом формате. В случае выполнения работы в группе, обучающиеся предоставляют пояснительную записку в свободной форме, в которой описывают вклад каждого участника в работу.

	Критерии	Требование не выполнено	Есть существенные недостатки	Есть незначительные недостатки	Требование выполнено на максимальном уровне
1	Дана справка об анализируемом средстве массовой информации (тип, периодичность, тематика, политическая направленность)	0	1	2	3
2	Приведены и обоснованы хронологические рамки исследования	0	1	2	3
3	Приведены примеры стереотипов и характерные особенности формирования образа России в исследуемом медиа	0	2	4	6
4	Приведены графики и схемы, структурирующие результаты анализа эмпирических данных	0	2	4	6
5	Дана справка о журналистах, авторах анализируемых публикаций	0	2	3	4
6	Проведен диахронический анализ информации, предлагаемый исследуемым медиа, определена и сформулирована информационная политика по отношению к России	0	5	7	10

7	Проведены параллели между выявленными образами и стереотипами в изучаемом СМИ и образами и стереотипами в ранее изученных путевых очерках	0	5	7	10
8	Проект выполнен корректно с технической точки зрения и соответствует нормам русского языка.	0	2	3	4
Максимальное количество баллов		46			

РЕЙТИНГ-ПЛАН

по дисциплине «Имагология: особенности формирования образа России в зарубежных СМИ»

Семестр 5

БАЗОВАЯ ЧАСТЬ РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМЫ				
Виды контроля	Контрольные мероприятия	И	М	
		ин. кол-во баллов	акс. кол-во баллов	
Текущий контроль		50	92	
	1. Работа на семинаре	5	11	
	2. Тестирование	3	4	
	3. Эссе по литературному произведению	9	20	
	4. Презентация эссе по литературному произведению	6	11	
Промежуточная аттестация ⁶¹	Творческий проект	27	46	

⁶¹ Промежуточная аттестация включается в базовую часть рейтинг-плана по решению заведующего кафедрой и преподавателя, ведущего дисциплину, с учетом РПД

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ			
		9	9
	Задание повышенной сложности (эссе)	5	5
	Задание повышенной сложности (презентация)	3	3
Итого		59	100

РАСЧЕТ ИТОГОВОЙ РЕЙТИНГОВОЙ ОЦЕНКИ	
до 49 баллов	«не зачтено»
от 50 баллов	«зачтено»

РАСЧЕТ ИТОГОВОЙ РЕЙТИНГОВОЙ ОЦЕНКИ	
до 49 баллов	«неудовлетворительно»
от 50 до 64 баллов	«удовлетворительно»
от 65 до 84 баллов	«хорошо»
от 85 до 100 баллов	«отлично»

7.2. Оценочные материалы для проведения промежуточной аттестации

Форма промежуточного контроля – создание и защита творческого проекта, основанного на анализе стереотипов в зарубежных медиа. Проводится в 5 семестре.

Система оценивания творческого проекта отражена в рейтинг плане.

Перечень компетенций, формируемых в процессе освоения дисциплины и индикаторы достижения компетенций представлены в разделе "Планируемые результаты освоения дисциплины".

ОПК-3. Способен анализировать многообразие достижений отечественной и мировой культуры в процессе создания медиатекстов и (или) медиапродуктов, и (или) коммуникационных продуктов.

Показателем и критерием оценивания компетенций (индикаторами достижения компетенций) является такой приобретенный навык как способность анализировать многообразие достижений мировой культуры в процессе создания медиатекстов, медиапродуктов, коммуникационных продуктов. Данный навык выражается в следующих компетенциях:

1) Способность выявить и сформулировать основные этнокультурные стереотипы, связанные с Россией и русскими, в иностранных медиа.

2) Способность объяснить тенденции формирования этнокультурных стереотипов и их формирование в медиа.

3) Способность проводить аналогии между стереотипами в литературе и медиа.

В ходе практических занятий и семинаров студенты учатся применять на практике теоретические знания, проводить анализ эмпирического материала и отрабатывают навыки презентации результатов своих исследований. Для проверки достижения запланированных результатов обучения в процессе освоения дисциплины (модуля) используются следующие контрольные задания: эссе, презентация, творческий проект.

Уровни освоения компетенций:

Индикаторы достижения компетенции (ИДК)				Навыки		
				Знание этнокультурных стереотипов	Способность объяснить тенденции формирования этнокультурных стереотипов и их формирование в медиа	Способность проводить анalogии между стереотипами в литературе и медиа
Уровни освоения компетенций	«зачтено»	Продвинутый	«отлично»	Знает, самостоятельно выявляет и формулирует этнокультурные стереотипы, связанные с Россией и русскими в зарубежной литературе и медиа.	Способен самостоятельно проследить и объяснить тенденции формирования этнокультурных стереотипов, их функционирование в литературе и медиа.	Самостоятель но проводит анalogии между феноменами этнокультурных стереотипов в литературе и медиа, способен их объяснить.
		Базовый	«хорошо»	С помощью наводящих вопросов может выявить и сформулировать этнокультурные стереотипы, связанные с Россией и русскими в зарубежной литературе и медиа.	Не уверен в объяснении тенденции формирования этнокультурных стереотипов, их функционирования в литературе и медиа, но способен ответить на наводящие вопросы.	С помощью наводящих вопросов может проводить анalogии между феноменами этнокультурных стереотипов в литературе и медиа, способен их объяснить.

		Пороговый	«удовлетворительно»	Слабо знает этнокультурные стереотипы, связанные с Россией и русскими. Путается, отвечая на наводящие вопросы.	Может объяснить тенденции формирования этнокультурных стереотипов не в полном объеме. Путается, отвечая на наводящие вопросы.	Способен проводить аналогии между стереотипами в литературе и медиа не в полном объеме. Путается, отвечая на наводящие вопросы.
«не зачтено»	Не освоены компетенции	«неудовлетворительно»	Не знает стереотипов, связанных с Россией и ее жителями.	Не знает и не понимает тенденции формирования этнокультурных стереотипов, не может объяснить их перенос и функционирование в медиа	Не может проводить аналогии между феноменами этнокультурных стереотипов в литературе и медиа, и не способен их объяснить.	

8. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

8.1. Перечень основной учебной литературы

1. Новые медиа: теория и практика: учебно-методическое пособие / И. Б. Игнатова, Е. С. Зубаркина, А. В. Землянский — Москва: МПГУ, 2022. — 96 с.
URL: <http://elib.mpgu.info/elib/view.php?id=51029>

2. Барабаш В.В. Образы исторической и современной России: проблемы конструирования и восприятия в мире : учебное пособие / Барабаш В. В., Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. - Москва : Российский ун-т дружбы народов, 2008. – 216 с. URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/manual/record/37870/>

3. Тарасенко Т. П. Доминирующие модели образа России в современном дискурсе зарубежных СМИ / Т. П. Тарасенко ; М-во образования и науки Российской Федерации, Кубанский гос. ун-т. - Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2014. - 231 с.

8.2. Перечень дополнительной учебной литературы

1. Поляков О. Ю. Имагология: теоретико-методологические основы / О. Ю. Поляков, О. А. Полякова ; Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Вятский гос. гуманитарный ун-т». - Киров : Радуга-Пресс, 2013. - 162 с.

2. Журавлева В. И. Понимание России в США : образы и мифы, 1881-1914 / В. И. Журавлева ; Российский гос. гуманитарный ун-т. - Москва : Изд. центр Российского гос. гуманитарного ун-та, 2012. – 1140 с.

3. Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX в.). Москва : Наука, 1982. – 860 с.
4. Артемова Е. Ю. Культура России глазами посетивших ее французов : (Послед. треть XVIII в.) / Е.Ю. Артемова; Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. - Москва : Ин-т рос. истории РАН, 2000. – 253 с.
5. Гачев Г. Д. Национальные образы мира : Курс лекций / Георгий Гачев. - Москва : Изд. центр «Академия», 1998. – 429 с.
6. Ощепков, А.Р. Образ России во французских путевых записках XIX века. - 2-е изд., стер. - Москва : Флинта, 2015. - 235 с.
7. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу : Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения : Пер. с англ. / Ларри Вульф. - Москва : Новое лит. обозрение, 2003 (Екатеринбург : ГИПП Урал. рабочий). - 548
8. Миры образов - образы мира: Справ. по имагологии / М-во образования Рос. Федерации. Волгогр. гос. пед. ун-т, Упр. междунар. сотрудничества ; [Науч. ред.: Элке Менэрт, В. А. Павлов ; Пер. с нем. М. И. Логвинова, Н. В. Бутковой]. - 2-е изд., доп. - Волгоград : Перемена, 2003. - 93 с.
9. Галенович Ю. М. Россия в «китайском зеркале». Трактровка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений / Ю. М. Галенович. - М.: Восточная книга, 2011. - 416 с.
10. Андерсон Б. Воображаемые сообщества : Размышления об истоках и распространении национализма / Бенедикт Андерсон; Пер. с англ. В.Г. Николаева. - Москва : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2001. – 286 с.

8.3. Перечень Интернет-ресурсов, необходимых для освоения дисциплины

1. Электронный каталог библиотеки МПГУ
<https://ecat.mpgu.info/Opac/>
2. Электронная библиотека МПГУ <http://elib.mpgu.info/>

3. ЭБС «Университетская библиотека онлайн» <http://biblioclub.ru/>
4. ЭБС Издательства «Лань» <https://e.lanbook.com/>
5. Образовательная платформа «Юрайт» <https://www.urait.ru/>
6. НЭБ eLIBRARY

https://elibrary.ru/projects/subscription/rus_titles_open.asp

7. ЭБС IPR BOOKS <https://www.iprbookshop.ru/>
8. Национальная электронная библиотека <https://rusneb.ru/>
9. Российская государственная библиотека (РГБ) <https://www.rsl.ru/>

8.4. Перечень информационных технологий и программного обеспечения

Для осуществления образовательного процесса по дисциплине необходимо использование следующего лицензионного и свободно распространяемого программного обеспечения, в том числе отечественного производства. Компьютерная техника представляет собой следующий тип компьютеров: Intel Pentium G4620 (3,7ГГц), оснащенных программным обеспечением:

1. Microsoft Windows EDU E3 ALNG SubsVL MVL PerUsr
2. Microsoft Office 365
3. Антиплагиат (доступно преподавателям)
4. IBM SPSS Statistics Standard Campus Edition
5. Kaspersky Endpoint Security для бизнеса – Стандартный
6. Mozilla Firefox (free)
7. Google Chrome (free)
8. Adobe Reader (free).

9. Материально-техническое обеспечение дисциплины

В Институте международного образования имеются все необходимые для реализации

ОП ВО 42.03.02 Журналистика, направленность Международная журналистика условия,

включая следующие специально оборудованные кабинеты и аудитории:

- компьютерные класс, оборудованный видеопроекторами и экранами для осуществления аудио-видео-презентационной учебной образовательной деятельности.

- аудитории для учебных занятий, оборудованный видеопроекторами и экранами

для осуществления аудио-видео-презентационной учебной образовательной деятельности.

Для осуществления образовательного процесса по дисциплине необходима следующая материально-техническая база:

1. Мультимедийная аудитория для проведения учебных занятий;
2. Мультимедийный проектор,
3. Акустическая система,
4. Интерактивная трибуна преподавателя, включающая персональный компьютер с подключением к сети Интернет (с техническими характеристиками не ниже Intel Core i3-2100, DDR3 4096Mb, 500Gb),
5. Конференц-микрофон,
6. Блок управления оборудованием,
7. Интерфейсы подключения: USB, audio, HDMI.
8. Доска маркерная с комплектом маркеров.

В случае реализации ОП с использованием дистанционных образовательных технологий указывается наличие необходимых ресурсов.

Автор рабочей программы дисциплины:

Дагаева Кира Игоревна